Хайо Банцхаф

ТАРО и ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРОЯ

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Хайо Банцхаф

Таро и путешествие героя

Предисловие автора

Таро — система символов, судьба которой сложилась так, что её слишком часто считают просто гаданием. А поскольку карточные и прочие ярмарочные гадания во все века считались забавой простонародья, то лишь очень немногие из серьезных исследователей Давали себе груд изучить эту систему и хотя бы отчасти проникнуть в её смысл. Карты слыли чем-то зазорным, и пытливые умы, пытавшиеся подвергнуть их серьезному исследованию, рисковали и сейчас еще рискуют стать мишенью для насмешек.

Вот почему глубинный, архетипический уровень заключенной информации доступен в наши дни лишь немногим. А попробуйте сказать, что вы видите в Таро ключ к изначальной мудрости человечества — и ответом вам будет в лучшем случае удивление неужто это возможно?», — чаще же всего — сострадательная усмешка.

В отличии от астрологии, насчитывающей уже пятитысячелетнюю история и считавшейся все это время, если не считать последних трех сотен лет, знанием и занятием элиты, Таро этим похвастать не может. Когда говорят, что Таро тоже представляет древнейшую традицию, восходящую к Индии или к Древнему Египту, лишь в XIV веке вновь открытую европейцами, это, звучит весьма увлекательно, однако доказательств тому Пока еще не найдено. Крупнейший специалист в этой области Артур-Эдвард Уэйт, издавший в начале XX века свою колоду карт, остающуюся до наших дней самой популярной из всех утверждал категорически: «Никакой истории Таро до XIV века не существовало».

История Астрологии, конечно, богаче. Ее корни восходят к древнему Вавилону. То же можно сказать и о китайской системе символов И-цзин Известно, что к ней обращался великий Конфуций сопроводивший главы этой книги одной из древнейших в истории человечества, собственными коммепт риями. После того, как книга И-цзин в 20-е годы XX века была переведена на немецкий язык крупнейшим китаеведом Рихардом Вильгельмом, ею увлеклись такие великие умы, как Карл-Густав Юнг, Герман Гессе, Мария-Луиза фон Франц и лама Ангарика Говинда, открыв в ней для себя

неисчерпаемый источник мудрости К сожалению, нас слишком часто увлекают вещи экзотические, но неглубокие, хотя и превозносимые как шедевры высшей мудрости. Между тем есть вещи действительно ценные, валяющиеся буквально у нас под ногами, которые по тем или иным причинам считаются зазорными или «простонародными». Впрочем, Таро — не первое и, наверное, не последнее сокровище, извлекаемое из придорожной грязи. Пусть эта книга послужит новым тому доказательством.

Хайо Банцхаф Мюнхен, май 1997 год

Что такое Таро? История, структура и символика карт

Таро, которое «оно» или «он», в современных языках употребляются обе формы, — это колода карт, известная в своем теперешнем виде с XVI века. С тех самых пор колода Таро состоит из 78 карт, разделяющихся на две основные группы: 22 карты, называемые Старшими Арканами, и 56 карт Младших Арканов. Если двадцать два Старших Аркана — это двадцать два отдельных сюжета, из которых ни один не повторяет другого, а будучи разложены по номерам, они складываются в четкую логическую последовательность, то Младшие Арканы, эти предшественники современных игральных карт, состоят лишь из четырех серий или мастей — Жезлов, Мечей, Кубков и Денариев, позже ставших трефами, пиками, червами и бубнами. Каждая масть, как и в игральных картах, начинается с Туза, за которым следуют Двойка, Тройка и так далее до Десятки. Есть еще фигурные карты или «картинки» — Король, Королева, Рыцарь и Паж — на одну больше, чем в игральных.

Возникли ли обе эти группы сразу вместе или лишь со временем были соединены в одну колоду — вопрос ничуть не более ясный, чем само происхождение карт. По некоторым предположениям, карты Младших Арканов пришли в Европу в XIV веке из исламских стран. Но что на них изображалось и для чего они использовались, для гадания или просто для игры, тоже неизвестно. О происхождении Старших Арканов, для нас с вами самых главных, известно еще меньше. Одни считают, что, раз первое упоминание о Старших Арканах относится к XVI веку, то и возникли они именно тогда, другие же возводят их историю не меньше чем к Древнему Египту, где они служили жрецам книгой мудрости, а потом какими-то таинственными путями попали в Европу.

Одна из многочисленных легенд, связанных с этим, гласит, что карты были принесены в Палестину Моисеем, когда тот увел спой народ из Египта (Моисей как первосвященник был посвящен н жреческие мистерии). В Палестине к ним добавилась Каббала, тайное учение, основанное на символике двадцати двух букв еврейского

алфавита. Важнейшим доказательством этого считается совпадение числа этих букв и Старших Арканов. Однако не стоит забывать, что со Старшими Арканами связывают многие вещи, содержащиее 22 элемента, например, Евангелие от Иоанна, в котором тоже двадцать две главы. Люди часто принимают желаемое за действительное. Вынужденные прибегать к хитроумным и, как правило, запутанным рассуждениям, чтобы обосновать свою идею, такие люди и эти свои рассуждения принимают потом за доказательство ее правильности.

Вот как комментирует подобные «доказательства» Синтия Джилз и своей замечательной книге о Таро: «Каждый из авторов, претендующих на некое особое знание, изо всех сил старается «отмежеваться» от других, объявляя необоснованными их претензии на икание истины — или, по крайней мере, всей истины. А поскольку свое знание они считают тайным, то и себя считают свободными от необходимости приводить какие-либо доказательства своих слов. Поэтому принимать всерьез таких авторов не стоит, хотя в искренности их попыток прояснить истину можно и не сомневаться. Достаточно напомнить, что каждому, кто захочет найти «истину» в Таро, придется начинать с самого начала, потому что тайна карт, если она существует, до сих пор не раскрыта».

О том, что означает само слово «Таро», также впервые упоминаемое в конце XVI века, версий и легенд существует не меньше, чем о происхождении самих карт, начиная от замысловатой древнеегипетской («Путь Царей», от тар = «путь» и рош = «царь) или древнееврейской («Божественный Закон» = Тора) и кончая самой простой: недалеко от города Парма в Италии протекает река Таро, и карты были изобретены где-то здесь. Поскольку в слове «Таро» (Tarot) последняя буква «т» не произносится, можно считать, что слово это — французское. Однако есть тарологи, подчеркивающие эту букву. Объясняют они это тем, что первая и последняя «т» — это одна и та же буква, они «накладываются» друг на друга, как если бы это слово было написано на колесе, поэтому название карт происходит от латинского rota = «колесо». Остается вспомнить еще латинское слово orat = «говорит» и имя египетской богини жреческих посвящений Ator (Хатхор), и тогда получится целая фраза, которую американский оккультист Пол Фостер Кейси построил из перестановок четырех произносимых букв этого слова: ROTA TARO ORAT TORA ATOR = «Колесо Таро провозглашает Закон Посвящения».

Истина же о происхождении карт и значении их имени, скорее всего, лежит где-то посередине между всеми этими спекуляциями.

Лично меня вопросы точной датировки и этимологии мало интересуют. Если Таро действительно дает нам архетипическую информацию, хранящуюся в глубинах коллективного бессознательного, то есть восходящую к самым истокам зарождения человеческого сознания, то на деле не важно, сколько лет отображающим ее картам, 400 или 4000. Хотя ясно, что эти образы старше и печатного станка, и бумаги, на которой напечатаны.

Впрочем, эту символику содержат лишь 22 карты Старших Арканов. 56 Младших Арканов такой глубиной не обладают. «Тот факт, что никто из оккультистов или иных авторов не придавал Младшим Арканам значения большего, чем просто гадательное, скорее подтверждает гипотезу, что обе эти группы карт

Те же карты в иллюстрированном Таро Райдера-Уэйта и Памелы Колмен Смит никак не связаны друг с другом», — считает Артур Эднард Уэйт. Далее он подчеркивает, что Старшие Арканы «принадлежат сфере божественных вопросов философии», а все остальные — карточному гаданию. Карты Младших Арканов никогда не переводились на какой-нибудь другой язык, высший, нежели гадание.

Вплоть до начала XX столетия Младшие Арканы были ничуть не более информативны, чем обычные игральные карты. На них изображались символы мастей в количестве, соответствовавшем номеру карты. Так, на Тройке Кубков было нарисовано три кубка, а на Девятке Денариев — девять кружков или монет. Интерпретировать их было так же трудно, как тройку червей и девятку бубей. Надо было либо заучивать значение всех карт на память, либо вспоминать мистическое значение числа (номера) карты, увязывать его со стихией (мастью) и выводить это значение самостоятельно. Так было до 1910 года, когда появилась придуманная Артуром Эдвардом Уэйтом и выполненная художницей Памелой Колмен Смит колода Райдера, в которой сюжетными рисунками впервые были снабжены и Младшие Арканы. С тех пор такие рисунки имеются на всех 78 картах.

Сколь ни отрадно такое расширение наших возможностей, не следует забывать о том, какая большая разница существует между образами, веками складывавшимися в коллективном бессознательном человечества, какими принято считать Старшие Арканы, и иллюстрациями, придуманными одним человеком, пусть даже гениальным. Такие рисунки, конечно, помогают понять значение карты, но им никогда не достичь глубины и символизма образа-архетипа. Поэтому я не вижу смысла разбирать детали рисунков на

Младших Арканах. Они просто иллюстрируют какой-то определенный сюжет. Так, Тройка Кубков показывает нам танец в честь Праздника Урожая, поскольку у ног танцующих лежат спелые плоды. Видя это, мы понимаем, что означает эта карта: дело дало плоды, и человек доволен и благодарен. Больше там ничего нет. Любые спекуляции о том, почему одна из танцующих граций одета в золотые туфли, а другая — в синие, или что это за плоды, яблоки или помидоры, в лучшем случае означают какие-то мелочи, а в худшем не означают ничего.

Старшие же Арканы представляют собой символические вехи на жизненном пути человека. Дело в том, что символ, в отличие от знаков, «иконок», шифров, кодов и тайнописей, никогда не бывает выдуман. Он ничего не скрывает, а, наоборот, раскрывает что-то гораздо более глубокое и важное, чем-то, что может быть выражено словами и воспринято одним разумом. Если, например, круг символизирует неразделенное целое, рай, сферу божественного, все-единство, сознание и подсознание, человеческое «Я», совершенство, вечность и еще многое другое, то эти значения не выдуманы, а открыты в нем как некое изначальное знание, заключенное в этом символе.

Поэтому и ключ к таким символам кроется не столько в «тайнах», часто намеренно создаваемых группами оккультистов, различными тайными обществами и всяческими орденами или ложами, называющими себя эзотерическими, сколько в глубине человеческой души. В XX веке важнейшая роль здесь принадлежит психологии К.-Г. Юнга, открывающей доступ к символике архетипов, к тому, что по праву называли и называют тайным знанием. Это не тайноведение, не знание чьих-то тайн и уж тем более не засекречивание знаний, чтобы сохранить их в тайне от кого-то. Это — знание вещей, таинственных по своей природе, потому что они не лежат на поверхности, а существуют, так сказать, на невидимом плане, «на обратной стороне» реальности. Такое — действительно эзотерическое! — знание, присутствующее в удивительно схожей форме во всех культурах, не только старше любых религий, но почти всегда само становилось их основой, да и сегодня нередко сохраняется в них как глубинное, прочное ядро. И в центре этого знания всегда стоит вопрос о жизненном пути человека и о смысле смерти.

Если попытаться кратко сформулировать мысль, лежащую в основе этого тайного знания, то это будет мысль о полярности мира, в котором мы живем: познать этот мир и все, что в нем находится, мы

можем, лишь сопоставляя каждую вещь с ее противоположностью. Нам бы, наверное, и в голову не пришло обозначать что-то как мужское начало (а тем более осознать его таковым), если бы не было начала женского, без ночи не было бы и дня, а не будь смерти, мы бы не знали, что живем. А поскольку этот закон полярности пронизывает всю нашу реальность, это значит, что и у полярности есть своя противоположность — то самое чудесное все-единство, которое все религии описывают, как райское и божественное, хоть и каждая по-своему. Выпадение из этого изначального все-единства, его распадение на множественность и возможность вернуться туда, в потерянный рай, и есть эзотерическое знание о жизненном пути человека.

Вот почему все духовные учения называют этот путь путем Спасения: его цель — обретение человеком целостности (целостность = здоровье). Отсюда известный, в том числе и в юнгианской психологии, постулат о том, что всякий человек изначально «нездоров», ибо значительные части личности у него «затенены», то есть воспринимаются сознанием как инородные или вообще не воспринимаются — до тех пор, пока не будут сознательно проработаны. Пока эти части личности остаются «в тени» сознания, у нас нет целостности, а у них есть цель — напомнить нам о себе, что они и делают, заставляя нас совершать дурные поступки. Этот путь наглядно представлен в рисунках 22 Старших Арканов. В этом и состоит их подлинная ценность. Рассматриваемые таким образом, они дают нам урок, по своей значимости и масштабам далеко превосходящий все то, что мы могли бы узнать от них при простом гадании. 'Таков глубинный смысл Таро, его сверхзадача. Тот, кто осознает эту взаимосвязь Старших Арканов друг с другом, их смысл как этапов жизненного пути, найдет в них для себя поразительно ясные жизненные ориентиры.

При этом может возникнуть вопрос, насколько аутентичной следует считать символику этих карт сегодня, ведь каждая новая колода получала свои рисунки или, по меньшей мере, какие-то детали, которых не было на старых, в общем-то, довольно простых картах. Ответ зависит от того, сохранился ли в новых рисунках изначальный смысл символа и какую роль сыграли эти детали — обогатили его или, наоборот, исказили. Если, например, на карте Повешенного человек просто висит на виселице вниз головой, то из этого скорее всего следует, что художник исходил только из названия, не вникая в смысл самого символа. Если же фигура на карте подвешена за правую ногу

(осознанное действие), а не за левую (неосознанное), и не на виселице, а на Т-образном кресте, символе избранности (см. с. 136), то это не только не искажает, но обогащает первоначальную символику, указывая, что свою жертву этот человек, «избранный» Космосом для определенной цели, приносит сознательно и добровольно. А если к тому же дерево креста украшается свежими побегами, то это — символ новой силы, приходящей к человеку, добровольно принесшему такую жертву.

В колоде Алистера Кроули, увидевшей свет в 1944 году, та же карта изображает человека, беспомощно распятого между жизнью и смертью. Вверху — змей жизни, еще удерживающий его на этом свете, подобно известному волоску, но взор его уже устремлен вниз, к змею смерти. Эти детали не искажают смысла символа Повешенного, а представляют собой амплификацию, по-латыни «обогащение», как у Юнга, уделявшего большое внимание подобным деталям при анализе сновидений.

В колоде же Райдера-Уэйта допущено (редко кем замечаемое) искажение изначальной символики, на мой взгляд недопустимое: карты Справедливости и Силы поменялись местами. В старинных колодах Справедливость занимала восьмое, а Сила — одиннадцатое место. Желая, по его словам, «исправить» порядок Старших Арканов, Артур Эдвард Уэйт поместил Силу на восьмое место, а Справедливость — на одиннадцатое.

Сам Уэйт не дал никакого хоть сколько-нибудь убедительного объяснения этому своему решению, поэтому на сей счет, тут же возникло множество спекуляций. В первую очередь, конечно, ссылаются на Каббалу, тайное еврейское учение, в основе которого лежит образ дерева, называемого Древом Жизни и считающегося символом Творения. Это 'Древо состоит из десяти энергетических центров, называемых «сфирот» и соединяемых между собой двадцатью двумя «тропами» или связками. Считается, что десять сфирот соответствуют первым десяти числам, а двадцать две связки между ними — 22 буквам еврейского алфавита, из чего многие делают вывод, что они соответствуют и 22 Старшим Арканам. Нетрудно предположить, что знание смысла этих каббалистических связок и подвигло Уэйта поменять местами VIII и XI Арканы. Тем не менее Алистер Кроули, разбиравшийся в Каббале во всяком случае не хуже Уэйта, этой перестановки не принял: в его колоде 1944 года Сила и Справедливость вернулись на свои прежние места.

Вторая гипотеза предполагает, что древние мудрецы, создатели

карт Таро, нарочно исказили их так, чтобы ими не могли пользоваться непосвященные. Мы не можем, конечно, полностью исключать такую возможность, однако против этого говорит слишком много фактов. Во-первых, тут смешиваются две вещи: символ, призванный наглядно показать что-либо, и тайный язык, придумываемый с целью что-либо скрыть. Во-вторых, если в Таро что-то и было скрыто, то так неловко, что раскрыть этот «шифр» под силу любому, кто даст себе труд этим заняться. Если разобраться в мифологической подоплеке каждого Аркана, как мы делаем это в нашей книге, то его смысл и место в ряду Арканов становятся вполне очевидны. К тем же выводам можно прийти, проанализировав нумерологическое значение чисел Восемь и Одиннадцать, соответствующих смыслу изначально связанных с ними Арканов.

Как пользоваться этой книгой

Раскинуть карты, чтобы получить ответ на вопрос — это всего лишь один из способов работы с Таро. В этой книге описывается другой способ, менее распространенный, зато позволяющий проникнуть в глубинный смысл карт. Двадцать две карты Старших Арканов рассматриваются здесь как значимые вехи, как архетипические указатели на пути к трудной цели — к целостности. Взаимосвязи, возникающие при этом между отдельными картами, не только освещают текущую ситуацию с новой, часто неожиданной стороны, но и знакомят человека с той прекрасной жизненной философией, которая заключена в Таро. Тот, кто даст себе труд познакомиться с этим древним знанием и понять его, не только приобретет источник полезных советов в любой житейской ситуации, но и сумеет проникнуть в смысл тех задач, событий, кризисов и успехов, с которыми сталкивает нас жизнь, и научится использовать их для своего дальнейшего внутреннего роста.

Если, читая описание отдельных этапов жизненного пути человека, вы вдруг узнаете в них себя, то в этом нет ничего удивительного. Во-первых, 22 карты Старших Арканов представляют собой путь, который в принципе должен пройти каждый из нас. Оговорка «в принципе» означает лишь, что не каждому удается достичь последних карт. Но во всяком случае они есть у нас в потенциале. С другой же стороны, одна и та же последовательность этапов пути может реализоваться в различных сферах, и, кроме того, каждый этап повторяет структуру всего пути в целом, согласно герметическому закону о тождестве макрокосма и микрокосма. Поэтому человек может находиться на нескольких различных этапах одновременно, например:

1. В сфере жизни в целом — на этапе Повешенного, который тоже не обязательно связан с кризисом среднего возраста.

2. В сфере работы это может быть карта Мира — человек, нашедший свое истинное призвание.

3. В партнерских отношениях — между Диаволом и Башней, что может означать какую-то зависимость и стремление освободиться от нее или, напротив, осознание теневых сторон своей личности (Диавол) через конфликты и трения и освобождение от старых шаблонов

поведения (Башня).

4. В сфере развития личности это может быть Аркан Звезды, если человек освободился от прошлого (Башня), обрел новую надежду, увидел новые горизонты (Звезда), но это ощущение или знание еще не реализовано, замыслы (Луна) еще требуют воплощения (Солнце) в каком-то конкретном результате (Суд), который необходимо будет закрепить (Мир).

5. Начиная новое дело, человек может находиться на этапе Колесницы: выработав план (Жрец) и сделав свой выбор (Влюбленные), он приступает к работе (Колесница).

6. Он может «вынашивать» (Императрица) какую-то идею (Маг), вызвавшую определенный процесс в глубинах подсознания (Жрица) и теперь ожидающую своего воплощения (Император).

7. В сфере сознания это может быть Отшельник как фаза осмысления самого себя, собственной индивидуальности, а в результате — переосмысления своей жизненной задачи.

При таком подходе к картам гадание уже не требуется. Узнав в своей ситуации тот или иной Аркан, мы можем с его помощью не только лучше понять ее смысл, но и выяснить ее причины и перспективы дальнейшего развития, проанализировав предыдущие и последующие Арканы. Хотя можно, конечно, поступить и наоборот: не зная, как оценить свою теперешнюю ситуацию, мы можем наугад вытащить один из Старших Арканов, чтобы узнать, как само Таро характеризует данный этап нашей жизни. Ключевые слова, приводимые в конце описания каждого из Арканов, 'помогут выяснить, какие конкретные задачи стоят перед нами на данном этапе, и какие опасности следует принимать в расчет.

Притча-Напутствие

Когда человек знакомится с мифом или слушает сказку, точнее, когда он действительно воспринимает их всей душой, то он исцеляется, потому что такое восприятие возвращает его к архетипическому шаблону поведения, к его истинному и законному месту в «мировом порядке».

Эмма Юнг

Происхождение и смысл путешествии Героя

Повесть о путешествии героя — самая старая из всех сказок на свете. Именно она образует канву множества мифов, сказок и легенд про то, как некто отправляется в путь, чтобы совершить свой подвиг. За всеми бесчисленными историями подобного рода, известными во всех народах и культурах и сегодня, кроется один и тот же сценарий. Этот сценарий не выдуман, он никем не изобретен и не сочинен. Он всего лишь отражает знание, приобретаемое душой по мере ее развития, — так сказать, «унаследованное» знание. Потому что эта старая-старая сказка есть не что иное, как образец, притча, напутствие герою, его «путевка в жизнь». Вот почему она всегда воспринимается так живо, и никому не наскучивает ее слушать: она напоминает нам, зачем мы пришли на эту Землю и что должны здесь совершить.

Изучением древнего наследия, скрытого в мифах и сказках, занимались многие этнологи, психологи, философы и социологи, искавшие его протокорни. Большая роль в этом принадлежит швейцарскому психологу Карлу-Густаву Юнгу, впервые описавшему этот феномен как «память души», генетическую или родовую. Юнг показал, что у нас, людей, есть не только возрастные, расовые и половые признаки, по которым мы друг от друга отличаемся, но и общая генетическая память, всех нас объединяющая. Эту память он обозначил термином «коллективное бессознательное». Именно на этом объединяющем всех людей уровне и действуют архетипы — протокорни человеческой души. Архетипы — это образы, вложенные в нас изначально, наш родовой «багаж», всегда сопровождающий нас и не требующий усилий для его приобретения. Один из таких архетипов — «старый мудрец». Даже человек, никогда в жизни такого мудреца не видевший, может встретиться с ним, например, во сне. В его подсознании нет соответствующего образа (образца), однако оно тем не менее узнает его, потому что этот архетипический образ имеется в коллективном бессознательном. То же относится и к «ангелу» — образу, встретить который наяву, мягко выражаясь, маловероятно.

Поэтому Путешествие Героя есть не что иное, как архетипический

образец жизненного сценария, складывающийся из отдельных прообразов или протокорней. Вот почему мы узнаем эти образы в любом их изображении. Повесть в них заключена всегда одна и та же: жизнь бросает герою «вызов», заставляя его отправиться на поиски некоего труднодоступного сокровища, и эти поиски складываются в ряд определенных этапов, о которых так замечательно пишет немецкий филолог Вальтер Нуркерт:

Началом обычно служит какая-то потеря, угроза или задача, справиться с которой и предстоит нашему герою. Он пускается в путь, во время которого приобретает себе как врагов, так и друзей, потом находит волшебное средство, с помощью которого и побеждает своего главного врага, причем слава, как правило, достается за это не ему; затем он отправляется домой, где разоблачает своих конкурентов и других обманщиков. В конце концов он женится на царевне и наследует царство.

Эта повесть существует в массе устных и письменных вариантов, однако изобразительный вариант известен до сих пор только один: это 22 Старших Аркана Таро. Их сюжеты не только сами по себе являются архетипическими отображениями определенных этапов Путешествия, но и выстраиваются в некую последовательность, позволяющую осознать закономерность этого пути.

Важнейшие из этих сюжетов, судя по всему, были взяты «с неба»: движение Солнца и Луны определяет ритм человеческой жизни. Чтобы действительно осознать роль этих светил в жизни древних, нам придется абстрагироваться от того переворота, который произвели в науке Галилей и Коперник.

Сегодня нам, конечно, известно, что Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца. Но если взять и поверить собственным глазам, то Солнце по-прежнему встает на Востоке и заходит на Западе. В чем бы ни заключались достижения науки последних веков, они нисколько не меняют этой картины. И, если мы хотим действительно понять ту повесть, которую рассказывает нам наша душа, мы должны довериться собственным глазам и увидеть мир таким, как он виделся людям с древнейших времен:

В центре мира находится Мировая гора, на которой живут люди. По обе стороны от нее стоят две мощные колонны. Левую колонну венчает Луна, правую — Солнце. На них держится небосвод, защищающий и укрывающий нас.

Такая картина мира наглядно представлена на схеме, дошедшей до нас от Древнего Вавилона. Мировая гора возвышается на острове,

окруженном великим Океаном. На края горизонта опираются небесные сферы, по которым перемещаются планеты, а глубоко под его поверхностью находится Подземное царство.

Эта схема дает объяснение двум феноменам, издавна будоражившим человеческое воображение, заставляя искать разгадку. Каким образом Солнце, ежевечерне погружающееся за горизонт на Западе, утром вновь восходит на Востоке? Как оно туда переходит? Никто на свете не знает, что

Солнце делает ночью, и тем не менее утром оно всегда восходит с другой стороны. Пытливые умы выдвигали самые разнообразные гипотезы. Одни считали, что, уйдя вечером через Западные врата, Солнце погружается на ладью (с которой часто отождествляли серп Луны) и плывет обратно по ночному небу. А поскольку иссиня-черное ночное и обо цветом напоминает море, это путешествие Солнца преобразилось в путь героя по Морю Ночи.

В других краях скорее всего, на морских побережьях, — распространилось поверье, что Солнце, заходя за горизонт, погибает, и его душа становится Солнцем ночи, которое должно пройти свой путь в Подземном царстве. Так возникли легенды о нисхождении в Подземное царство, о томящихся в нем душах умерших, страдающих без солнечного тепла и света и ликующие, когда оно спускается в мир теней, а также о полуночном «часе духов», когда борьба сил тьмы и сил света завершается победой последних и восходом Солнца, каждое утро доказывающего тем самым свою непобедимую мощь.

Движение Луны, этого второго по значимости светила и нашем небе, также стало основой целой серии легенд. В конце своего цикла, то есть в конце лунного месяца, узкий серп убывающей Луны виден над восточным горизонтом. За этим следуют три безлунных ночи, по прошествии которых серп новой Луны возникает там, где заходит Солнце, то есть над западным горизонтом. Отсюда легко сделать вывод, что в эти трое суток Луна тоже путешествует по Подземному царству, потому что как иначе она могла бы вернуться в верхний мир на Западе, покинув его на Востоке? По аналогии с этими небесными явлениями возникли и предания многих народов о Герое, нисходящем в Подземное царство, чтобы совершить там свой подвиг и спустя три дня вернуться или воскреснуть. Нам с вами этот сюжет знаком по ветхозаветным и особенно евангельским легендам: «…и распятие и смерть претерпели изволил еси, и погребение приял еси тридневное, нисшедша во ад, и спустя три дни воскрес из мертвых».

Древние египтяне, сохранившие для нас важнейшие подробности и

символику Путешествия Героя, а тем самым и старших Арканов Таро, поклонялись солнечному божеству Ра, путь которого и описали в необычайно ярких образах. В своей ладье, называемой также «Ладьей миллионолетий», Ра совершает свое ежедневное путешествие сначала по дневному, а потом по ночному небу.

22 карты Старших Арканов тоже, в сущности, повторяют этот сюжет: карты с однозначными номерами, от 1 до 10, олицетворяют дневной путь Солнца, а с двузначными, от 10 до 18, его ночной путь по подземному царству и возвращение на свет Божий. Пары этих карт связаны друг с другом не только по смыслу, но и нумерологически.

Поворотными пунктами на этом пути служат карты Отшельника и Луны. Если символ Рака отображен на Аркане Луны вполне наглядно, то Аркан Отшельника уже требует знания астрологии, согласно которой он соответствует Сатурну, а через Сатурн — Козерогу. Так в Старших Арканах выражается и структура календаря с его поворотными пунктами, тропиком Рака и тропиком Козерога. Лейтмотив обеих частей путешествия обозначен уже в двух первых Арканах. Для карт с однозначными номерами это I Аркан, Маг, олицетворяющий мужской путь, путь к сознанию. II Аркан, Жрица, символизирует женский путь, путь к темному, подсознательному, таинственному, путь мистерий, ведущий по двузначным картам. Это не два разных пути, путь муж-. чины и путь женщины: чтобы достичь целостности, и мужчина, и женщина должны пройти по обоим этим путям. Точно так же и путь Героя — в то же время и путь Героини, даже если в большинстве сохранившихся патриархальных мифов главный подвиг совершается мужчиной.

В аналитической психологии К.-Г. Юнга становление человеческой личности определяется как процесс индивидуации.

Дневной путь Солнца и путешествие по Подземному царству рисунках Старших Арканов в ходе которого человек должен осознать свою индивидуальность, развить ее и выработать оптимальную модель поведения, чтобы достичь самореализации и в конечном итоге обрести целостность. Как и путь Солнца по небосводу, этот путь тоже состоит из двух частей: в первой половине жизни человек развивается и реализует себя «изнутри вовне», во второй же он возвращается к своей тени, ища «путь к себе». Результатом или, во всяком случае, целью этого процесса индивидуации является зрелая, интегрированная личность, достигшая целостности. Именно такую личность отображают три последних Аркана, XIX–XXI, достичь которых может лишь тот, кто прошел оба мира. Они означают возвращение к Свету

(Солнце), мистерию трансформации (Суд) и вновь обретенный рай (Мир). Двадцать вторая карта, Шут, имеет номер 0. Она олицетворяет самого Героя, идущего путем Солнца, чтобы совершить свое Великое Делание. Именно о нем говорит шекспировский шут: «Дурость, сударь, вроде как солнце, ходит своими путями». — (В. Шекспир, «Двенадцатая ночь», Акт III, сцена 1).

Герой повести

Странно, что героем, одолевающим трудный путь, оказывается Шут, не правда ли? Для нас сегодня герой — существо совсем иного рода. Герой отважен, силен, он никогда не ошибается, соображает быстрее других и окружен аурой неизменного победителя. Но если обратиться к истории, то окажется, что такой герой-победитель — образ сравнительно поздний, даже если первые его образцы, как Гильгамеш, Геракл, Орион или Персей, насчитывают уже три или четыре тысячи лет. Все эти герои — мужчины, они возникли в эпоху раннего патриархата и сильно отличаются от своих предшественников, тоже нам известных. Их образы сохранились в устной традиции, в сказках и легендах. В них герой, по крайней мере, вначале, не отличается никаким особым мужеством, силой или сообразительностью. Наоборот, он всегда самый младший, самый неопытный, самый глупый. Однако, как ни странно, именно ему, этому «дурачку», удается совершить подвиг. Сценарий у всех этих легенд одинаков. Чаще всего в нем идет речь о процветавшем когда-то царстве-государстве на которое вдруг упала черная тень угрозы. Царь бросается в поисках героя, готового рискнуть жизнью и спасти государство. Обычно у самого царя три сына, и двое старших первыми берутся за дело — иногда добросовестно, иногда не очень, но всегда безуспешно. Когда же в путь отправляется самый младший, то все смеются над ним, считая, что его затея заведомо обречена на провал. Да он и сам знает, что до сих пор ничем не отличился, ни умом, ни силой. И тем не менее он берется за дело. И после множества испытаний, встреч и чудесных событий раздобывает недоступное сокровище, привозит его домой и спасает государство от гибели. Царь же ожидает победы от кого угодно, в первую очередь, конечно, от своих старших сыновей, почти таких же умных и смелых, каким он сам был когда-то, но только не от дурачка-младшего.

У этой повести есть, конечно, и «женские» варианты, где героиней становится младшая дочь, а не ее старшие (часто злые) сестры. Вспомните, например, Золушку, Психею или младшую дочь короля Лира.

Однако в этом-то и заключается соль большинства сказок всех

времен и народов. Они учат, что решение самой большой проблемы и конце концов отыскивается там, где его меньше всего ждешь. Вот как объясняет это Мария-Луиза фон Франц: «Дурачок, — пишет она, — символизирует чистоту и неиспорченность личности. Это важное, чем интеллект, самодисциплина и все прочее. Именно благодари этим качествам во всех сказках ему так везет». Вот почему и в повети, которую рассказывает нам Таро, героем является Шут. Однако из этого ни в коем случае не следует, что речь в ней идет о путешествии шута. Отправляется в путь действительно шут-дурачок, но уже очень скоро он взрослеет и умнеет. Правда, к концу повести ему вновь предстоит стать шутом, но это уже шут-мудрец, простота и скромность которого совсем не те же, что вначале. Подобно Парсифалю, вышедшему в свет в платье шута, а в конце легенды благодаря своей чистоте нашедшему чашу Грааля, наш Шут в нача-II1 повествования является нам в обличье простодушного дурачка, в гонце же обретает высшую простоту души, то есть мудрость.

Шута на карте сопровождает пес, символизирующий природные инстинкты, помогающие человеку и защищающие его на трудном пути. Не подозревая об опасности, он шагает по самому краю пропасти, но мы знаем, что он не сорвется. Пес своим лаем предостережет его — или, что вероятнее, отвлечет его в другом направлении, и Шут так никогда и не узнает, что был на краю гибели. Снежные вершины на заднем плане олицетворяют высоты, которые Шуту предстоит покорить на своем пути. Это — горы, на одной из которых живет отшельник, олицетворяющий цель первой части пути по однозначным картам. Цель заключается в познании, точнее, в самопознании. Все, что необходимо Шуту на этом пути, хранится в его котомке, о содержимом которой также существует множество спекуляций. Лучше всего это выразил Шелдом Копп. Он назвал котомку Шута «кладезем невостребованных знаний».

Такое состояние не только типично для сказочного Шута, но и очень важно для нас с ними. Это — человек, который либо просто, не знает, либо знает, но этим своим знанием не пользуется. В любом случае знание, необходимое, казалось бы, в той или иной данной ситуации, не мешает ему подходить к ней непредвзято. В каком-то смысле Шут олицетворяет нашего «внутреннего ребенка», а дети, как известно, любят испытывать все новое и, играя, открывать для себя очередные Америки. Ясно, что подобная открытость и непредвзятость — лучший способ узнать и осознать нечто новое. Недаром Уэйт называл эту карту: «Дух в поисках познания».

Чем дальше мы взрослеем, тем больше привыкаем к однажды усвоенным представлениям и вложенным в нас шаблонам. Это дает нам (иллюзорную) уверенность в собственной правоте и в безошибочности наших представлений об окружающем мире, то есть, попросту говоря, в его неизменности. Каков этот мир в действительности и как он меняется, нас с каждым годом интересует все меньше. И мы чем дальше, тем больше начинаем жить в мире собственных представлений, гордо называя это «опытом», который на самом деле то и дело становится нам поперек дороги, когда мы в очередной раз сталкиваемся с чем-то новым. Конечно, всегда проще вернуться к старым шаблонам, ведь ими столько раз выручали нас в далеком и даже не очень далеком прошлом. Но и результат этого закономерен: жизнь все больше утоляет нас своей монотонностью, радоваться в ней становится нечему, и главным среди всех наших ощущений становится скука. И второй результат: новая, настоящая жизнь то и дело врывается в мир наших привычных представлений, заставляя нас переживать очередной кризис и ломать рамки старых шаблонов, никак в эту новую жизнь не вписывающихся.

Снежные вершины на заднем плане карты Шута, — это далекий для него пока мир Отшельника. Они олицетворяют высоты, которые Отшельник уже покорил на пути познания, Шуту же еще только предстоит одолеть их.

Шут же, напротив, олицетворяет самую простую и жизнерадостную сторону нашей души, которая не задумывается, то ли и так ли она делает, а просто испытывает очередное новое ощущение, радуясь и не боясь ошибиться, осрамиться и ми показаться смешной. Не получилось — попробуем еще раз, и так до тех пор, пока дело не получится, или пока душа не утратит к нему интерес. Шут умеет радоваться всей душой и удивляться как каждому новому чуду, которое дарит ему жизнь, так и самой жизни, полной таких чудес.

Ключевые слова к карте Шута

Архетип — ребенок, наивный дурачок

Задача — непредвзятое восприятие нового, познание через игру мель — радость жизни, накопление опыта «играючи»

Риск — остаться неотесанным, неумелым, легкомысленным, глупым

Жизнеощущение — предприимчивость, привычка доверять инстинкту, удивительная открытость, ничем не замутненная радость жизни, любознательность, желание все испытать самому

Небесные родители

У классического героя обычно две пары родителей — земные родители и небесные. Во многих мифах герои рождаются от верховных божеств, но воспитываются в человеческой семье, хоть и в царской. При этом сам герой обычно не знает о своем происхождении, во всяком случае вначале. В принципе любая сказка, начинающаяся с сообщения о мачехе или отчиме, подразумевает наличие у героя «второй пары» родителей. В Таро обе родительские пары представлены первыми четырьмя Арканами (I–IV).

Маг и Жрица — небесные родители героя. Они олицетворяют полярность мужского и женского начала на космическом уровне, в мире идей. Везде, где здесь и далее будет говориться о «мужском» или «женском», под этим следует понимать не распределение социальных ролей и не набор мужских или женских качеств, и чисто символическое деление на ян и инь. И, подобно ян и инь, мужское начало немыслимо без женского и содержит его в себе гак же, как в женском содержится мужское, образуя единое целое. Это два полюса той дуальности, которая лежит в основе нашего мировосприятия. Вот ее примеры:

мужское — женское
активность — активность
правое — левое
верх — низ
день — ночь
солнце — луна
прилив — отлив
осознаваемое — неосознаемое
дух — душа
логика — чувства
ощущение — интуиция
количество — качество
иметь — быть
проницательность — проницаемость
вмешательство — невмешательство
зачатие — восприятие
напряжение — расслабление

обновление — сохранение
акция — реакция
экстраверт — интроверт
произвольно — непроизвольно
понятие — образ
логос — эрос
причинность — аналогия
абстрактное — конкретное
анализ — синтез

Эта дуальность обнаруживается и в обоих путях, ведущих человека к познанию, пути магическом и пути мистическом. Они, в свою очередь, соответствуют двум основным способам сосуществования с Природой: вмешательству и приспособлению. Путь Мага — это путь Фауста, в поисках познания вмешивающийся в Природу, проникающий в ее тайны, чтобы понять ее, а потом и овладеть ею. Этим путем пошел человек Запада — и пришел к своему теперешнему уровню жизни со всеми плюсами и минусами технической цивилизации. Это — активный путь силы, преображающей внешний мир «всеми возможными способами», а когда что-то выходит не так или мешает, то от него теми же способами отделываются. Это — энергия Мага, предполагающая активное действие, в отличие от Жрицы, идущей по мистическому пути невмешательства, того самого недеяния, которое мы в наши дни находим на Востоке в качестве основополагающей жизненной позиции. Мистический путь означает тренировку, терпение и готовность услышать божественный зов, получить веление свыше и выполнить его. Говоря проще, маг ищет, а мистик ждет, чтобы его нашли. И тот, и другой путь — это муть познания, но каждый из них соответствуют одному из двух полюсов как космической, так и человеческой дуальности, проявляющейся во всем, начиная с различной роли двух полушарий нашего мозга. При этом ни один из путей не важнее, не «правильнее» и не лучше другого. Он плох, если человек идет только им одним, И хорош, если человек соблюдает в его отношении верную меру. Поэтому и герой нашей повести, как и каждый из нас, должен пройти и тот, и другой путь, чтобы достичь цели.

Небесный отец

Маг — это воплощение активного, творческого начала. Он символизирует солярное сознание, выводящее все на свет Божий, стремящееся к ясности и однозначности. На карте он изображен в позе мастера, действующего не своей силой, а получающего энергию свыше и применяющего ее на земле. Эту связь между «тем, что наверху, и тем, что внизу» выражают также его магический жезл и лежащая восьмерка, символ бесконечности (лемниската). Она олицетворяет связь между мирами и постоянный обмен энергиями между ними.

Четырехугольный стол, соответственно символике числа Четыре, символизирует земную реальность. На столе лежат символы четырех мастей Таро: жезл и кубок и монета, соответствующие четырем стихиям — огню, воздуху, воде и земле. Собранные вместе, они олицетворяют целостность Творения, потому что по античным представлением все состоит из этих четырех стихий. На этой карте они обозначают задачи Мага, точнее говоря, те задания, ради выполнения которых он воплотился в этой жизни. Таким образом сама карта символизирует волю и силу, необходимую для выполнения жизненных задач, а тем самым и достижения целостности.

О том, что Маг — не шарлатан и не халтурщик, а действительно человек, способный выполнить высокую задачу, свидетельствуют алые розы (божественная любовь), белые лилии (душевная чистота) и золотой фон рисунка, означающий в Таро Райдера-Уэйта «благородные помыслы».

Ключевые слова к карте Мага

архетип — творец, мастер

задача — активность, инициатива, стимул, постановка и решение задачи

цель — мастерство, самореализация, познание

риск — впасть в манию величия, в мечты о всемогуществе, в шарлатанство

жизнеощущение — уверенность в себе, огромный потенциал

Небесная мать

Жрица, в противоположность Магу, олицетворяет пассивное, воспринимающее начало. Она означает терпение и готовность предать себя высшему водительству, дождаться того единственного момента, когда придет необходимый импульс. Она знает, что «всему есть время свое», и поэтому не вмешивается в ход событий, позволяя всему идти своим чередом. Таким образом, эта карта выражает доверие ко внутреннему голосу, указывающему нам путь и всегда точно сообщающему, нужно ли нам что-то делать, и если да, то когда и как.

Жрица сидит между двух столбов, как бы открывающихся к верху: они символизируют ее готовность принимать и воспринимать. На них нанесены буквы B и J, напоминающие о первом иерусалимском храме, возведенном еще Соломоном: царь устроил там два столба, «один по правую сторону, другой по левую, и дал имя правому Иахин /Jahin/, а левому имя Воаз / Boaz/» (2. Пар. 3:17, см. тж. 3. Ц. 7:21). Первоначальное значение этих столбов и их названий давно забыто, хотя спекуляций на эту тему также существует множество. Особой популярностью они пользовались у масонов. На втором Аркане Таро эти столбы изображены черным и белым, что должно означать принципиальную полярность — например, дня и ночи, лета и зимы, сознательного и бессознательного. Трон Жрицы расположен между этих двух полюсов, поскольку оба они для нее равнозначны. Она отделяет их один от другого, но не предполагает ни одного из них, зная, что лишь вместе они составляют целое. Тот, кто рассматривает их как противоположности, не только утрачивает эту первоначальную целостность, но и обретает вместо однозначности односторонность. Учитывая это, можно согласиться с интерпретацией букв B и J как Ваал /Baal/ и Ягве /Jahwe/. Бог Ваал был супругом великой хананейской богини Астарты, почитавшейся как богиня Луны, то есть ночи, а древнееврейский Ягве (Иегова) считался богом света, боровшийся, как И все древние божества, с силами тьмы.

На этой карте обе силы представлены наравне, потому что на самом глубоком (или на самом высоком) уровне любое противопоставление — света и тьмы, добра и зла, бога и дьявола, жизни и смерти — бессмысленно, ибо нереально. В глубине души мы

ощущаем эту целостность, достигаемую лишь за пределами этих привычных оценок и разграничений, там, где совершается алхимическая свадьба Света и Тьмы. Понимание этого, знание этой всеобъемлющей целостности и есть та присущая Жрице «мудрость лона», которую символизирует на рисунке свиток Торы*, книги божественного Закона, лежащий у нее на коленях. При этом для Жрицы, как и для Богородицы, важна не буква, а дух Закона, его подлинный смысл, скрытый за словами, как сказано в рождественском чтении: «А Мария сохранила все слова сии, слагая в сердце своем» (Лк. 2:19).

Ту же мысль выражает и венец на голове Жрицы, символизирующей три фазы Луны — растущую, полную и убывающую, то есть не только цикличность бытия, но и лунарное сознание, олицетворяемое этой картой. Это — отраженный свет Луны, хотя и не позволяющий ясно разглядеть все, как при свете Солнца, зато проникающий в темные уголки, скрытые от солярного сознания, потому что после восхода они исчезают. Таким образом, Жрица символизирует миры видений и вещих снов, предчувствий и интуитивных открытий истины. Это — источник глубочайшего вдохновения, бурлящий тем сильнее, чем больше мы абстрагируемся от дневного сознания, погружаясь, так сказать, «в сумеречное состояние».

Ключевые слова к карте Жрицы

архетип — Царица небесная

задача — терпеливое ожидание импульса (извне или изнутри), единственного момента, готовность к восприятию, сущность эха

цель — интуитивная уверенность, глубокое понимание, проникновение в суть, осознание видении, предчувствие развития событий

риск — возможны бегство от действительности, маниловщина, нерешительность

жизнеощущение — умение дать всему идти своим путем, доверие к верховному водительству, вдохновение в состоянии абстрагированного сознания

Земные родители

Если небесные родители символизировали мужское и женское начало в мире идей, то земные родители олицетворяют эти принципы в мире конкретного: это мать-природа (Императрица) и культивирующее, цивилизующее начало (Император). Когда оба начала находятся в гармонии, человек ощущает покой и безопасность и не испытывает недостатка ни в чем. Мать-природа как источник всякой жизни приносит все новые плоды, а Хозяин собирает урожай. Природа лишь раскрывается во всей своей первозданности, Хозяин же разбивает сады на месте джунглей и строит убежища для защиты человека от буйства и капризов Природы, которые иначе могли бы угрожать его жизни — мороза, жары, сырости или бури. Природа подчиняется лишь закону циклических перемен, а Хозяин стремится уравновесить эти перемены, удержать их в хоть сколько-нибудь приемлемых рамках. Она может много лет подряд баловать своих чад изобилием плодов, а потом оставить их голодать. Он строит амбар для зерна и холодильники, устанавливает отопление и кондиционеры, чтобы выровнять «ее» колебания температуры. Соблюдая меру, он действительно цивилизует Природу, рафинирует ее грубость и дикость. Забывая о мере, он силой вмешивается в природные циклы, спрямляет русла рек, создает вместо обычных джунглей бетонные и асфальтовые, вместо живописных садов — монотонные парки, превращая мир в стерильную искусственную конструкцию. Когда его постройки окаменевают, она смягчает или разрушает их. Унылые бетонные стены покрываются ласковыми побегами плюща, а руины оказываются щедро осыпаны цветами. Что бы он ни создавал, все рано или поздно ржавеет, обваливается и вновь возвращается к ней — если он не ухаживает за своими Творениями и не обновляет их.

Как мать-природа, Императрица олицетворяет все естественной. Император же — все, созданное человеком. Она символизирует все округлое, ибо прямые линии в ее мире составляют редкие Исключения. Он, наоборот, символизирует все прямое, ибо все, что строят его руки или машины, выходит ровным И прямоугольным. Время для нее — тоже круг, цикл, не имеющий ни начала, ни конца, и цикл этот практически не меняется. Это календарный год, вечное

возвращение того, что уже было. Для него же время линейно. В нем все имеет начало и конец, и происходящие перемены он называет прогрессом. Поэтому ее мир знает, что псе ушедшее когда-нибудь возвратится, и в нем царит вера в вечное колесо перерождений. В его мире царит столь же непоколебимая уверенность в начале и конце всего, а тем самым и в однократности любого бытия.

Земная мать

Мать-природа восседает на троне в окружении символов плодородия: это и гранаты, украшающие ее платье, и поле злаков, и лес, и река. Они показывают, что она — это плодородная почва, исток всякой жизни. Двенадцать алмазов в короне олицетворяют двенадцать месяцев, показывая, что она — хозяйка времен года. Знак Венеры на ее троне символизируют мирную сторону матери-природы, ее любовь, заботу и щедрость. Ее дикая, необузданная сторона, проявляющаяся в стихийных бедствиях, отходит на этой карте на задний план.

Карта Императрицы означает жизненную и творческую силу в целом, тот неисчерпаемый источник, из которого все время рождается новое. Это — период творчества, бурного роста и циклического обновления.

Ключевые слова к карте Императрицы

архетип — мать (мать-природа)

задача — плодородие, рождение нового

цель — жизненная сила, рост, циклическое обновление, жизнеутверждение

риск — возможны дикость, непостоянство

жизнеощущение — вступление на плодородную ниву, радость жизни, знание о циклах, доверие к полноте бытия

Земной отец

Император — это структура, порядок, ясность и реальность. Как старейшин, а он не только обеспечивает безопасность и порядок, но и несет большую ответственность. Его сила — в умении настоять на своем, никогда не теряя красной нити. В XX веке патриархальный образ отца стал размываться, и те ценности, которые он олицетворяет, кажутся многим уже отжившими. Люди забывают мри этом, что в нем заключена сила, позволяющая осуществиться их идеям, желаниям и намерениям. Он — тот самый делатель, реализатор, у которого «руки растут откуда надо». При этом он вовсе не противник всякой жизни, каким его часто представляют. Наоборот: в правой руке него жезл-анкх, древнеегипетский символ круга и креста, означающий живое соединение женского и мужского начала. Для египтян он был символом жизни вообще. Этот жезл характеризует его как хранителя и защитника жизни

Ключевые слова к карте Императора

архетип — отец (отечество)

Задача — последовательное осуществление идей, намерений и, возможно, давно лелеемых чаяний, настойчивость

Цель — создание и обеспечение порядка и безопасности, структура, выдержка

Риск — возможны упрямство, педантизм, косность, негибкость

Жизнеощущение — сознание ответственности, умение не терять красную нить, реалистичность, трезвомыслие

Небесные и земные родители

Взятые в таком порядке, эти карты родительских пар уже дают ясное представление о темах и этапах Пути Героя

Обе родительские пары выступают в первых четырех картах в следующем порядке: мужская (I), женская (II), женская (III), мужская (IV). В принципе нечетные числа считаются мужскими, а четные — женские, так что казалось бы логичнее придать Императору номер III, а Императрице — IV. Однако и эта произвольная нумерация говорит о многом:

1. Земное есть отражение Небесного, поэтому земные родители,

«как в зеркале», меняются сторонами с небесными.

2. Такому четверичному ритму подчинено в нашем мире все, имеющее физическую или материальную форму. Сначала всегда нужен зачинающий импульс (I), которому необходим отклик, эхо, готовое воспринять его (II). Без такого эха импульс затухает. Но и эха не может быть без импульса. Когда наличествуют оба, то — «от Одного явились Два, из Двух образовались Три», — начинает созревать плод (III), в конце концов обретающий свою уникальную, конкретную форму (IV). Если говорить о развитии человека, то это: семя (I), яйцо (II), плод в утробе (III) и момент появления ребенка на свет (IV). Если взять процесс творчества, эти стадии означают: замысел (I), позитивный резонанс, то есть ту плодородную почву, без которой замысел не осуществится (II), разработку проекта (III) и, наконец, его воплощение в жизнь (IV).

3. Такое расположение пар имеет значение и для Путешествия Героя. Четыре первые карты уже дают представление о том, куда ведет Героя его путь, какие задачи на каких этапах ему предстоит выполнить. Мужской путь — это путь воли, сознания, также и путь Закона, потому что Герой на своем пути должен познать законы жизни, законы мира, в котором он живет, и научится действовать в соответствии с ними. Вначале этот путь идет по однозначным картам, и первая из них — это Маг (I). Это активная карта, предполагающая вызов и достаточную смелость чтобы принять его и выдержать испытание с честью. В определенном смысле этот этап означает начало жизненного пути. Герой, то есть, в сущности, каждый из нас, рано или поздно освобождается из-под материнской опеки (III = Императрица), чтобы бить в окружающий мир и стать взрослым. Далее для Героя наступает этап Жрицы (II), означающей вхождение в ряд двузначных карт, то есть в систему межчеловеческих отношений, и первое погружение в таинственные глубины собственного подсознания, в священную мистерию жизни. На этом этапе человек должен научиться искусству жить и давать жить другим, быть и понять другим быть иными, отличными от него самого, ибо то, он познает через общение с другими, может быть освоено и усвоено лишь в том случае, если он будет воспринимать опыт других людей непредвзято. Этот путь, путь собственного желания и сострадания к другим, нельзя пройти силой: можно лишь дать вести себя по нему, будучи готовым следовать велениям свыше. освободившись из-под опеки матери (III = Императрица), человек вырастает и встречается с новым испытанием: ему придется заново научиться смирению,

отказаться от завоеванных атриев самостоятельности (IV = Император), чтобы препоручить себя верховному водительству. Вот что пишет об этом исследователь древних мифов и юнгианский психолог Джозеф Кэмпбелл: «Во второй половине жизни символы наших привычных желаний и страхов меняют полярность. Теперь нам ближе не жизнь, а смерть. И отказаться нам легче уже не от женского лона, а от собственного фаллоса». Но, чтобы пройти это испытание, нужно обладать уже достаточно развитой личностью; вот почем сначала необходимо пройти первый этап, а потом второй, в обратном порядке ничего не получится. Сначала человек должен воспитать свое «Я», придать ему силу, познать законы жизни на этапе Мага, и лишь йотом он может перейти к этапу Жрицы, вступить на мистический путь милосердия и преодоления собственного «Я», который и Вернет его к изначальной целостности.

Воспитание Героя

В античных мистериях верховного жреца называли иерофантом. Это греческое слово переводится как «тот, кто обучает священным вещам» (hieros = священный, phantes = обучающий). В некоторых колодах Таро эта карта сохранила старинное название Иерофант, а еще ее иногда называют Папой.

Перед изображенным на карте троном лежат два ключа, символизирующие первого папу, святого Петра, которому Иисус, согласно евангельской традиции, сказал: «И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:19). Из-за этих символических ключей Петр стал в народных преданиях привратником у врат рая, сами же ключи стали изображаться на папском гербе. Тройная корона (тиара), три креста на ленте и тройной крест в руке первосвященника символизируют его ответственность за все три составляющих человеческой личности — тело, душу и дух, а также за небеса, землю и подземное царство.

В отличие от предыдущих карт на этой мы впервые видим не только увеличенную фигуру центрального образа-архетипа, но и фигуры людей обыкновенного роста. Это — ученики, на коленях или стоя выслушивающие наставления Жреца. Этот сюжет ассоциируется с пробуждающимся сознанием ребенка, с его первым восприятием чужого «Я», со взглядом снизу вверх на родителей и других взрослых, рост которых кажется ему очень большим. Это — период, когда ребенок постепенно утрачивает первоначальное чувство своего единства со всем и вся, впервые говорит «Я» и все лучше осознает те различия и границы, которые отделяют его от других.

Жрец соответствует этапу воспитания Героя, важнейшему этапу подготовки к будущей жизни, ожидающей его во внешнем мире. эта карта олицетворяет период формирования у человека совести, когда он учится отличать добро от зла. Это и вера в промысел божий, которая понадобится ему потом, в путешествии, однако закладывается она именно сейчас. Смысл же всего обучения лучше всего выражен в благословляющем жесте верховного жреца: вытянутые пальцы его правой руки обозначают видимое, очевидное, а два согнутых пальца —

невидимое, скрытое, трансцендентное. Сумма же всех пальцев, пятерка, в мистике чисел символизирует суть, основу всего, о чем свидетельствует и слово квинтэссенция (лат. Hiiint = пять, essentia = сущность). Смысл образа таков лишь тот, кто уделяет внимание и видимому, и невидимому, познает суть и обретает путь. У того, кто видит лишь внешнюю сторону вещей, шансов на это столь же мало, как и у того, кого манит лишь трансцендентное. Вот почему Герою, чтобы познать суть необходимо пройти через оба мира: мир внешний, осознаваемый, соответствующий дневному пути солнца, и мир внутренний — неосознаваемый, соответствующий его пути по Морю Ночи. В «саге о нибелунгах», рассказывается как Зикфрид, воспитывался карликом Регином. В греческих мифах та же роль отводится в первую очередь кентавру Хирону, великому учителю и воспитателю таких героев, как Ясон, Асклепий, Ахилл и Геракл: он передавал им знания и навыки, необходимые на ожидавшем каждого из них жизненном пути. В виде кентавра часто изображают также знак Стрельца, архетипически опять же соответствующий Аркану Жреца.

Ключевые слова к карте Жреца

Архетип — святой

задача — внимание к видимому и к невидимому, поиски сути цель

Цель — обретение квинтэссенции, сути и пути

Риск — стать святошей, резонером, «великим гуру».

Жизнеощущение — поддержка благодаря вере в Провидение, знание сути вещей

Выбор

В Таро Артура-Эдварда Уэйта и во многих современных колодах эта карта выражает тему «любви в чистом виде». На ней изображены Адам и Ева до грехопадения: обнаженные и невинные, они пребывают в раю, благословляемые Рафаилом, архангелом любящих. Позади Адама и Евы растут Древо Жизни и украшенное спелыми яблоками Древо Познания, вокруг которого обвивается змей. Гора на заднем плане символизирует здесь, как и в других Арканах, пики человеческих переживаний, кульминации страстей, вершины счастья. Сравнив Путь Героя с дневным путем Солнца, мы убедимся, что Аркан Влюбленных соответствует высшей точке солнечного пути, полудню, то есть вершине счастья на пути самопознания.

Как и «полуночный» антипод Влюбленных, карта Диавола, этот Аркан тоже оказался сильно изменен по сравнению с его образом и старинных колодах, и нам теперь предстоит выяснить, стоило бы это делать. Чтобы лучше понять смысл данного этапа Пути Героя, давайте вспомним, как эту карту изображали в старину: юноша, стоящий посередине между матерью и возлюбленной. Над ним парит Купидон с луком в руках, стрела которого готова поразить, юношу. Этот «выстрел, воспламеняющий сердце», символизирует выбор по велению сердца, в данном случае — выбор между родительским домом (мать) и своим собственным путем (возлюбленная). Хотя и этого тоже не следует понимать буквально, ведь сердце возлюбленной-то еще не завоевано. Возможно, он видел ее всего лишь раз, или вообще только слышал о ней, и ему предстоит теперь найти ее, завоевать, освободить или что там еще.

В «Волшебной флейте» Моцарта это сцена, когда Царица Ночи впервые сообщает главному герою Тамино, что ее прекрасная дочь находится в плену у злого (как кажется поначалу) волшебника Зарастро, и тот всей душой клянется освободить ее. Этот решительный выбор, сделанный по велению сердца, служит типичным примером кульминации страсти, вершины счастья на пути самопознания. Таким образом, зов сердца и бесповоротная решимость составляют не только сюжет этой карты, но и необходимое условие любого «путешествия героя», потому что без решимости покинуть родительский дом оно

вообще не может состояться. Этот сюжет старинного Таро пользовался большой популярностью у художников создавших множество картин под названием «Выбор Такого-то,» или «Решение Такого то» в христианстве он стал выбором между добродетелью и грехом. Примером такой интерпретации может служить известный холст Лукаса Кранаха, один из первых в его цикле картин о Геракле.

Ключевые слова к карте Влюбленных

Архетип — выбор, — витязь на распутье»

Задача, — выбор по велению сердца, решение, принимаемое всей душой

Цель — бесповоротная решимость идти данным путем, быть с данным человеком, выполнить данную задачу

Риск — переоценить свои силы, уйти в мечтания

Жизнеощущение — «сердце, как хорошо на свете жить!», готовность и умение выбирать

Выход Героя

Сделав свой выбор, Герой восходит на Колесницу, чтобы наконец отправиться в свой путь или, как говорится в одной старой немецкой сказке, «чтобы познать, что такое страх». Он оставляет позади город своего детства, до сих пор дававший ему безопасность и прибежище. В правой руке у Героя — жезл, золотое на вершине которого указывает на высокие цели, им движущие: открытие сокровища, освобождение прекрасной пленницы, поиски разрыв-травы или потерянного рая.

На соответствующей карте Таро Герой изображен в облике Бога Весны, любимого и почитаемого людьми всех времен и народов как Освободитель, потому что вслед за его праздником следует самое теплое, самое плодородное время года, освобождающее их от холода, темноты и лишений, вызванных зимой. Всюду на Западе этот прекрасный юный бог считается сыном Царицы Неба. Звездное небо служило ей одеянием — на карте оно образует балдахин над колесницей, знаки Зодиака — поясом, который она тоже подарила своему сыну. Он и на плечах несет ее подарки — две маски Луны, ибо ее почитали и как лунную богиню. Уэйт называет эти маски «урим» и «туммим», были гадательные атрибуты первосвященников у древних евреев, многократно упоминаемые в Ветхом Завете (Исх. 28:30, Втор. К и 1 Езд. 2:63), однако, в сущности, никак не объясняемые, возможно, речь здесь идет о ритуальных масках, реликтах культа великой Богини-Матери древности.

У героев многих сказок, как известно, «во лбу звезда горит»; корону на голове у Возничего на карте Колесницы также украшает восьмиконечная звезда, которая, согласно значению числа Восемь, символизирует связь с высшими сферами, тогда как квадрат у него на груди, Четверка, обозначает земную реальность. Эти детали характеризуют его как освободителя, посланного Небом (Восьмерка), чтобы он совершил свой подвиг на земле (Четверка). Этот сюжет, сохранившийся во многих мифах, обрел наиболее яркое и всем известное воплощение в образе Иисуса Христа, сына небесной девы, посланного освободить жителей Земли от грехов.

Колесницу Героя влекут за собой два сфинкса, белый и черный, у каждого из которых в уборе присутствует краска другого. Тем самым

оба «тягловых животных» воспроизводят смысл тай-цзи, древнего китайского символа целостности, ян-инь:

Черное и белое в этом символе означают дуальность, через призму которой наш разум воспринимает окружающую действительность. В самом ли деле она такова, никто определенно сказать не может. Мы знаем лишь, что наше сознание не способно воспринимать или понимать то, что не имеет своей логической противоположности и Мы не знали бы, что такое мужчина, если бы в противовес ем было женского начала, не знали бы, что такое стресс, если б) умели расслабляться хоть иногда, и не знали бы Бога как средоточия добра, если бы не создали себе образ Диавола, и не ведали бы что такое смерть, если бы не сознавали, что живем. Если подойти к нашей жизни с этой точки зрения, то она, наша жизнь, обретает хоть какой-то смысл лишь в силу того, что рано или поздно мы должны умереть, наконец познав все, что нам положено было по знать.

Рождаясь на свет, мы сталкиваемся прежде всего с этой (на верное, самой изначальной и окончательной) дилеммой, однако дети ее как раз не осознают. Лишь процесс постепенного становления личности открывает нам шаг за шагом смысл феномен нашего с вами существования. В самом деле, что такое саморазвитие? Тут обе части слова абсолютно точно передают суть происходящего: происходит развитие нашей самости. Говоря образно, в нашем подсознании «хранятся» (то есть, как в банковском сейфе, лежат без всякого движения) наши возможности. Саморазвитие же означает осознание (инвентаризацию и активацию) имеющихся возможностей, «откупорку» и сравнение их с их же собственными полярными противопожностями, чтобы познать и осознать эти возможности до конца. Проделывая эту трудную операцию шаг за шагом, мы не только познаем окружающую действительность путем элементарного приспособления к ней, но и постоянно «поверяем ее алгеброй» нашего возрастающего сознания, то есть осознаем доступные нам мотивы и способы изменения этой действительности.

Ибо между этими двумя полюсами, внешней действительностью и нашим внутренним потенциалом, всегда существует некое напряжение, как между полюсами электрическими или магнитными, заставляющее их притягиваться или отталкиваться. Люди часто испытывают неудобство от этого метаясь между двумя возможностями выбора, как между двумя полюсами. Обычно мы тянемся к одному из полюса объявляя его для себя «правильным» или «добрым», а другой соответственно, «неправильным» или «злым». Но чем больше мы

упорствуем в этом, тем чаще нам приходится убеждаться, что наша позиция не соответствует действительности, ибо на самом деле гораздо более сложна и не может быть описана и простыми формулами.

В любом случае, когда нам кажется, что мы наконец нашли истину, но мы можем быть абсолютно уверены в ошибке. Да дело даже не в этом. Вера в обладание истиной рано или поздно делает человека тираном, стремящимся любыми, в том числе самыми насильственными методами заставить других верить в эту его истину. Духом подобного «миссионерства» бывают обычно проникнуты и сектанты, а также их новообращенные адепты в сфере религии, не говоря уже об эзотерике. История церкви и тайных обществ в изобилует подобными примерами, а если обратиться к политике, то там мы найдем еще больше друзей народа и преобразователей общества, ставших впоследствии жестокими и кровавыми деспотами. Объявить себя приверженцем одной из противоборствующих сторон означает односторонность, отказ от целостности, предполагающей их единение; вот почему в книге Дао-цзин сказано:

Если истину произречь,
Суть погибнет, а выйдет речь.
Если имя ты назовешь,
То не имя оно, а ложь.

Сознание того, что действительность, воспринимаемую нами, нельзя считать единственной и абсолютной истиной, служит основой не только для выработки терпимости по отношению к другим, но прежде всего для пробуждения в нас подлинного интереса к действительности, воспринимаемой другими людьми, для преодоления барьеров, воздвигнутых нашим разумом перед нею, а тем самым — к осознанию действительности в целом. Чтобы лучше понять эту мысль, можно вспомнить школьный курс физики, в котором говорилось, что видимые глазом цвета на самом деле не цвета, а всего лишь электромагнитные колебания, трансформируемые человеческим глазом и мозгом в разнообразные оттенки красок. И то, и другое суть сугубо субъективные ощущения, тем не менее воспринимаемые каждым человеком как действительность.

Поэтому стремиться надо не к однозначности, а к объединению противоположностей: это и есть задача данного этапа Пути, цель которого — привести человека к целостности, к пониманию все единства на самом высшем уровне. Что, впрочем, нисколько не

отменяет для нас необходимости заниматься мелочами, разбираться в них на протяжении целых этапов пути, находя новые, все более тонкие пары противоположностей, пока последним и единственным критерием их оценки не останется только этика. Так мы постепенно создаем себе свой гармоничный мир, каждый элемент которого для нас ценен, добр и достоин любви, — и его антипод, дисгармоничный мир, к которому мы относим все, что нам представляется злом, мечтая, чтобы он когда-нибудь пропал без следа. Сколь бы эгоистично это ни звучало — ведь такое мировоззрение, в сущности, предполагает, что в процессе Творения было допущено несколько досадных ошибок, а мы с нашим убогим разумом дерзаем давать им свою оценку, — это тоже необходимый и даже неизбежный этап развития и становления нашего «Я». Не научившись различать для себя добро и зло, человеческое «Я» никогда не станет личностью. Сознание, не умеющее отграничивать одно от другого, не может называться сознанием. И лишь когда мы достаточно глубоко проникнем в суть противоположностей окружающего нас мира, мы сможем — и должны будем! — выучиться искусству объединять их. Сначала, чтобы структурировать свое «Я», нам надо отграничить его от всего, что им не является, (На самом простом, обыденном уровне это означает, что мы должны научиться вслух говорить «нет» во всех случаях, когда мы действительно так думаем), чтобы потом это структурированное «Я» могло смело преодолевать все границы.

Таким образом, Колесница означает, что рай детства, период (бессознательного) ощущения единства со всем и вся остался позади в тот самый миг, когда был сделан решающий выбор (Влюбленные), и Герой вступил в мир противоположностей, где ему предстоит подняться на новую ступень развития сознания и стать взрослым. При этом он должен постоянно следить за тем, чтобы не увлечься одной из противоположностей (два сфинкса), а научиться управлять ими, чтоб решающий момент их объединенная сила помогла ему сделать рывок вперед. Однако покамест он находится еще в самом начале и помнит, что его учили не переоценивать свои силы. И знает что лучше не торопить события, чтобы не угодить в положение гетевского «Ученика чародея».

В легенде о Граале этому этапу соответствует эпизод, коми юный Парсифаль надевает доспехи побежденного им Красною Рыцаря и за счет этого (по крайней мере, внешне) из подросток, становится взрослым. Теперь он выглядит, как рыцарь, то есть, как человек зрелый и ответственный. Однако под доспехами на нем все еще надето

его шутовское платье. Чтобы действительно стать взрослым, — «дорасти до своих доспехов», — ему необходим внутренний рост.

В других мифах этот этап описывается, наоборот, как очень опасный: сыновья богов в них погибают, переоценив свои силы и навыки, как, к примеру, Икар или Фаэтон, упавшие с небес на землю.

Ориентиром на данном этапе может послужить одна из тех своеобразных «карт человеческой души», которые пришли к нам из тибетского буддизма и часто используются для медитации, а именно мандала". Обычно это — рисунок, в середине которого помещается круг, а внутри него изображается тот или иной символ совершенства — фигура Будды, бодисатва, Кришна, какой-либо абстрактный узор или, как в современных западных мандалах (например, у художницы Хильдегард фон Бинген), образ Христа. С внешней стороны круг, в свою очередь, обрамляется элементами креста или квадрата, вокруг которых вычерчивается еще один круг, внешний.

Круг как символ всегда означает неразделенное целое, некое первоначальное состояние или, выражаясь образно, рай. Крест или квадрат так же, как и связанная с ними Четверка, соответствуют земному бытию, миру, в котором господствуют пространство и время. Если взглянуть на мандалу с этой точки зрения, то два ее круга, внутренний и внешний, олицетворяют два «рая», разделенные крестом пространства-времени. Эти три Сферы постоянно отражаются как в древней, так и в теперешней символике. Что такое внутренний круг в сказках? Это рай детства, утрачиваемый обычно в самом начале повествования, когда, допустим, золотой шарик, символ первоначальной целостности, падает в колодец. Крест же означает внешний мир, по которому мы бродим в поисках утерянного первоначального рая, а внешний круг символизирует цель этих поисков, рай, пусть даже во многом похожий на тот, детский, однако тем не менее иной. Внешний и внутренний круг в какой-то мере повторяют друг друга Тем более, что их объединяет один центр, однако тот и другой — не одно и то же. Внутренний круг — это рай незнания, внешний же гораздо больший и всеобъемлющий, это рай последнего и окончательного всезнания. Между этими двумя противоположностями лежит огромная территория вещей, определяемых пространством и временем. С точки зрения психологии, внутренний круг, символизирует бессознательное, крест обозначает сознание, а внешний круг соответствует «надсознанию» в терминах К.-Г. Юнга различавшего, как известно, «бессознательное», «Я» и «Самость». И буддизме эти три уровня называются: Единичность,

Множественность (различение) и Целостность. Люди, достигающие этих уровней, уже не ощущают себя чем-то особенным: у них больше нет своего «Я», оно им не нужно, и они от него свободны, и знают, что их знание ничего не стоит, и поэтому они мудры. В легенде о Граале просматривается сюжет истории грехопадения, изгнания из рая с его Древом Познания, в народных верованиях неизменно отождествляемым с яблоней. В надежде на Спасение рыцари отправляются искать Грааль, который, по преданию, хранится в замке на острове цветущих яблонь Авалоне. Легко заметить, что во всех этих случаях начало и цель путешествия сходны, однако не тождественны, ибо внешний круг, хоть и построенный вокруг того же самого центра, всегда символизирует более высокую ступень развития. Поэтому подлинный путь жизни должен вести не назад, не к погружению обратно сознательное, а к выходу на высший уровень, к надсознанию.

Три фазы пути и их проявление на различных уровнях

Уровень соответствия: Начало / путь / цель
Символизм: круг / крест / круг
Сказка: потерянный рай / мир / вновь обретенный рай
Психология: подсознание / сознание / надсознание
Юнгианская психология: бессознательное / эго / Самость
Развитие личности: индукция / дедукция / синтез
Сознание: доличностное / личностное / трансличностое
«Я»: отсутствует / преобладает / свобода от «Я»
Познание: незнание / знание / мудрость
Восприятие реальности: недифференцированное / полярное / парадоксальное
Буддизм: единичность / множественность / целостность
Легенда о Граале: рай с яблоней / поиск / яблоневый остров

Можно обратиться к иному образу, характеризующему эти состояния сознания более наглядно. Пока мы живем во внутреннем круге, мы верим в Младенца Христа. Выйдя в мир Пространства-времени, мы утрачиваем эту веру. Те же, кому удалось достичь внешнего круга, вновь обретают веру в Младенца Христа, однако теперь Он становится для них символом целостности, раскрывающейся перед ними в своем самом глубоком и всеобъемлющем смысле.

Так же, как первые люди, отведав плодов с Древа Познани научились различать добро и зло, так и каждый из нас по мере роста сознания ощущает пробуждение совести, определяющей есть добро и

что — зло. Тем самым мы так же, как об этом говорится в Библии, утрачиваем свой рай, рай все-единства, не-различения, в котором нет оценок и нет таких противоположностей которые вызывали бы душевное напряжение. Покинув этот рай мы, по Библии, начинаем жить во грехе. Это понятие иногда трактуют как «обособление», что у нас соответствует выходу из внутреннего круга, отходу от середины или, что то же, утрате ее. Осознавая себя, как личность, мы, образно говоря, вкушаем от Древа Познания, то есть обособляем себя от этой середины; таково наше общечеловеческое наследие, которое церковь называет первородным грехом. В Старших Арканах эта тема впервые появляется и карте Верховного Жреца (Иерофанта), ибо она соответствует первому пробуждению сознания, которое всегда означает осознание «греховности» нашей натуры, ведь каждый ребенок рано или поздно с удивлением, а то и с ужасом обнаруживает, что с ним «все в порядке», что в его существе есть, конечно, кое-какие привлекательные стороны, однако есть и другие, представляющиеся «дурными» или «грязными», и он начинает отвергать или даже подавлять их. Это внутреннее напряжение, возникающее как результат обнаружения первых противоположностей между добром и злом, между дозволенным и запретным, показывает, что время пребывания в раю подходит к концу. Переходя к седьмому Аркану, Колеснице, человек окончательно покидает рай, отправляясь в дол гое путешествие на поиски утраченной целостности.

Это представление о трех фазах жизненного пути присутствует в различных культурах, в разных мировоззрениях и традициях практически в одинаковой форме. Поскольку средняя фаза всегда означает развитие, раскрытие человеческого «Я», следует избегать поспешного и категоричного отрицания роли эго. Нужно не подавлять это развитие, к чему, призывают некоторые псевдо-гуру, а как раз наоборот. На начальном этапе развитие мощного, сильного эго очень важно, что без него человеку нет пути во внешний (осознаваемый) мир. Конечно, на этой фазе мы вынуждены жить обособленно — «во грехе», в мирской суете, вдали от Бога или как еще называют этот этап. Однако речь идет не о том, чтобы избегать этого пути, повернув назад, к бессознательному, а чтобы пройти его с достоинством. Тогда со временем и задача станет другой: преодоление своего эго, возврат к скромности и смирению. Пройти этапы развития в такой последовательности, конечно, значительно труднее, чем, испугавшись трудностей, отказаться от раскрытия своего «Я» и остаться на детском уровне развития сознания.

Важность этих этапов можно наглядно показать на примере айсберга, у которого видна, как известно, лишь седьмая его часть, тогда как остальные шесть седьмых скрыты под водой. Если представить себе, что сперва айсберг находится под водой весь, то он и будет символизировать бессознательное состояние в самом начале жизни. Верхушка айсберга, постепенно показывающаяся из воды, и будет соответствовать чудесному пробуждению самосознания. Этот период, когда ребенок впервые узнает себя в зеркале, впервые говорит о себе «Я», впервые осознает ту границу, которая отделяющую его от других людей как особую личность. Этот миг пробуждения сознания, когда маленькая частица целого осознает себя такой, есть величайшее событие. В кратчайшей форме мы переживаем его каждое утро, когда просыпаемся. Отсюда ясно, почему эту свою способность к познанию человечество почитает как частицу божественного Логоса. В нашем примере этой осознавшей себя частице соответствует верхушка айсберга. Если бы требовалось построит ей какую-либо задачу, то ею несомненно стало бы теперь осознание собственных возможностей и познание окружающей среды, ориентировка в пространстве. Однако со стороны верхушки айсберга было бы абсурдом или, по меньшей мере, преувеличением считать, что она одна решает, куда плыть, потому что направление движения айсберга зависит, во-первых, от остальных шести седьмых его массы, а во-вторых, от океанских течений. И совсем уж глупо было бы верхушке отрицать наличие скрытых шести седьмых, убеждая себя, что там, внизу, под водой нет ничего.

Этот последний пример довольно точно соответствует тому положению, в котором очутилось западное мышление в начале XX века. Зигмунд Фрейд, стремившийся утвердить бессознательна как неотъемлемый элемент общественной жизни, столкнулся тогда с непониманием и яростным сопротивлением. Его презирали, считая и даже свято веря, что такой гадости на свете быть не может. С тех пор, конечно, многое изменилось. В наши дни и широких кругах, уже признана более полная и подробная модель. К.-Г. Юнга, доказывающая, что подсознание — отнюдь не мусорная яма для всех вытесняемых и признаваемых неприличными переживаний, а скорее средоточие сил, движущих человеком и направляющих его. Возвращаясь к примеру с айсбергом, мы можем теперь понять, что вначале необходимо осознать и упрочить, свое «Я» (верхушка айсберга), которое потом, однако, должно будет перестать приписывать себе сверхценность, чтобы научиться осознавать себя всего лишь частицей некоего целого. Целое же, то есть все семь

седьмых массы айсберга, в юнгианской психологии соответствует «Самости», осознаваемой частью которой и является «Я» (эго). Самость и есть движущая и направляющая сила, а «Я» служит лишь для ориентировки, для познания и понимания окружающего. В этом смысле Фрейд и Юнг прекрасно дополняют друг друга. Если Фрейд своим знаменитым постулатом «Где было Оно, теперь будет Я» фактически указал путь от внутреннего круга (бессознательное) к квадрату (эго), то К.-Г. Юнг характеризует про¬цесс индивидуации формулой: «Где было Я, теперь будет Самость», указывая тем самым путь от квадрата ко внешнему кругу.

Отсюда становится ясен смысл иудео-христианского мифа, согласно которому Люцифер (лат. букв. Светоносный) был вначале любимым ангелом Божиим, а в гностических преданиях — и Его первым сыном. Свет, принесенный этим ангелом людям, и есть свет познания. Да и сам Бог-Творец не мог не возрадоваться, узнав, что у Его творений «открылись глаза», и они осознали свою сущность. Но потом, как сказано в мифе, Люцифер возжелал стать превыше всех и вся, за что и был низвергнут с небес. С тех пор он, вмороженный в вечные льды Подземного царства, надзирает над попадающими к нему душами как Темный Владыка. Так и наше сознание: хоть в нем и содержится божественная способность познания, однако стоит ему перейти положенные ему границы и впасть в преувеличенное представление о себе или в манию величия, как эта изначально благая способность превращается в ледяную, диаволическую жажду власти.

Три вышеописанных стадии развития, они же этапы жизненного пути, имеют свое выражение и в Таро, а именно в трех группах Старших Арканов по шести карт в каждой.

Арканы с I по VI показывают героя в детстве, еще на бессознательной, симбиотической стадии развития, Арканы VII–XII — его «выход в мир», стадию взросления и развития его «Я», его индивидуальности, Арканы XIII–XVIII означают путь инициации, трансперсонализации сознания, ведущий к целостности, надсознанию и все-единству, — к той самой цели путешествия, которую выражают Арканы с XIX по XXI.

Если подойти к Путешествию Героя как к образному описанию жизненнного пути человека, то оно легко распадается на две части: «школу», то есть обязательную программу, и программу «вольную» как в фигурном катании. Границу между ними образует XIII аркан, карта Смерти. До этого этапа доходят все. Но будем ли мы воспринимать этот этап как «конец всему» или как середину пути, как

врата в новую, высшую сферу, открывающиеся перед нами в середине жизни, за которыми нас ожидает обретение нашей, подлинной сущности, инициация, трансперсональный уровень работы и раскрытие самости, зависит только от нас самих да еще естественно, от того, в какой мере мы сами решаемся управлять своей жизнью. Такой порядок карт предупреждает, что мы сначала должны «откатать школу», прежде чем считать, что дошли до «вольных упражнений». Конечно, перспектива быстро и сразу заняться «высшими вещами», презрев мирские заботы, всегда манит, однако Таро говорит нам ясно и недвусмысленно: не Ищи там, пока не нашел тут, то есть не пытайся утвердить себя в трансцендентном, пока не утвердился в нашем самом простом, обыденном и материальном мире. Чтобы преодолеть свое «Я» и найти к Самости, нужно прежде всего иметь это «Я». А для этого сперва нужно создать, воспитать так, чтобы у него достаточно сил встретиться лицом к лицу со своей тенью и не дать ей поглотить себя.

Ключевые слова к карте Колесница:

архетип — выход в мир, прорыв

задача — снятие противоречий, поиск нового

цель — познание мира, проникновение в его тайны, свершение великих дел, подготовка к важному рывку вперед

риск — бравада, «безумство храбрых», неумение сдерживать себя

жизнеощущение — оптимизм, жажда дела, открытость, осознание себя, взросление

Созревание

Карта Справедливости традиционно считается восьмой среди Старших Арканов. Уэйт в своей колоде переместил ее на одиннадцатое место. Тем не менее эта карта олицетворяет первый опыт, приобретаемый человеком, когда он покидает родительский дом и вступает во внешний мир, поэтому место ее в последовательности этапов путешествия героя все-таки восьмое.

Теперь герой достиг совершеннолетия и должен сам отвечать за свои поступки — именно об этом говорит карта Справедливости Если в доме он подчинялся лишь семейным правилам и обычаям, то теперь ему предстоит познакомиться с законами общества. Если раньше о нем заботились, то теперь любые удобства неудобства будут результатом лишь его собственной заботы о себе. Ему придется понять, что он пожнет то, что посеял, и получит то, что заслужил. Справедливость на этой карте изображена в виде богини Дике, зубчатая корона на голове которой символизирует ее роль как защитницы города и цивилизованного порядка. В правой руке она держит меч, символ вынесения и исполнения приговоров. На рисунке видны правая часть сиденья трона и правая ступня богини, что подчеркивает значение этой карты олицетворения права и правоты, ибо правая сторона соответствует разуму, сознанию. В целом карта означает тщательно обдуманный выбор, суждение, продиктованное разумом, прошедшее критическую проверку и основанное на объективных данных. Весы в левой руке фигуры показывают, что интуиция и чутье (чувство справедливости) также не забыты. Однако основной акцент делается все-таки на праве и разуме. Таким образом, карта Справедливости, символизирующая мудрое, продуманное решение, образует полярную противоположность к карте Влюбленных, означающей выбор по спонтанному велению сердца. Между этими обеими картами находится Аркан Колесницы, обозначающим наступление фазы осознанных решений, переход от спонтанности к продуманности и ответственности. Если выложить эти карты одну за другой, то будет видно, что черный сфинкс, символ бессознательного, расположен со стороны карты Влюбленных, а белый сфинкс (сознание) связывает Колесницу со Справедливостью.

В таком сопоставлении карт не содержится никакого оценочного суждения: ни одна из них не лучше и не хуже другой. Есть ситуации, когда выбирать нужно сердцем, но есть и такие, где не обойтись без помощи критического разума. Смысл этой карты — в созревании сознания, в обретении им способности принимать решения, и символом такого ясного сознания является меч в руке у богини. В мифах этот момент достижения зрелости описывается как сцена обретения героем меча. Это и Зигфрид, откова́вший заново Бальмунд, сломанный меч отца, и Артур, единственный, кто сумел вытащить из и камня Экскалибур, и Парсифаль, нашедший свой меч во время первого (случайного) посещения замка Грааля.

Отправляясь в путь, герой не владеет ничем, кроме посоха, спорого могут также исполнять копье или дубинка, символизирующую отвагу и силу воли. Это — оружие естественное, подобное тому, с помощью которого двое легендарных юношей совершили свой первый подвиг: Давид, убивший Голиафа камнем из Парсифаль, поразивший дротиком Итера, Красного Рыцаря. Но настает пора учиться умерять безрассудную отвагу, закалять волю и поверять кипучую жажду деятельности трезвым умом, ибо без этого невозможно справиться с новыми задачами. Чтобы стать рыцарем, дерзкому юнцу нужно научиться тщательно взвешивать последствия своих действий. Подобно мечу, этот навык не дается сразу готовым: его нужно долго оттачивать, шлифовать и закалять, прежде чем научиться мастерски владеть им и заслужить посвящение в рыцари. А кем герой станет потом защитником бедных и угнетенных, подобно Робину Гуду, воином духа, разыскивающим священный Грааль, или жестоким и безжалостным рыцарем-разбойником, — покажет время. Ибо разум, как и меч, тоже может быть обоюдоострым. Хотя ум, знания и опыт всегда ценны, а в дальнейшем пути без них и не обойтись, однако ум может обернуться хитростью, подлостью и коварством, превратив человека в расчетливого, изворотливого лжеца, способного на любое предательство. Так символика карты переходит в свою противоположность: рассудок становится предрассудком и, что гораздо хуже, суждение становится осуждением. Такое стремление судить всех и |вся Элиас Канетти называл болезнью, подчеркивая, что болезнь эта распространена настолько, что на Земле нет, наверное, ни одного человека, ею не переболевшего: «Человек присваивает себе таким образом власть судьи. Но это только кажется, что судья находится между обеими противоборствующими сторонами, на границе, отделяющей добро от зла. Любой судья безусловно

причисляет себя к поборникам добра, и свое право на эту должность он обосновывает прежде всего тем, что стоит на стороне добра так твердо, как будто на той стороне и родил с и Ему положено судить, вот он и судит. И его приговор имеет силу. Потому что судит он лишь о вещах, в которых разбирается профессионально, и его умение различать добро и зло основано им богатом опыте. Однако и те, кому судить не положено, — предостерегает Канетти, — кому никто никогда этой должности не предлагал и, находясь в здравом уме, не предложит, берутся судить и судят обо всем на свете. Профессионализмом тут и не пахнет, и все же людей, воздерживающихся выносить приговор, потому чти им совестно, можно пересчитать по пальцам».

Еще одно значение карты Справедливости состоит в том, что привлечь к ответственности или к суду можно лишь того, кто достиг совершеннолетия, то есть несет ответственность перед законом. Ребенок такой ответственности не несет. Его нельзя привлечь к суду. Однако молодой, а тем более взрослый человек уже должен в полной мере отвечать за свои поступки, и именно об этом говорит эта карта. Она подчеркивает важнейшую сторону зрелого эго — готовность отвечать за себя и других. Человек, пытающийся избежать этого этапа, систематически уклоняющийся от ответственности и связанных с нею трудностей, остается незрелым, инфантильным, то есть, по сути, ребенком, сколько бы ему ни было лет. Такого человека легко узнать по тому, что он никогда и ни за что не отвечает, не умеет достойно проигрывать, а виноват у него всегда кто угодно, только не он сам. Вместо этого он вырабатывает виртуозную и вместе с тем настолько нелепую тактику сваливания вины на других, что посторонним остается только удивляться, как ему удается выкрутиться из самых невероятных ситуаций, переложив всю ответственность на чужие плечи. Это — типичный образец детского, инфантильного сознания, поэтому не удивительно, что такие люди иногда впадают в другую крайность: они ноют и жалуются на то, что никому не нужны и вообще у них все получается не так, как надо.

Зрелое же эго сумеет взять на себя ответственность, когда есть, за но отвечать, но сумеет и отмежеваться четко и ясно, когда требования несправедливы. Такой человек признается в своих ошибках, не теряя при этом достоинства. Если незрелое или слабое эго смотрит на других с вечной завистью, невинно-нагло забирая себе лучший кусок, так и не сумев вырасти из детско-требовательного: «Я тоже хочу!», то зрелое эго умеет быть великодушным, уступать другим и вообще делать

добро от души. Честная игра даже в трудных ситуациях, умение держать слово и доводить дело до конца, но также и умение твердо сказать «нет» — вот ценные плоды созревания эго, полноценное развитие которого и становится задачей данного этапа пути героя. А для этого ему прежде всего необходима способность суждения. Где же, как не здесь, может он отточить ее? Первая половина пути, посвященная развитию сознания, почти уже пройдена. Поэтому размещение карты Справедливости именно здесь, на VIII месте, представляется гораздо более обоснованным, чем передвижение ее на XI место в колоде Уэйта.

Ключевые слова к Справедливости

архетип — ум

задача — осознание существующих законов, способность выносить разумные, взвешенные суждения, гражданское мужество

цель — ответственность, объективность, честная игра, уравновешенность, приобретение опыта

риск — самодурство, непогрешимость, предрассудки, желание судить, интриганство

жизнеощущение — ты пожинаешь то, что посеял, играй честно — и с тобой будут играть честно, прежде чем решать — подумай

В старинных колодах, например, в Марсельском Таро, можно обнаружить и другие ассоциации, связывающие между собой карту Императора, правящего правой рукой (сознание), поддерживающего порядок и устанавливающего определенные границы, и карту Справедливости, отвечающей за правопорядок и неприкосновенность этих границ. Император связан с числом Четыре, удвоив которое, мы получим Восьмерку — число Справедливости. Точно такая же связь существует в этой колоде между числом Три, то есть Императрицей, правящей левой рукой, и удвоенной Тройкой, она же Шестерка, то есть картой Влюбленных, в свою очередь символизирующих выбор по велению сердца, которое, как известно, бьется слева. За этим кроется одна любопытная аналогия:

В матриархальных эпохах и структурах так же, как в раннем детстве (общение с матерью) все зиждется на обычае и велениях сердца. Теневая сторона этого — принуждение к общежитию, строгость традиций и правил, часто жестоких, кровная месть и излишняя эмоциональность приговоров (суд Линча). В патриархальных эпохах и структурах так же, как и в юношеском возрасте, доминирует обоснованное право и разумное взвешенное

решение, теневой стороной чего, однако, станвятся буквоедство и бюрократизм, самодурство, бездушие и бесчеловечность власти. Общинное сознание и общинную собственность матриархальных структур можно назвать архетипом Левого. Архетип же Правого воплощается в патриархальных структурах, поощряющих индивиальное развитие (эго), утверждающих четкие границы всего и понятие личной собственности.

Истинное Имя

Завершается ряд однозначных чисел, завершается и путь Солнца по дневному небу. Образ Отшельника, стоящего на покрытой снегом вершине, раскрывает перед нами смысл этой карты: путь развития сознания окончен, мы достигли вершины тех знаний, которые могли приобрести: на этом пути. В мифах и сказках это — этап отхода от дел, подведения итогов, или встреча с мудрым старые ем, обитающим вдали от людей. Он дарит герою магические атрибуты, сообщает ему волшебное слово, которое будет хранить его в пути или пригодится, как «Сезам, откройся!», в самом его конце, чтобы герой мог совершить свой великий подвиг. Но самое главное — то, что именно з герой узнает свое истинное имя.

Знание своего истинного имени дает герою, а тем самым и каждому, прошедшему этот путь развития сознания, возможность наконец понять, кто он на самом деле. /Абстрагируясь от всего, что ему до сих пор говорили родители, воспитатели, родственники или друзья. Такая самоидентификация — важнейший плод развития сознания, созревающий только в тиши уединения. Только так мы сможем понять, кто мы. При этом мудрый старец, как и все прочие архетипы или этапы, — всего лишь аллегория. Даже если мы действительно узнали что-то о себе от другого человека, все равно это — процесс, происходящий в нас самих, и другой человек понадобился нам как средство быстрее и лучше проявить себя. Поэтому нет смысла заниматься поисками мудрых стариков, чтобы кто-то из них открыл нам тайну, хотя такие встречи действительно могут оказаться интересными, — карта (этап) Отшельника позаботится об этом за нас. Гораздо важнее прислушаться к своему внутреннему зову, который в данном случае призовет нас именно уединиться где-нибудь в тиши, и последовать ему. Лишь там старый мудрец, обитающий внутри нас, скажет нам правду. Лишь там мы узнаем, кто же мы есть.

Сегодня проблема состоит в том, что тишины вокруг нас становится все меньше. Ее уже настолько мало, что найти тихое место, где можно было бы побеседовать со своим внутренним мудрецом, стало почти невозможно. Поэтому все меньше людей успевает узнать свое имя, то есть понять свое истинное предназначение. Тем сильнее

большинство их пытается подражать кому-то, изображать из себя то, чем они не являются, считая именно это высшим шиком, пропуском в великосветскую тусовку или, как еще теперь выражаются, «крутизной». Каждый человек родится редчайшим оригиналом, но умирает большинство из них жалкими копиями. Недаром К.-Г. Юнг считает нашу природную способность к подражанию необычайно полезной для коллектива, но чрезвычайно вредной для индивида.

В легенде о Парсифале осознать это герою помогает его двоюродная сестра Сигун. Прежде на вопрос, кто он такой, Парсифаль отвечал: я — маменькин сынок, солнышко или красавчик. Так обращалась к нему мать. Теперь же он узнал не только свое истинное имя, но и еще множество вещей, о которых на прежних этапах пути даже не задумывался. А еще он осознал свою вину. Вина его была в том, что, прибыв в первый раз в замок Грааля, он, по своей детской наивности и неподготовленности, не задал того самого важного вопроса, который как раз и должен был разрешить все и вся. Потому-то двоюродная сестра и назвала его Парсифалем, «Бедняжкой».

Рост сознания с древнейших времен связывается с осознанием собственной вины. Невозможно прожить жизнь, никогда ни в чем не провинившись. Место, занимаемое в жизни нами, в данный момент не может занимать никто другой. Мы не можем добыть себе пропитание, не убивая (даже если речь идет об «убийстве» растений) или не отнимая у других живых существ то, что создано ими, например, молоко и мед. «Для подсознания сознание — уже вина, — утверждает Эмма Юнг, — причем вина истинно трагическая, потому что только с помощью сознания человек может действительно стать тем, кем должен»16. Но если вина наших прародителей заключалась лишь в том, что они вкусили плод Древа Познания, то наша вина с тех пор заключается в недостаточном познании, и прежде всего — в недостаточном самопознании. Ибо после того, как Адам и Ева или, что то же, наш герой и мы с вами покинули рай неведения, теперь, в середине пути, нам придется преодолеть ту тьму полусознания, в которой мы заблудились, чтобы наконец выйти к ясному свету, освещающему путь к надсознанию, которое и есть цель последней трети нашего пути.

Другой персонификацией этого архетипа в легендах о Граале служит Тревизент, дядя Парсифаля, живущий отшельником в хижине. В своих долгих поисках Грааля Парсифаль периодически навещает его, ища верный путь. Отшельник сообщает ему не только истинное имя, но и «волшебное слово»: он нашептывает ему на ухо молитву,

которую тот может произнести лишь в случае крайней опасности.

Узнав свое истинное имя, герой — как и мы с вами, — больше никогда не забудет его и от него не отречется. Иными словами, однажды поняв, кто мы на самом деле, мы должны понять и РО, что должны теперь соответствовать своему званию и призванию, иначе нам придется, как Парсифалю, периодически возвращаться туда, где нам еще раз напомнят, кто мы есть. На карте это обособление, выделение себя из окружающей действительности символизируется капюшоном, которым Отшельник защищается от внешних воздействий. Его фонарь, по Уэйту, это путеводный маяк: «Там, где сейчас я, можешь быть и ты». Тем самым он указывает, что эта встреча и это открытие тайны — не удивительный случай, выпадающий на долю немногих избранных, а этап развития сознания, доступный каждому, кто уединится в тиши.

Да и волшебное слово или магические атрибуты, подаренные старцем герою, встречаются не только в сказках. Это лишь символ чего-то, доставшегося человеку неожиданно. Это может быть, к примеру, мелодия, образ или фраза, камешек, перышко или просто слово, слог, знак. Узнается он по тому, что приходит «совершенно случайно», однако сразу же трогает человека до глубины души, а еще по той магической силе, которая от него исходит. Просвещенному уму подобные вещи могут показаться нелепостью. Но, они бывают. Тот, кому достался такой подарок, должен бережно хранить его до тех пор, пока тот не пригодится ему в по-настоящему трудной ситуации, особенно если будет очень страшно. И вот тогда, вспомнив эту фразу, образ или мелодию, дотронувшись до своего камешка или перышка он почувствует, как эта могучая сила приходит ему на помощь. Однако при этом нужно помнить о предостережениях, которыми эти подарки сопровождаются в сказках и мифах: их не продают и не покупают, их нельзя самому себе сделать или придумать, они должны прийти или найтись сами, использовать их можно лишь в самой критической ситуации, о них нельзя никому рассказывать и, конечно, их никогда и нигде нельзя забывать.

Как это понимать? А очень просто. Эта «магическая сила», которая помогает нам в трудных ситуациях, живет в нашем подсознании. Есть люди, которые, поняв это, начинают эксплуатировать эту силу как раба, заставляя ее выполнять никчемнейшие и глупейшие желания своего разбушевавшегося эго и называя все это «позитивным мышлением». Похоже, что 90 процентов молящихся только ради этого и возносят свои молитвы. Лучше было бы, если бы они хотя бы задним

числом от всей души однажды поблагодарили Бога за то, что Он не дал им осуществить свои жалкие желания и пустые планы. И все же, тем не менее, наше подсознание обладает огромной магической силой и способно помогать нам самым чудесным образом.

И, конечно, живет эта магическая сила не во фразе, не в образе или камешке, будь то даже специально изготовленный и по всем правилам заговоренный талисман. Это — обыкновенное чудо, каждодневно творимое нашим подсознанием. И чем больше мы будем рассказывать об этом или намекать таинственно и гордо о своей причастности к волшебству, чем чаще будем сообщать свое заветное волшебное слово другим, тем скорее лишим его магической силы. И останутся нам после этого лишь бездушные формулы, пустые слова, мертвые ритуалы, бессмысленные фразы и неодушевленные камешки. Волшебство исчезнет. Вот почему герой должен свято хранить этот подарок в своем сердце. Вот почему мы не должны забывать, что это именно подарок, который следует принимать с благодарностью, а вовсе не заслуга, которой наше «Я» могло бы хвалиться.

Мудрый старец, этот выдающийся архетип нашей западной культуры, представлен в образах многих знаменитых людей. Первым из них следует назвать Гермеса Трисмегиста («Трижды величайшего»), легендарного жреца-мудреца, жившего, по разным источникам, то ли на самой заре древнеегипетской культуры и позже провозглашенного египтянами своим богом мудрости Тотом, то ли уже во времена Моисея, как показывает картина на мозаичном полу Сиенского собора. Алхимики, масоны, почти все тайные союзы и многие эзотерические общества называли его своим отцом-основателем или как-то иначе возводили к нему свои учения.

Не менее знаком нам и Мерлин, старый мудрец из легенд о короле Артуре. Или другой обитатель севера, древнегерманский бог мудрости Один, провисевший девять суток на мировом ясене по имени Иггдрасиль и так получивший свое посвящение. В знак того, что там он, помимо прочего, обрел способность «путешествовать в дальние края», то есть совершать астральные путешествия, его с тех пор всегда сопровождают два ворона, Хугин и Мунин. Исторической личностью, олицетворяющей архетип мудрого старца, является Фалес Милетский, философ, живший в VI веке до нашей эры. Греки называли его первым в числе своих семи мудрецов. До нас дошли два его высказывания, вполне характерные для Отшельника. На вопрос о том, что труднее всего на свете, он дал глубокомысленный ответ: «познать самого себя». А на последовавший за этим вопрос, что же тогда самое легкое,

он — вероятнее всего, с улыбкой — ответил: «давать советы другим».

В рамках нашей иудео-христианской традиции наиболее известным представителем этого архетипа, следует считать Моисея. Он вернул самосознание («истинное имя») целому народу, сорок лет вел его по пустыне к земле обетованной и передал ему божественные законы. Его восхождение на гору Синай и восприятие там божественных законов находят свою параллель в переходе от карты Отшельника к карте Колеса Фортуны.

Ключевые слова к карте Отшельник

Архетип — мудрый старец.

Задача — отход от дел, пусть внутрь себя, достойная серьезность, размышление, внутренняя собранность.

Цель — познать самого себя, защитить себя от внешних воздействий, создать свою систему ценностей, быть самим собой.

Риск — стать бирюком, чудиком, замкнуться в себе, озлобится

Жизнеощущение — ясность и однозначность, внутренний покой, обретение себя и верность самому себе.

Призвание

Обретя свое истинное самосознание, герой, следуя дальше по дневному пути Солнца, подходит к границе дня и ночи, чтобы найти там ответ оракула на свой вопрос: «В чем моя задача?» Лишь теперь, осознав себя, он готов задать этот вопрос и понять ответ на него.

Мало какой из Старших Арканов оброс таким количеством поверхностных или ложных интерпретаций, как Колесо Фортуны. Еще» Уэйт жаловался, что после Элифаса Леви все оккультные толкования этой карты стали просты до невероятия. В самом деле, понять значение десятого Аркана, исходя из одного лишь его названия, практически невозможно. Тем более, что и называют его по-разному, особенно в различных языках и колодах — Колесом Счастья, Судьбы, Фортуны или просто Фортуной, — однако ни один из этих вариантов не доходит до самой сути. Изображенное на карте колесо — это на самом деле Колесо Времени. В своем постоянном вращении оно привносит в мир все новые вещи, тогда как другие вещи уходят. То же символизируют две фигуры, изображенные по бокам колеса. Обе восходят к древнеегипетской мифологии: справа — Анубис, божество с головой шакала, олицетворяющее силы роста и обновления, слева — Сет, божество в образе змеи, символ уничтожения. В углах карты помещены четыре херувима, символизирующие четырех евангелистов, а также четыре стихии, обозначающие целостность творения. Их объединяет сфинкс, управляющий колесом. Его изображают в виде животного с лицом человека, крыльями орла, хвостом и когтями льва и туловищем тельца. Остается загадкой, почему в колоде Райдера-Уэйта крылья у сфинкса отсутствуют, хотя в прежних колодах они видны совершенно явно.

Внутри колеса находятся алхимические символы соли, серы, ртути и воды, а на внешнем круге помещены латинские буквы слова «Тога» и еврейские буквы священной тетраграммы, она же Имя Божие: YHVH. Взятые в совокупности, эти символы означают формулу: становление, бытие и угасание — вот силы, вращающие Колесо Времени. Их олицетворением служат: творческий принцип роста (= Анубис), принцип сохранения и постоянства (= Сфинкс) и принцип упадка и уничтожения (= Сет), вместе образующие божественный

закон (= Тора и YHVH), требующий от человека подниматься от низшего к высшему (= алхимическая символика).

Таким образом, Колесо Фортуны обозначает совокупность всех тех задач, которые мы должны выполнить на протяжении своей жизни. Когда бы нам ни выпала эта карта, она показывает, что то, о чем мы спрашиваем, решительно входит в нашу жизнь, чтобы стать нашим делом на данном этапе. Подобно мозаике, перед нами из отдельных аспектов постепенно складывается целостная картина, позволяя нам сначала догадываться об этой стоящей перед нами задаче, а потом все яснее видеть ее, хотя это не значит, что ее можно будет определить одним словом или свести к некоей краткой формуле. Эту задачу можно определить лишь описательно, как то испокон веков делали оракулы, давая герою ответ на вопрос, что ему следует делать: «Ищи скрытое!»

Тот, кто будет искать этому ответу психологическое объяснение, найдет его у К.-Г. Юнга. Благодаря ему мы сегодня располагаем подробной характерологией, на первый взгляд очень схожей с «типами личности» древних. Юнг тоже различает четыре основных структуры личности, которые называет функциями сознания: мышление, чувство, ощущение и интуиция. Отличие же этих функций от древних классических моделей, будь то четверица стихий — огонь, земля, воздух и вода, или четыре темперамента сангвиник, холерик, меланхолик и флегматик, — состоит не Столько в новом их обозначении или определении, сколько в динамике, введенной в них Юнгом.

Если прежние характеристики обычно содержали некое незыблемое «ядро», раз навсегда определяя человека как тот или иной конкретный или смешанный тип, то у Юнга человек всегда включает в себя все эти аспекты, только выражены они у него в разной степени. Изучая различные предания, мифы, сказки и алхимическую символику, а главное — работая с пациентами, как врач и терапевт, К.-Г. Юнг убедился, что в первой половине жизни человек, как правило, раскрывает лишь три из этих четырех своих функций. Четвертая скрывается в подсознании. Она соответствует сказочным сюжетам о проданной душе или пропавшей в начале повествования жемчужине (= символ целостности).

Две пары родителей героя, отражающие как его происхождение, так и его врожденные способности, тоже представляют собой четверицу, все элементы которой герой объединяет в себе. Однако один (одна) из этих четырех родителей обычно воспринимается как

«мачеха», и отношение к ней со стороны героя или героини бывает соответствующее. Обратиться к этой непроработанной стороне своей личности, принять ее и поднять ее на более высокий уровень и есть, по Юнгу, задача второй половины жизни. Это и есть, если возвратиться к написанному выше, поиск и нахождение скрытого.

Как это понимать? Очевидно, что мы развиваем наши сильные стороны за счет слабых. Чем сильнее развивается одна, самая сильная из четырех функций сознания, тем глубже уходит в подсознание четвертая, самая слабая; сознание не контролирует ее, и она становится главным источником наших ошибок, из-за которых мы сердимся на себя, а иногда даже чувствуем себя несчастными.

Функцию, которая развита у человека сильнее всех, К.Г. Юнг называл главной. Обе следующие более, что в нашем обществе умение думать ценится настолько высоко, что такое высказывание будет воспринято скорее как уничижительная оценка. И тем не менее то, что чувствующий тип считает своим мышлением, является просто потоком сознания или чистой воды мечтаниями, иногда — поразительной внутренней уверенностью, но никак не процессом логического анализа и выведения заключений.

Таким образом, если для мыслящего типа «скрытым сокровищем» было чувство, то чувствующий тип должен, наоборот, научиться трезвому мышлению, нацеленному на объективное познание.

Ощущающий тип воспринимает мир в ощущениях: цвет, вкус, запах, внешняя форма. Он способен настолько отдаться своим ощущениям или «зациклиться» на внешней форме, что не чувствует, какие возможности могут быть скрыты в том или ином объекте или проекте. Ему недостает умения находить их интуитивно. Самый крайний случай — это когда человек видит лишь то, что есть, а не то, что из этого могло бы произойти. Выработать в себе это умение, научиться чувствовать, какие возможности предлагает ему окружающий мир во всем своем многообразии, развить чутье к распознаванию направления хода событий и к оценке шансов, которые дает ему тот или иной эксперимент или замысел, короче, раскрыть свое «внутреннее око» — вот то «сокровище», которым ему предстоит овладеть.

Совершенно иначе ведет себя его антипод. Интуитивный тип бывает настолько увлечен возможностями, которые сулит тот или иной проект, замы сел или идея, что совершенно не замечает ни внешней формы, ни действительных фактов. Чересчур буйная фантазия мешает ему заняться делом. Чтобы найти свое сокровище,

ему необходимо встретить реальную действительность лицом к лицу, не довольствуясь лишь собственными представлениями о ней, и, набравшись терпения, приступить к делу со всем вниманием и довести его до конца.

По углам карты Колеса Фортуны изображены четыре символические фигуры, соответствующие стихиям огня, земли, воздуха и воды, которые, в свою очередь, обозначают четыре темперамента, описанные выше в виде четырех функций. Каждая из фигур держит в руках книгу, символизирующие те задачи и уроки, которые они нам дают. И, когда бы человек ни задался вопросом: «Какова моя задача в этой жизни?», одна из четырех фигур даст ему ответ: «Изучи меня, проникни в мою суть, чтобы достичь целостности». Поэтому Колесо Фортуны обозначает весь тот целокупный опыт, который мы должны извлечь в ходе жизни, чтобы восстановить свою целостность. Отсюда становится ясен и смысл его названия: и латинское «Fortuna» (fors+una), и немецкое «Schicksal» (schick+sal), и русское «Счастье» (со+часть) содержат в себе идею о том, что сила — в единстве всех частей, в целостности, а целостность, как известно, это здоровье. Мы не целостны, не здоровы, и цель того опыта, который мы приобретаем в связи с этой картой, тот урок, который она нам дает, в том и состоит, чтобы помочь нам обрести свою целостность.

Ряд Старших Арканов завершается двадцать первой картой: это Вселенная. Она соответствует внешнему кругу мандалы, вновь обретенному раю легенд и сказок, а на духовном уровне означает достижение целостности, как жизни каждого из нас. На этой карте мы снова видим четырех херувимов, однако, в отличие от X аркана, у них в руках больше нет книг. Это значит, что уроки Колеса Фортуны были усвоены нами, пока мы преодолевали путь, отделяющий его от Вселенной. Целостность достигнута, человек выздоровел, и последняя, четвертая часть его личности соединилась с тремя первыми.

С Колеса Фортуны начинается ряд карт с двузначными номерами. На дневном пути этот Аркан обозначает Солнце, заходящее за горизонт на западе, как образ перехода и света к тьме, к противоположному полюсу, которому до сих пор уделялось так мало внимания. Это — наглядное проявление высшего Закона, которому подчинено все в мире, ибо Солнце тоже должно закончить эту часть своего пути. Карта позволяет нам Осознать этот Закон.

В символическом плане мужское начало означает разделение, а Женское — соединение. Так, мужской участок пути, уже пройденный

нами, отделяет нас от наших корней, а женский, еще лежащий впереди, вновь соединяет нас с ними. Мужское мышление стремится все «рассечь» и дифференцировать, проводя все новые границы и выделяя все более тонкие различия, тогда как женское мышление — аналоговое, целостное — стремится находить то общее, что объединяет противоположности, снимая прежде проведенные границы. Мужское мышление упрекает женское в неоднозначности, женское же высмеивает стремление мужского мышления добиться однозначности во всем, ибо сознает, что действительность слишком сложна, чтобы ее можно было свести к какой-нибудь простой формуле. Если путь по картам с однозначными номерами вел от первоначального единства к многообразию, в котором пробудившееся и развивающееся Эго, стремясь к однозначности, в конечном итоге само становилось все более однообразным, то лежащий перед нами путь по двузначным картам, тот путь, который мы с презрением отвергали вначале как слишком неоднозначный, ведет к парадоксальному сознанию, а через него — к полному все-единству. Ибо, как пишет К.-Г. Юнг, «парадокс принадлежит, как ни странно, к высшим духовным ценностям; однозначность же есть признак слабости». И немного далее продолжает: «Только парадокс способен хотя бы отчасти выразить полноту жизни, однозначность же и непротиворечивость односторонни, а потому непригодны для выражения невыразимого».

Подчиняясь высшему Закону, путь делает поворот, и это обычно очень не нравится нашему Эго. Ему совершенно не хочется отказываться от своей привычки находить всему однозначное объяснение. Возможно, этим объясняются многочисленные примеры слишком поспешного, а потому ложного толкования предсказаний оракула. Эту карту тоже можно прочесть двояко, на мужской лад и на женский; соответственной будет и реакция на предстоящий поворот. Однако отказ следовать Закону неминуемо ведет назад, к однозначно безвыходной ситуации Повешенного.

Карты второго, двузначного ряда Старших Арканов всегда имеют смысловую связь с картами первого, номера которых образуют их нумерологическую сумму. Так 10-я карта (Колесо Фортуны) связана с 1-й (Маг): 1+0=1. Если Колесо Фортуны олицетворяет жизненную задачу человека, то Маг означает его силу и способность выполнить поставленные задачи. Поэтому жизненная задача каждому человеку всегда назначается так, чтобы он был в состоянии ее выполнить.

Ключевые слова к карте Колеса Фортуны

архетип — призвание, предсказание оракула

задача — осознание высшего Закона, принятие поставленной задачи

цель — трансформация низшего в высшее, выполнение жизненной задачи, достижение целостности

риск — фатализм, неверное понимание своей задачи

жизнеощущение — уроки и опыт, позволяющие нам обрести целостность, хотя на первых порах они нам очень не нравятся

Гибрид или зверь помощник

Сила — одна из тех двух карт, которые Артур Эдвард Уэйт поменял местами, нарушив этим древнюю традицию (см. с. 19). На своем исконном одиннадцатом месте она открывает вторую декаду Старших Арканов, будучи женским дополнением к карте Мага, открывающей первую. Сходство обеих карт очевидно, а в колоде Райдера-Уэйта еще и подчеркнуто одинаковым подбором цветов. Обе карты олицетворяют силу. Маг — силу характера, творческий потенциал и мастерство, а сама Сила — силу жизненную, силу страсти и радость бытия. Над головами у обеих фигур изображена лемниската, символ бесконечности (на картах Марсельского Таро — в виде шляп). Эта «лежащая восьмерка» символизирует тесную связь и взаимопроникновение двух уровней или миров. У Мага она означает взаимосвязь того, что наверху, с тем, что внизу, макрокосма и микрокосма, а на карте Силы — гармоничную связь цивилизованной личности (в образе женщины) с ее животным началом (лев). Этих причин вполне достаточно, чтобы поместить образ женской силы в начале женского же участка пути, ведущего нас по картам с двузначными номерами в самые глубины тайны: на 11-м месте эта карта выглядит гораздо убедительнее, чем на 8-м. Какое значение будет иметь эта карта в Путешествии героя, зависит от того, как мы ее прочтем, на мужской лад или на женский. Лев — это символ наших инстинктов и влечений, наших страстей и диких, агрессивных порывов, а также чистого инстинкта самосохранения. Патриархальные (мужские, янские) мифы повествуют о героях, убивающих льва, причем любопытно, что конец у самых знаменитых из таких повестей обычно плохой. Самсон пал жертвой чужой хитрости и утратил всю свою силу, и даже у великого Геракла были большие проблемы, особенно с женской стороной своей личности. В первом приступе безумия он убил свою жену и детей, а после второго приступа был осужден играть роль женщины, чтобы искупить свои грехи. Три года он ходил в женском платье, прял и выполнял другую женскую работу при дворе лидийской царицы Омфалы, которая в это время носила его львиную шкуру и дубинку. Такая «терапия» помогла ему по крайней мере проработать свою вытесненную женскую сторону, так что от

безумия он избавился, однако восстановить свою иньскую часть целиком ему так и не удалось. В конце концов он погиб от незаживающей раны. В патриархальном варианте мифа, где льва непременно убивают, эта карта соответствует Гибриду, символу человеческого высокомерия и дерзкого отказа подчиниться божественному Закону, выполнить порученное задание. Но есть и другая, женская возможность победить зверя, а именно — принять его, подружиться с ним20. Хорошо, что Таро сохранило для нас образ этого варианта мифа: на карте изображена женщина, покоряющая льва любовью. В литературе этот сюжет сохранился лишь в отрывках, однако во времена матриархата он, судя по всему, был очень популярен. Знаменитая шумерийская богиня Инанна, соответствующая Венере, тоже изображалась стоящей на укрощенном ею льве, а ее вавилонскую «преемницу» Иштар часто называли Львицей. «Львицей среди женщин» считалась также греческая богиня Артемида. Лишь с приходом христианства, изо всех сил принявшегося приучать нас подавлять свои «дьявольские» инстинкты и влечения, образ льва постепенно сделался символом Антихриста, судьба которого — быть растоптанным Святой Девой. На самом же деле это — не что иное, как всего лишь попытка неразвитого сознания укротить своего недавно, но тем не менее «навсегда» проклятого подсознательного зверя, принудить его к повиновению или убить. Однако, как не без иронии замечает Юнг, «простое подавление своей Тени спасает от грехов не более, чем гильотина — от головной боли».

Впрочем, относиться к своим темным сторонам, к диким порывам, к своему внутреннему зверю как к безобидным мелочам, обходить и вытеснять их так же бессмысленно, как бороться с ними с помощью самобичевания или насилия. Недаром встреча с ними происходит лишь теперь, в середине пути. Прежде наше «Я» должно было созреть и накопить силы, чтобы выдержать эту схватку, потому что слабое самосознание легко может быть поглощено бессознательным началом. К.-Г. Юнг не раз подчеркивал, что речь здесь должна идти не о подсознании, так как из этого обычно делается ошибочный вывод о существовании некоего могущественного над сознания, которому не составит труда держать все подсознательное под контролем. Вместо этого Юнг предпочитал говорить о бессознательном, составляющем с сознательным соотношение, как точка в центре круга с окружающим его кругом.

Сознание, выработавшееся у человека как вида за несколько тысячелетий, которое каждый индивид тем не менее должен развивать

у себя сам на протяжении всей жизни, со всех сторон окружено бессознательным. Если сознание настолько неразвито, что граница становится чересчур проницаемой, то бессознательное способно беспрепятственно затопить сознание. В архаичных культурах это называют «потерей души». Мы предпочитаем говорить о «затенении сознания», что в данном случае, кстати, дает образ очень точный. Чтобы избежать этой опасности, Эго на первом этапе своего пути должно созреть и укрепиться. Оно должно прочно укорениться в реальной действительности, чтобы суметь на равных вступить в диалог со своим бессознательным началом и с честью выдержать предстоящие схватки. Иначе его затопят чувства, фантазии и желания, порождаемые бессознательным, и оно будет размыто или вообще смыто ими. Поэтому мифы и сказки считают настоящим героем только того, кто сознательно встречает грозящую ему опасность, не позволяя ночи или чудовищам поглотить себя.

Одна из известнейших мифических личностей сумела не только побороть свои дикие порывы, но и трансформировать их в божественную силу: это Дионис. Он умел даже путешествовать на диких зверях.

Дионис был богом хмеля, вина и оргиастических празднеств. Мифы рассказывают, что родился он в греческом городе под названием Семивратные Фивы в Беотии, долго странствовал, а потом вернулся, как певец, в сопровождении целой орды музыкантов и вакханок, собранных по всей Малой Азии, чтобы создать в родных Фивах свой культ. Однако фи-ванцы не обрадовались появлению новой музыкальной звезды, и поэтому Дионис(и его труппа со всеми своими бубнами, флейтами и песнями разместились за городом, на склоне холма Кифариона. Там-то ему и повезло: увлеченные божественностью певца, женщины из Фив каждую ночь тайком убегали на Кифарион, чтобы, участвовать в празднествах Диониса.

Пентевс, добропорядочный царь города Фив, счел это вопиющим безобразием, и когда Дионис однажды пришел к нему в образе юного знаменитого певца, он тут же велел отправить его в темницу, из которой тот, однако, сумел чудесным kобразом исчезнуть. После этого Дионис еще раз явился к царю и сумел так увлечь его рассказами о своих безудержных оргиях, описывая нарушение всех и всяческих табу во всех деталях, что тот, отдавшись на волю своего похотливого воображения, согласился отправиться туда вместе с ним, переодевшись в женское платье, чтобы его никто не узнал по дороге от< города до пристанища вакханок. Прибыв туда, царь спрятался в

стволе дерева, чтобы незаметно наблюдать за всеми этими столь лакомыми безобразиями. Увиденное потрясло его настолько, что он не сумел сдержать себя, и его вожделение было, замечено танцующими женщинами.

Приняв его за горного льва-людоеда, они вытащили его из дерева и растерзали на части, а голову насадили на пику и с этим трофеем, танцуя вернулись в город. Лишь там безумие покинуло их. Женщина, несшая пику с головой, была Агава, мать царя, которая лишь тогда с ужасом поняла, что дала растерзать своего сына.

Такие истории наглядно показывают, что принуждать своего внутреннего зверя (наши дикие порывы) к повиновению, подавлять его или убивать лучше и не пытаться. На самом деле мы ровно в той же степени, в какой нам кажется, что мы одолели своего зверя, подвергаемся опасности неожиданно пасть его жертвой. Если бы Пентевс однажды выпустил своего внутреннего зверя на волю, договорился с ним и дал ему жить в определенных границах, то он бы смог примириться с ним и научился бы управлять им. А так он пал жертвой собственной похоти, о которой думал, что подавил ее, но в один прекрасный день она одолела его целиком и полностью.

Если же, наоборот, подходить к своему внутреннему зверю с добротой и лаской, то он может стать твоим союзником и помощником. Во многих сказках зверь, встречающийся герою, вначале дик и опасен, и его надо приручать. Герою это удается, и дальше зверь помогает ему найти сокровище или что там герою еще нужно было сделать. Мария-Луиза фон Франц исследовала неимоверное количество сказок, чтобы выяснить, в чем именно заключается задача героя в подобных случаях, то есть, так сказать, найти некий общий рецепт. Ей это не удалось. Такой абсолютной истины для коллективного бессознательного (то есть для той среды, в которой и для которой создаются сказки) очевидно не существует. Сказочные подсказки целиком и полностью зависят от ситуации, и даже в сходных ситуациях они различны. Общее у них лишь одно: кто обидит зверя-помощника, тому потом всегда приходится плохо!

Чтобы двигаться по своему пути дальше, сознание должно найти общий язык со своим бессознательным. Оно должно довериться верховному водительству и уж во всяком случае отказаться от честолюбивых или алчных желаний своего «Я». Если «Я» отказывается усвоить этот «урок смирения», пытаясь вместо этого с помощью различных ухищрений отнять у бессознательного его волшебную силу, чтобы взять над ним власть, тогда оно утрачивает

самое главное, тогда человек впадает в иллюзию всемогущества и терпит неудачу в своем путешествии в подземное царство — и сам становится зверем. В распространенном сказочном сюжете о трех братьях или сестрах именно поэтому терпят неудачу двое старших, а младший (или младшая) сохраняет «чистую душу», благодаря чему совершает свой подвиг.

Аналогичная история посвящена в Библии вавилонскому царю Навуходоносору, который, невзирая на полученное во сне предостережение, восхвалял себя, стоя на крыше своего дворца: «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!» (Дан. 4:27). Не успел он проговорить эти слова, как превратился в зверя — «и жил он с дикими ослами; кормили его травою, как вола» (Дан. 5:21).

Какие опасности поджидают человека на пути в глубины? Почему он боится спускаться в царство тьмы? Нашему сознанию представляется привлекательным все, что хоть немного напоминает порядок, так как ему кажется, что уж в этом-то оно сумеет разобраться, предсказать все наперед, а там и взять под контроль. Поэтому мы так любим говорить о «божественном порядке», оставляя случай и хаос на долю дьявола. С этими-то «дьявольскими», то есть непредсказуемыми сторонами мы и встречаемся на пути по двузначным картам. Этот путь проходит под знаком Жрицы, олицетворяющей не только искусство недеяния, но также ожидание и готовность.

Сила — первая карта на этом женском пути. Ее традиционный номер, 11, при нумерологическом сложении (1+1) дает Двойку, то есть номер Аркана Жрицы. Взаимосвязь этих двух карт вновь напоминает нам, что на дальнейшем отрезке пути «делать» уже ничего не надо. Активный отрезок, путь Мага, уже пройден. Он вывел нас из материнского лона в окружающий мир. Тогда от нас требовались действия и навыки, чтобы мы могли выполнить стоящие перед нами задачи. Теперь же, в середине Путешествия, наша цель изменилась. Теперь нами руководит Жрица, а она требует постепенного отказа от всех тех мужских атрибутов власти, которые мы с таким трудом добывали на первом этапе. Теперь наше мощное, зрелое, но все еще жаждущее власти Эго должно осознать свои границы, стать вновь смиренным и скромным. До сих пор Герой мог и должен был набирать опыт, теперь же от него требуется всей душой открыться навстречу опыту. Отныне с нами будет происходить не то и не тогда, чего и когда захочет наше «Я», а то и тогда, чего потребует наша Самость.

Произволом мы больше ничего не добьемся. Планировать больше ничего не удастся. Опыт будет приходить в свое время и в своем месте, а не на специально для этого задуманных мастерских или семинарах. Самое главное будет с нами происходить в самом прямом смысле непроизвольно, а если время для него не пришло, то и не будет, сколько бы мы ни стояли на голове, ни возносили молитвы и ни медитировали под запах благовоний или под томную нью-эйджевскую музыку. Вторая половина пути, начинающаяся здесь, может привести Героя к лицезрению Высшего, но только в том случае, если он к тому времени успел выполнить требования первой его половины.

С этого момента мы ничему не научимся даже из самых умных книг: нашим учителем будет только «живой» опыт, к которому нас поведут, чтобы мы восприняли его телом и душой. Сюда очень подходит формула алхимиков, которую К.-Г. Юнг считал самой важной: «Разорвите свои книги, чтобы не разорвались сердца ваши, и чтобы мысли не прерывали чувств ваших, иначе душа уйдет от вас и не вернется».

Самое позднее теперь наш разум должен осознать свою функцию как «Head-Office» в положительном смысле слова, то есть как центральный диспетчерский пункт, который не «управляет», а направляет и координирует проявления различных аспектов нашей личности, не командуя и не подавляя нелюбимые ее стороны. Важнейшая задача этого диспетчерского пункта состоит в осмыслении происходящего и, что еще важнее, в осознании того, что от самого себя не убежишь. Вот почему этот путь кажется таким ненадежным и неудобным. С той же неуверенностью, с какой мы делали свои первые шаги в начале жизни, мы останавливаемся на этом месте. Перед нами вновь лежит путь в неведомое. И не только это. Многое из того, что нам предстоит узнать на этом пути внутрь себя, будет переворачивать наши представления о многом, что казалось прежде само собой разумеющимся и несомненным, будет сбивать нас с толку и пугать. К.Г. Юнг в этой связи сравнивает страх ребенка перед огромным миром взрослых с тем страхом, который мы испытываем, открывая в себе своего «внутреннего ребенка», свою теневую сторону, тоже, в сущности, представляющую собой огромный и не знакомый нам мир. И страх этот, по словам Юнга, вполне оправдан, потому что «наше рациональное мировоззрение с его столь горячо чтимыми (потому что сомнительными) научными и моральными постулатами будет потрясено данными другой стороны».

Греки называли свой подземный мир Царством теней. Именно туда

и ведет нас Путешествие. Не кто иной, как Юнг ввел в психологию понятие «тени», обозначив им весь комплекс наших неиспользуемых и по большей части нелюбимых возможностей. В тени находится все, чего мы, как нам кажется, сами не имеем, однако странным образом всегда замечаем у других. Когда мы внезапно возмущаемся или упорно считаем, что нас не понимают, когда кто-то «несправедливо» упрекает нас, когда мы реагируем на критику с плохо скрываемым раздражением, мы можем быть уверены, что столкнулись с частицей своей «тени». Ибо, если бы это было не так, то ни критика, ни упреки нас бы не задели, и мы спокойно и уверенно сочли их недоразумением. Но стоит затронуть нашу тень, нашу нелюбимую сторону, как Эго тут же начинает бить тревогу. Оно ожесточенно и даже озлобленно отвергает все обвинения в свой адрес, потому что упрек действительно мог задеть вещи, настолько глубоко скрытые в тени сознания, что Эго и в самом деле не подозревало об их существовании. Сам по себе факт восприятия чего-то как нам не присущего не доказывает, что у нас этого нет, а доказывает лишь, что мы о нем ничего не знаем. Поэтому мера нашего возмущения может служить весьма любопытным индикатором того, насколько упрек или обвинение действительно указывают на эти теневые вещи. Поскольку тень содержит все, на что мы способны в принципе, но не делаем по культурным, моральным или индивидуальным соображениям, она охватывает нашего «внутреннего человека» целиком и полностью, со всеми его возможностями. Поэтому область тени не ограничивается одними «запретными» вещами. В гораздо большей мере она включает те возможности, которые мы считаем положительными и хотели бы использовать, но настолько не верим в успех, что наше «Я» отрицает их существование. Они кажутся нам слишком широкими, слишком смелыми, слишком необычными, из чего мы заключаем, что «это не про нас». Их можно обозначить как светлую сторону тени.

Конечно, для встречи с тенью нужно обладать мужеством и силой, ибо перед нами откроется мощная и совершенно неизвестная сторона нашей личности. В этом заключается основная часть процесса взросления, так как мы можем узнать о себе нечто очень важное. Однако каждое Эго умеет необычайно ловко выставлять себя в самом благоприятном свете, не замечая за собой никаких проблем, по крайней мере, в сравнении с другими членами референтной группы. Бывает удивительно наблюдать, как легко это удается даже самым отъявленным негодяям и закоренелым преступникам. Идет ли речь о бессовестном продавце наркотиков, о хладнокровном тиране, о

жулике-«банкроте», или о безжалостном палаче, — их Эго тоже без затруднений нарисует им портрет прямо-таки кристальной личности, во всех прегрешениях которой виноваты другие люди, высшие силы или безвыходные обстоятельства.

До тех пор, пока человек заботится лишь о таком портрете, знать не желая никакой самокритики, он следует лишь наивным влечениям своего Эго. Однако обрести целостность он сможет лишь тогда, когда признает наличие у себя тени и примет ее как таковую. Что, впрочем, сравнительно легко удается тем, у кого тень имеет гигантские масштабы. Ибо тогда Эго начинает даже гордиться тем, что признает свои самые неприглядные стороны, позволившие ему стать, например, поджигателем войны, зачинщиком геноцида или кровавым диктатором, которого все боятся. Тем более, что в будущих учебниках истории им наверняка будет отведено больше места, чем людям добрым и честным. Гораздо труднее происходит интеграция с тенью, когда приходится признаваться себе в банальных мелких грешках и пакостях, которых мы стыдимся до мозга костей, надеясь, лишь, что о них никто никогда не узнает. Признать, что не сосед, а ты сам — трус, обыкновенный вор, изворотливый лжец, мелкая сволочь, подлый стукач, бессовестный интриган или просто жалкий, гадкий, готовый стерпеть любую обиду червяк; что тебя самого снедают похоть, зависть, жадность и все прочие слабости, которые мы так легко находим у других, чтобы потом лицемерно порицать их за это, что ты далеко не так чист, порядочен и хорош, каким любишь считать себя — это дается каждый раз с очень, очень большим трудом. Но без тени лица не разглядишь. «Живому человеку нужна тень, чтобы выглядеть объемным, — пишет К.-Г. Юнг. — Без тени он останется плоским фантомом или более или менее воспитанным ребенком». В другом месте он подчеркивает, что менее всего можно считать идеальным состояние, когда «люди все время остаются инфантильными, живя в ослеплении насчет самих себя, приписывая все нежелательное соседу и вешая на него свои предрассудки и проекции».

Однако центральным моментом проработки бессознательной теневой сферы остается встреча со своей внутренней двуполостью. Как показал К.-Г. Юнг, бессознательное начало мужчины ведет себя по-женски (он называл его anima), а бессознательное начало женщины — по-мужски (у Юнга animus). Осознать эту бессознательную противоположность, понять и принять ее — важнейшая часть Путешествия внутрь себя. Пока это противоположное начало обнаруживается «во внешнем мире» у существ другого пола, оно нам

нравится. Но как только дело доходит до признания его в самом себе, наступает кризис.

Мужчина, впервые столкнувшийся со своим женским началом, о существовании которого он до сих пор не подозревал воспринимает его вначале только как слабость, как излишнюю мягкость, боязливость и бессилие — и, «естественно», решает сохранять твердость. В этот момент он еще не догадывается, что его внутренняя женщина означает далеко не только слабость, а нечто гораздо большее, что именно анима в конечном итоге может и должна привести его к лицезрению Высшего. Чем слабее окажется его Эго, тем больше он будет опасаться неудачи на этом пути и тем сильнее будет демонстрировать другим свою твердость. Вместо внутренней крепости он выработает у себя лишь внешнюю твердость, за которой скрываются внутренняя аморфность и болезненная чувствительность. Такой тип часто и легко обижается; у но тем не менее бывает способен на необычайную жестокость Только чтобы компенсировать свою внутреннюю женственность, Вместо того, чтобы принять ее и повзрослеть через это, он склонен бороться с ней на каждом шагу.

Классическим представителем такого типа можно считать греческого героя Ахиллеса. Всю свою жизнь он держался за мать, нимфу Фетиду. Желая сделать его бессмертным, та еще новорожденным погрузила его в Стикс, одну из рек Подземного царства (имя этой реки по-гречески означает «ненависть») держа его при этом за пятку, которая осталась незащищенной. Внешне твердый и безжалостный, но чрезвычайно чувствительный внутри, склонный часто обижаться и злиться по пустякам, Ахиллес считался не только искуснейшим, но и жесточайшим из участников Троянской войны. Однако вместо того, чтобы подружиться со своей анимой, представшей перед ним в, облике царицы амазонок Пентесилеи, он убил ее. Лишь после этого он влюбился в ее труп, причем так сильно, что согрешил с ним. У его собственной истории конец, само собой, тоже не лучше. Позволив прекрасной Поликсене выведать тайну своей незащищенной пяты, Ахиллес вскоре пал жертвой заговора. Всякий раз, когда «Я» мечтает покорить свою аниму или своего анимуса, ему грозит опасность, «ибо каждая победа человеческого «Я», — говорит К.-Г. Юнг, — неминуемо влечет за собой победу бессознательного».

Нечто подобное происходит и с женщиной, не осознающей своего внутреннего мужчину и потому не воспринимающей ничего мужского во внешнем мире. Не доверяя своему мужскому началу, она либо считает злом все, исходящее от мужчин, а потому активно воюет с

ними, либо впадает в роль беззащитной жертвы — и ведет «партизанскую войну», то и дело заставляя мужчин чувствовать себя в чем-либо виноватыми перед нею. Поскольку патриархальное общественное устройство лишало женщин возможности выступать открыто и агрессивно, доминирующим типом и, так сказать, «классической ролью» женщины в патриархальном обществе стал последний, ведущий свою войну латентно, то есть скрытно. Первый же из названных типов юнгианская психология называет «кастрирующей женщиной», лишающей мужчину его мужского достоинства либо на высшем (голова), либо на низшем уровне (фаллос), то есть она либо постоянно одергивает и опекает его, низводя до уровня глупого мальчишки, либо отказывает ему в сексе. Причем это не осознаваемая линия поведения, которую следовало бы осудить как вредную и злонамеренную, а незрелое, бессознательное выплескивание своей собственной внутренней проблематики. Осудить здесь можно лишь отказ от стремления к зрелости и от проработки этих коренящихся в бессознательном проблем.

Эта женская проблематика отчасти находит свое отражение в мифе о Геракле, где рассказывается о его смертельной схватке с Ипполитой, дочерью Ареса и тоже царицей амазонок. В качестве девятого из своих двенадцати подвигов Геркулес должен был добыть пояс Ипполиты. Он отправился в страну амазонок и потребовал отдать ему пояс, служивший символом царской власти. На самом деле Ипполита согласна была добровольно отдать ему свой пояс, но богиня Гера, ревнивая врагиня Геракла, не могла позволить ему победить так легко. Приняв образ амазонки, она подбила остальных воительниц напасть на Геракла. Рассерженный этим предательством, он убил царицу, не сдержавшую, как он думал, своего слова.

Если прочесть этот эпизод на женский лад, мы увидим мужественную женщину, готовую подружиться со своим анимусом. При этом сама царица выступает как носительница сознания, а народ символизирует различные аспекты личности. Однако ее личность еще не стала единой, потому что некоторых, причем очень важных сил в себе она еще не знает. Сознательно она была готова (и намеревалась) отказаться от внешних атрибутов своей власти, чтобы уделить основное внимание внутренней ее стороне. Но она недооценила могущество и своеволие этих неучтенных сторон своей личности, и те, возбужденные силой архетипа, свели на нет добрые намерения сознания. В похожей ситуации оказался и Одиссей, чье возвращение на родину задерживалось так долго по вине то одного, то другого из

его спутников, то есть не-, учтенных сторон личности, пока он наконец не отправился домой один (= един). Но у него было три попытки. Ипполите же судьба предоставила только одну. Любопытно также, что в мифах настойчиво повторяется одна мысль: совершить требуемый подвиг сможет лишь тот, у кого налажены отношения с противоположным полом. Насколько важна эта связь, мы можем судить по тому же Одиссею, который без Цирцеи просто пропал бы, а также по Персею с Афиной, по Тесею с Ариадной, Данте и Беатриче, Инанной и Ниншубуром и многим другим. Очевидно, что строительство отношений между мужчиной и женщиной служит необходимым катализатором для самопознания и самораскрытия. Вполне вероятно, что истинная задача этих отношений — не столько переносить нас на седьмое небо, сколько дать нам возможность совершить новый важный шаг в развитии личности28. Причем это относится не только к отношениям между мужчиной и женщиной, но и к отношениям между взрослым и ребенком.

Так или иначе, эти архетипические образы позволяют сделать вывод, что разочарованный отказ от общения с другим полом («Не желаю больше ничего слышать об этих мужиках/бабах!») равносилен застою, тупику и регрессу и уж во всяком случае не способствует ни подлинному взрослению, ни решению нашей жизненной задачи.

Мужской путь развития сознания завершается самопознанием (Отшельник) как самым главным из результатов этого развития. Понять, кто же мы есть на самом деле, было целью первой половины пути (и непременной предпосылкой для второй). Дальше уже никаких вершин покорять не нужно. Вместо этого с Колеса Фортуны начинается закономерный поворот, открывающий нам путь в глубину, к скрытому сокровищу. Если же наше ставшее столь гордым и самоуверенным сознание откажется поворачивать, то его можно будет сравнить с Солнцем, отказавшимся опуститься за горизонт и продолжающему прямой путь на запад. Ясно, что в таком случае оно очень скоро утратило бы связь с Землей и ушло в бесконечность. Столь же «отвязанными», далекими от земной действительности кажутся люди, у которых их высокомерный интеллект «все задавил». Их необычайно умные речи пусты, абстрактны и безжизненны. Они-то, видимо, и отказались поворачивать, так и оставшись односторонними. У них нет дионисийской глубины, которая способна была бы сделать объемными то, что они говорят, у них нет чувственности, которая раскрывается только на нижнем пути, нет той страстности, которую выражает эта карта. Они пропустили свой

поворот или считают, что для них этот закон не писан. Тогда как для них много лучше было бы, как говорится, «вписаться в поворот» и продолжать свой рост, только уже в глубину. Об этом и рассказывает следующая карта.

Ключевые слова к карте Силы

архетип — укрощение зверя

задача — принятие своей жизни с радостью, мужество и «включенность» в происходящее

цель — любовь к жизни, священная страсть, встреча с собственными влечениями и дикими порывами

риск — стать Гибридом, закоснеть, ожесточиться

жизнеощущение — ощущать полноту жизни, с радостью «включаясь» во все, но при необходимости и показывая когти

Великий кризис

На большинство людей Повешенный производит особенно неизгладимое впечатление. Почти все, кому эта карта впервые попадает в руки, переворачивают ее несколько раз, прежде чем сообразят, что же там к чему. Примечательно, что во всех классических колодах Повешенный изображен висящим вниз головой, подвешенным за ногу. В средние века так наказывали предателей. Фактически здесь и идет речь о предательстве — человек предает собственное дело, предает сам себя. Повешенный символизирует тупик, в котором мы находимся, или ловушку, в которую мы попали, выбрав неверный путь. Если перенести это на Путешествие героя, то становится ясно, что героя выбросило далеко за пределы цели его дневного пути. Он отказался идти через Ночь, и поэтому судьба принуждает его повернуть обратно.

В чем состоит главная проблема, показывает символика карты. Ноги Повешенного образуют крест, а положение рук — треугольник. Кресту, как и квадрату, соответствует число четыре, что в символике и искусстве Запада соответствует всему земному. В противоположность этому треугольник и соответствующее ему число три обозначают божественное. Поэтому положение Повешенного — это символ «неправильного» мира, в какой он попал, где божественное оказалось внизу, а земное — наверху. Иными словами, все самое главное, важное, значимое погребено под земным, и потому человек застрял на месте. Увидев кого-то в столь прискорбной ситуации, мы, разумеется, дали бы ему добрый совет взять и перевернуться. Так он и сам встанет на ноги, и вернется в «правильный» мир. Этому процессу «переворачивания» и будет посвящен весь дальнейший путь, о чем свидетельствует сопоставление этой карты с последним из Старших Арканов.

Перевернув 12, число Повешенного, мы получим 21. О 21-й карте мы знаем, что ею завершается Путешествие Героя; она обозначает вновь обретенный рай, а на другом уровне — обретение целостности. Если сравнить обе карты, то фигура на двадцать первой карте будет похожа на перевернутого Повешенного. Перекрещенные ноги у нее внизу, а открытые руки вверху напоминают треугольник.

Обездвиженность Повешенного сменилась танцем. Путь из «неправильного» в «правильный» мир найден.

Как мы вскоре увидим, Повешенный олицетворяет также безысходность перед лицом Смерти, следующей карты, и все более настоятельную необходимость взглянуть этому предстоящему уделу прямо в глаза. Если мы будем отводить взгляд, вытесняя по мере сил даже самую мысль о нем из своего сознания, то останемся в положении Повешенного — и рано или поздно превратимся в (еще) живого мертвеца, тогда как начинающийся здесь Путь инициации, ведущий к следующим картам, поможет нам стать свободным и живым человеком, и не просто живым, а живущим в мире со своею Смертью. Недаром Мартин Лютер Кинг говорил, что никто не свободен до тех пор, пока он боится смерти.

Повешенный символизирует все кризисные ситуации, вынуждающие нас отступать, а особенно самый главный кризис середины жизни, так называемый midlife crisis. Такие американизмы создают впечатление, что речь идет об открытиях двадцатого века. Ничего подобного. Этот кризис среднего возраста, как его лучше называть, известен с древних времен. Именно с него начинает Данте свою «Божественную комедию»: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь…»— так звучат первые слова этого великолепного описания Путешествия по Морю Ночи.

Вряд ли возможно лучше передать смысл этой карты. Только что все было в порядке, была уверенность в том, что ситуация под контролем, и тут вдруг такое! Вот так, или почти так начинаются все жалобы. Конечно, нам лишь казалось, что все под контролем. Но реальное настоящее, а тем более будущее оказались иными. Под контролем мы можем держать лишь прошлое, и, разумеется, собственные домыслы о настоящем и будущем, в которые будем верить. Но к нашему неудовольствию, жизнь вольна в своих проявлениях, и разворачивается совершенно иначе, чем мы себе представляли или так хорошо распланировали. Столь глубокое возмущение: «… И вдруг такое!» показывает, насколько мы бываем не готовы к кризису среднего возраста (да и к другим тоже). К.-Г. Юнг говорил по этому поводу, что «даже умнейшие и образованнейшие люди не только ничего не знают о важнейших процессах психологической ломки среднего возраста, но, как и большинство других, вступают во вторую половину своей жизни абсолютно неподготовленными». Поэтому, по его мнению, следовало бы создать

«школы для сорокалетних». Раньше в них не было необходимости, потому что тогда «религии были еще достаточно сильны, чтобы предложить человеку свою помощь на любом отрезке его жизни».

Все это не означает, что смысл этой карты ограничивается проблемами кризиса среднего возраста. Эта карта олицетворяет все кризисные ситуации, испытывающие наше терпение, принуждающие к отказу от прежних намерений или к изменению курса. Тем более не стоит надеяться, что этих кризисов удастся избежать при помощи хитрости, благочестия или примерного поведения.

«Кто находится в поисках целостности, — говорит К.Г. Юнг, как будто описывая эту карту, — рано или поздно оказывается в том самом подвешенном состоянии, символом которого служит распятие. Ибо он неизбежно столкнется с чем-то, что поставит крест на его «Я», в первую очередь — на том, чем он не хочет быть (тень), во-вторых — с тем, что такое другая, а не его собственная личность (индивидуальная реальность чужого «Я»), а в-третьих — с тем, что такое его психическое Не-Я, то есть коллективное бессознательное. И чуть ниже добавляет: «Встреча с коллективным бессознательным — это судьбоносное событие, о котором обычный человек не подозревает, пока не столкнется с ним. Часто причиной этого кризиса служит один из глубинных страхов, которые граф Карлфрид Дюркгейм описал как триединую беду человечества: страх уничтожения (смерть или беспомощность), страх беспросветного одиночества, а также страх утратить смысл жизни. И этот последний из страхов особенно опасен, так как столкновения с ним мало кто ожидает. Именно глубокое ощущение осмысленности жизни позволяет нам достойно выдерживать даже самые тяжелые кризисы, но даже самый маленький кризис может оказаться невыносимым, если жизнь кажется нам бессмысленной и абсурдной.

Но именно здесь, в конце второй трети пути, во время которого шло раскрытие нашего «Я», и поджидает нас великий кризис смысла жизни. До этого все шло прекрасно. Наработано отличное, здоровое «Я», осуществлены все столь важные для этого «Я» цели: машина, квартира, карьера, счет в банке, замечательный муж, превосходная жена, благополучная семья. Я достиг уважения и веса в обществе, и теперь могу изящно взять тайм-аут. Хм, ты так думаешь? Возможно, ты даже осуществил свою мечту о жизни «на острове» и всерьез надеешься, что можешь теперь «выйти из игры».

И тут вдруг мы с ужасом убеждаемся, что торчим в самой гуще «игры» и давать нам тайм-аут никто не собирается. Мы обнаруживаем,

что все наши достижения ничего не стоят. И пытаемся дать себе какую-нибудь анестезию или, наоборот, увеличить дозу тех занятий, которые когда-то вызывали у нас такой энтузиазм. Но уже крепнет догадка, что ничто не поможет. Теперь, когда у нас, в сущности, есть все, мы внезапно ощущаем в себе пустоту и со страхом обнаруживаем, что впереди нас ждет только смерть. Ужасно! И состояние наше все ухудшается, потому что мы пытаемся отвечать старыми и, казалось бы, такими испытанными способами на совершенно новые вопросы. «Мы не можем на закате жизни жить по той же программе, что и на заре, — наводит нас на размышление К.-Г. Юнг. — Ибо то, чего утром много, того вечером станет мало, и то, что истинно утром, к вечеру станет ложным».

Очень проникновенное описание основ этого кризиса можно найти у исследователя человеческого сознания Кена Уилбера: «Однажды отождествив себя с собственным телом, духом, личностью, из которых состоим, мы воображаем, будто эти объекты представляют наше реальное «Я», и всю последующую жизнь пытаемся защитить, сохра-(нить и продлить то, что на самом деле — лишь иллюзия»34. Но он говорит и о том, насколько ценны эти кризисы: «В противоположность мнению большинства специалистов, эта мучительная неудовлетворенность жизнью — не признак «душевного» расстройства, и тем более не повод говорить о недостаточной социальной адаптации или дурном характере. Ибо в этой глубочайшей неудовлетворенности жизнью и бытием кроется зерно понимания, того самого особенного понимания, которое бывает обычно погребено под непомерным грузом социального лицемерия». Страдания же лишь помогают этому зерну проявиться, поэтому не следует ни избегать их, ни злиться за них на себя или отказываться от развития сознания. Тем более не следует восхвалять себя за них, пытаться их продлить или, наоборот, драматизировать: они — всего лишь стимул к познанию.

Так как в ситуации такого рода мы в большинстве случаев попадаем левой ногой (бессознательная сторона), то и в старинных колодах Таро Повешенного изображали подвешенным за левую ногу. Уэйт изменил эту символику, чтобы подчеркнуть, что могут быть веские причины к тому, чтобы принять такое положение сознательно (правая сторона).

Повешенный всегда означает, что мы прошли какой-то путь до конца и теперь нам придется вернуться, что мы что-то неправильно поняли и следует все переосмыслить, что какое-то наше дело застряло, потому что мы проглядели или забыли нечто важное. И, кроме

искренней готовности все переосмыслить, требуется еще терпение, нередко много терпения. Эту карту также часто считали символом жертвы, потому что кризис, который она обозначает, обычно требует позиции доверия, отказа от уже ставших привычными ожиданий, от уже намеченных перспектив, пожертвовать ими для того, чтобы жизнь продолжалась. Из этих соображений Уэйт и изменил рисунок: надо не ждать, пока судьба не вынудит нас изменить направление, а всякий раз сознательно принимать такую позицию, чтобы под этим совершенно непривычным нам углом зрения, стоя на голове, увидеть новые важные вещи. Вот почему голова Повешенного окружена нимбом: это означает, что в нее вошел свет. Но у этой карты есть еще одна цель — укоренение, рост в глубину; таким образом она дополняет карту Императрицы, с которой объединена нумерологической суммой, и которая тоже означает рост, расцвет, только внешний.

На еще более глубоком уровне эта карта олицетворяет человека, добровольно приносящего себя в жертву. Форма Т-образного креста напоминает греческую букву Тау (Т), еврейский аналог которой, Тав (л), сходен с изображением «виселицы» на карте Марсе л ьского Таро. Однако в библейские времена эта буква, писавшаяся тогда почти точно так же, как греческая36, считалась знаком избранности. Это была Каинова печать, которая, в противоположность всеобщему убеждению, была не позорищем, а указанием на то, что Бог взял этого человека под Свою особую защиту (Быт. 4:16). У израильтян вплоть до эпохи судей такая татуировка делалась на лбу у членов царского рода, из числа которых избирали священного царя, который в конце своего правления приносил себя в жертву своему народу.

Соединенные вместе, 12-й и 21-й Арканы, Повешенный и Вселенная, образуют Анкх, древнеегипетский крест с колечком, состоящий из круга и жезла. В соединении этих символов женского и мужского начала египтяне видели символ жизни.

Пройти путь от Повешенного до Мира и объединить эти два полюса — и есть та великая задача, которая стоит перед нами. Прикованные к земному кресту (Повешенный), мы ощущаем сильнейшее стремление к раю (Вселенная). Что-то внутри нас ощущает этот зов Самости готовой повести наше «Я» к целостности, а на более высоком уровне и к Всеединству. Последует ли человек этому зову, пройдет ли он врата этой инициации, вопрос останется открытым. И даже если он это сделает, нет никакой гарантии, что он когда-либо достигнет цели. С тем же успехом он волен «висеть» и дальше. «Обязательная программа» Путешествия оканчивается

следующей картой Смерти. И можно с полной уверенностью сказать, что до нее доберемся мы все без исключения. Закончится ли на этом наш путь, или же мы пойдем дальше, приближаясь к Высшему, зависит от каждого из нас лично. Ибо самость, достижение которой и есть наша жизненная цель, как подчеркивает Эмма Юнг, «не дается нам в готовом виде, а представляет собой лишь одну из заложенных в нас возможностей, и проявиться может лишь в ходе некоего определенного процесса». Но никто и ничто не гарантирует нам, «что самость сама собой реализуется в ходе естественного процесса биологической жизни. Скорее можно утверждать, что большинство людей за всю жизнь так ее и не достигают».

Ключевые слова к карте Повешенного:

архетип — испытание

Задача — поворот, осмысление и готовность пожертвовать чем-то

цель — рост в глубину

риск — «зависнуть», угодить в замкнутый круг

Жизнеощущение — я безвыходно застрял в проблеме, в неподходящем месте, в кризисе, сам себе мешаю, веду бессмысленную жизнь, изнемог; «экзамен» на смирение и терпение

Нисхождение в подземное царство

В одной дзенской притче мастер говорит умирающему ученику: «Умереть — интереснейшее ощущение, но твой страх помешает тебе насладиться им». То же можно сказать о карте Смерти, которой больше всего боятся в Старших Арканах Таро — и которую меньше всего понимают. Она означает естественный конец чего-либо, некогда мощную, но теперь иссякшую силу, требующую регенерации. В любом случае эта карта показывает, что некий этап закончен и пришло время сказать ему «прощай». Из нее, однако, нельзя узнать, страшимся ли мы этого прощания или, наоборот, давно ожидаем его с нетерпением.

Изображенные на карте люди движутся или только смотрят влево. Левая сторона — это Запад, заход Солнца, тьма, конец, ночь. Сама смерть между тем движется, причем верхом, вправо, на Восток, к началу нового дня. Таковы же и направление ' ветра, и курс погребальной ладьи фараона, что видна на реке. А там, на Востоке, из-за двух скромных башенок — врат Небесного Иерусалима, с которыми мы еще встретимся на карте XVIII Аркана, — восходит бессмертное Солнце. Это символически выраженное на карте движение показывает, что мы, люди, воспринимаем такие этапы нашей жизни лишь в черном цвете, видя лишь гибель, конец и полное ничто перед глазами, тогда как подлинное значение этого ощущения состоит в том, чтобы, пройдя через глубокий процесс трансформации, прийти к новому восходу Солнца, к новой жизни.

Однако из этого отнюдь не следует, что мы можем позволить себе трактовать карту Смерти всего лишь как указание на начало чего-то нового в жизни, игнорируя ту ночь, которая ведь должна пройти между закатом и рассветом. Смерть всегда означает расставание и прощание. И только если это прощание по настоящему состоялось, если былое действительно умерло, только тогда создаются условия для трансформации. Что такое настоящее прощание, хорошо поясняет Герман Вайделенер: прежде чем покинуть навсегда какое-то место, пишет он, каждый из нас должен задать себе вопрос, все ли требования, определенные этим местом, были выполнены. И только убедившись в этом, мы с достоинством можем отправиться дальше.

Если же задание осталось незавершенным, то это будет не уход, а бегство. Вместо того, чтобы выполнить требуемое, мы начинаем метаться из одного помещения в другое, в надежде найти там нечто более заманчивое, волнующее или приятное. Мы стремительно распахиваем все новые двери, не закрыв за собой старых, не говоря уже о том, чтобы задать себе тот самый вопрос. Мы постоянно бежим от прощания, и в этом бегстве — наше бедствие. Однако именно тут от нас и требуется отпустить от себя старое, ибо без этого ничего нового у нас не будет. Причем отпустить по-настоящему, то есть действительно проститься со старым. Развязка той ситуации, в которой мы увязли, дойдя до предыдущей карты Повешенного, состоит в том, чтобы отвязаться от старого, прежде чем начать заглядываться на новое. Если мы этого не сделаем, то и перемен никаких не будет. Вместо этого мы так и будем вновь и вновь возвращаться в ситуацию Повешенного, болтаясь туда-сюда между этими двумя картами.

Такое состояние можно сравнить с царапиной на пластинке, из-за которой на ней беспрерывно повторяется одна и та же музыкальная фраза. Поэтому, если у нас вдруг в жизни возникает чувство, что мы застряли на такой «царапине», в очередной раз попадая в одну и ту же ситуацию, то мы можем быть уверены, что увязли в карте Повешенного, то есть боимся Смерти. Типичным примером служат все случаи, когда мы сами преграждаем себе путь, старательно избегая решительных шагов, необходимых для дальнейшего роста. При этом не так уж важно, по какой причине мы их избегаем: из-за того, что не верим в себя, из-за робости или страха потерпеть неудачу и опозориться, или из-за того, что считаем этот шаг для себя унизительным. В одном случае это результат слабости нашего Эго, в другом — его излишнего самомнения. Однако в любом случае — даже когда мы медлим из-за робости! — мы слишком высокого о себе мнения, чем сами же преграждаем себе путь. Вот что сказано об этом в книге Даодэцзин:

> Стоящему на цыпочках долго не простоять.
> Идущему большими шагами далеко не уйти.
> Демонстрирующий себя — не просветлен.
> Считающий себя правым — не очевиден.
> Кичащийся собой не имеет заслуг.
> Заносчивому не стать властителем.
> Рассуждая с позиций Дао, про это говорят:
> «Излишество в пище и непристойность в поступках
> в сочетании с вещами несут вред».

Поэтому обладающий Дао Свободен от пребывания в этом.

Поэтому тут от нас требуется прежде всего преодолеть свое Эго, научиться не ценить себя слишком высоко и немного подвинуть в сторону собственное «Я», чтобы путь к дальнейшему развитию был свободен.

Подобная «царапина» на пластинке стала центральным мотивом «Бесконечной истории» — чудесного путешествия героя по имени Бастиан Бальтазар Букс. Бастиан, маленький толстый мальчик, сидит на крыше школы и читает книжку под названием «Бесконечная история». И чем дольше Бастиан читает, тем глубже затягивает его эта история. (Чем дольше мы читаем книгу собственной жизни, тем глубже в нее погружаемся). И вдруг история требует от него, чтобы он сам вмешался в действие, иначе оно дальше не пойдет. Но Бастиану не хватает смелости, и он отказывается. И тот-час действие переносится назад, к началу, и повесть рассказывается заново, пока вновь не дойдет до того самого места, где Бастиану нужно вмешаться. И вот в один прекрасный момент тот решается. Бастиан очертя голову бросается в Фантасию, так называется в этой книжке подземное царство, и действие наконец движется дальше.

Белка в колесе — еще один пример, хорошо иллюстрирующий «холостые обороты» в ситуации Повешенного. Преисполненные желания, радости жизни и вдохновения карты Силы, мы беремся за какое-то дело, а потом вдруг обнаруживаем себя в колесе бессмысленного бега, действия ради действия (Повешенный). Но мы никак не можем уразуметь, что же случилось, почему дело, доставлявшее столько радости и наполнявшее нас такой энергией, превратилось вдруг в бессмыслицу. И вместо того, чтобы развязаться со старым, взяв и выпрыгнув, например, из колеса вбок, мы решаем: «надо добавить» — метод, по убеждению Пауля Вацлавика, весьма сомнительный, — и, все увеличивая скорость, мчимся, мчимся в безумном колесе. Когда же какая-нибудь внешняя сила (Смерть) вдруг остановит наше колесо, мы, естественно, сначала ничего не понимаем, как то наверняка было бы и с белкой. Обескураженные, мы еще несколько раз пытаемся раскрутить колесо, прежде чем оставим это занятие — с тяжелым сердцем и твердым убеждением, что уже ничего не вернуть. Но пройдет какое-то время, и мы, возможно, сумеем осознать абсурдность всего этого и понять, в какой бесперспективной ситуации мы тогда увязли. Только тогда мы поймем, что Смерть была для нас не только развязкой, но и самым настоящим освобождением. Повешенного можно также сравнить с плодом, висящим на дереве,

который уже созрел и должен лишь решиться упасть, чтобы началась новая жизнь и выросли новые плоды. Но падение он воспринимает как Смерть. Если плод откажется падать, он останется висеть на дереве и в конце концов сгниет, так и не дав начало новой жизни. Своего конца он этим все равно не предотвратит, только в этом случае конец будет бесплодным.

Если перенести этот пример на людей, то можно сказать, что нас никто не принуждает учиться на собственных кризисах. Несмотря на то, что Повешенный обычно означает кризис среднего возраста, он может растянуться и на всю вторую половину жизни. Тот, кто в это время не ищет и не находит на кризис иного ответа, кроме стенаний, жалоб и страданий, волен жить с этим до конца своих дней. В таком случае Смерть в один прекрасный день станет окончанием путешествия и одновременно концом жизни. Однако у нас есть возможность извлечь из этого кризиса урок, научившись расставаться со старым и взглянуть на Смерть как на центральную тему в момент середины жизни, после которой как раз и начинается самое интересное. Вот почему карта Смерти в Таро занимает место в середине ряда Старших Арканов, а не замыкает его. Схоже с этим и представление о мире в древних культурах, например, у кельтов, чьим друидам посвящены слова римского поэта Лукана: «Если ваши песни правдивы, то смерть — всего лишь середина весьма долгого существования». В том же смысле следует понимать и следующее высказывание: «Если ты умрешь прежде, чем умрешь, то, когда ты умрешь, ты не умрешь». Потому-то мудрецы разных народов не уставали говорить, что центральной темой их жизни была встреча со Смертью и осознание ее смысла, снова и снова подчеркивая, что человек должен умереть и возродиться, чтобы постичь реальность. Если в Библии сказано: «Научи нас думать о том, что мы должны умереть, чтобы вразумить нас» (Пе. 89:12)*, то нашему Эго больше всего хочется толковать эти слова наоборот: «Вразуми нас так, чтобы мы поверили, что умирать нам не надо»!

При этом не стоит забывать, что глубинные трансформации требуют времени. Сейчас речь идет о нисхождении в Подземное царство. Возвращение к свету, рождение нового, начнется лишь шесть карт спустя с Аркана XIX — Солнце. Обе карты дополняют друг друга как вечер и утро.

На обеих картах мы видим белого коня. На карте Смерти это — четвертый конь Апокалипсиса (Откр. 6:8), «конь блед», на котором скачет Смерть. На карте Солнца, напротив, изображен белый

сказочный королевский конь, несущий на спине возродившегося героя. На карте Смерти солнце заходит, а на карте Солнца вновь сияет в полную силу. На карте Смерти на коне сидит скелет, на карте Солнца — ребенок. (Подобная трансформация заставляет предположить, что между этими двумя картами существует родник с живой водой, в противном случае подобное омоложение было бы необъяснимо. И мы находим его в XVII Аркане). В руках у ребенка — знамя красного цвета, цвета жизни, тогда как Смерть несет черный флаг с мистической белой розой, символом жизни и указанием того, что наступает фаза обновления, начинающаяся со смерти. Перо на шлеме Смерти безвольно поникло, а на голове у ребенка четко стоит вертикально. Все это показывает, сколь сильно связаны между собой эти карты, представляющие два полюса, Смерть и Возрождение. Они олицетворяют нисхождение в Подземное царство (Смерть) и возращение к Свету (Солнце), а между ними лежит путешествие по Морю Ночи.

Карты с тринадцатой по восемнадцатую называют также ночными картами. В них доминируют либо черный фон, как на Арканах Смерти, Дьявола и Башни, либо символы ночи — Луна и Звезда. И только карта Умеренности выглядит несколько неуместной в этой мрачной компании, по крайней мере на первый взгляд. Но нам вскоре предстоит познакомиться с ней как с силой, в Подземном царстве просто незаменимой. Она олицетворяет того самого проводника душ, о котором сообщают Книги Мертвых, принадлежащие различным культурам. А так как в нашей западно-христианской традиции проводниками душ считаются ангелы, то и на этой карте изображен ангел.

Сюжет нисхождения в Подземное царство, путешествия по Морю Ночи, не только широко известен во всех религиозных традициях Востока и Запада, но и совпадает практически по всем важнейшим пунктам. Все эти культуры «считают смерть путешествием с целью вновь обрести свою настоящую суть, даже если для этого необходимо побывать на небесах или в аду, даже если это приведет к порождению в ином, новом теле. Совпадает даже то, что мудрым становится лишь тот, кто обрел сознание смерти, и то, что необходимо готовить себя к смерти морально, духовно и в воображении, если хочешь умереть хорошо».

Чтобы понять, что такое это путешествие по Морю Ночи, давайте заглянем в Подземное Царство древних египтян, оставивших нам больше всех удивительных образов того, что видели их мудрецы в

потустороннем мире. Мы видим, как над телом усопшего поднимается его душа. Ее называют Ба и изображают в виде птицы, которой пришла пора отправляться в путешествие. Усопшего остаются охранять богини-покровительницы — повелительница неба Нут или царица скорпионов Сел-кет, а его «Ба» в сопровождении шакалоголового Анубиса или волкоголового Упуаута направляется к Маат, египетской богине справедливости.

Маат всегда изображают со страусиным пером. Уже одно наличие такого пера считается знаком присутствия божественной справедливости. В зале, носящем имя этой богини, в Зале Маат, проходит решающее испытание — суд мертвых.

Внизу слева мы видим, как проводник душ Анубис вводит умершего в зал. Рядом на весах, на левой их чаше, находится сосуд с сердцем покойного, а на правой — перо, символ Маат как неподкупной, абсолютной справедливости. На навершии весов также изображен этот ее символ. Анубис, проверяет показания стрелки и сообщает их, находящемуся правее него писцу. Это бог Тот, изображенный с головой ибиса, у египтян — божество мудрости, выступающий здесь в качестве протоколиста Подземного царства. Если сердце умершего окажется равным перу по весу, то стрелка весов займет строго вертикальное положение, подобно отвесу; это значит, что умерший не нарушал космического равновесия, то есть жил праведно, и достоин войти к Озирису, владыке Подземного царства. Если же сердце окажется легче или, наоборот, тяжелее пера, значит, он совершал ошибки и теперь погибнет. Этого-то и дожидается чудовище женского пола, сидящее рядом с весами. Теперь Ненасытная, как ее называли египтяне, поглотит его навсегда. Однако в сцене на рисунке умерший успешно выдержал испытание. Поэтому Гор ведет его направо, к Озирису, за троном которого стоят Изида и Нефтида, приветствуя новоприбывшего. Он будет пребывать в царстве Озириса до тех пор, пока Анубис не совершит над ним ритуал отверзания уст, чтобы вдохнуть в него новую жизнь и снова отправить в верхний мир.

Весы как символ равновесия составляют центральный смысловой образ египетского Подземного царства. В Таро ему соответствует Аркан Умеренности. А важнейшим пунктом этого нисхождения в Подземное царство является Зал Маат, богини справедливости, символом которой служит перо.

В Старших Арканах пером украшены только три фигуры — Шут, Смерть и ребенок на карте Солнца.

Эти карты связаны между собой на нескольких уровнях. Прежде

всего Шут и есть тот герой, который на карте Смерти должен спуститься в Подземный мир и выйти оттуда ему на карте Солнца. Перо указывает на испытания, предстоящие ему на этом пути: им соответствует эпизод в Зале Маат. Далее взаимосвязь между картами Шута и Солнца проявляется в изображенных на них двух фигурах, похожих и в то же время так не похожих одна на другую: Шут ребячливый и Шут мудрый, наивный и блаженный. Между ними находится Смерть как необходимая предпосылка столь глубокой трансформации. И, наконец, белое солнце на карте Шута, пройдя I этап Смерти (алхимическое «черное солнце»), достигает своей противоположности и может теперь вновь взойти на карте Шута золотым сиянием бессмертия. В нашей иудеохристианской традиции это путешествие по Морю Ночи представлено прежде всего историей Ионы, проглоченного китом (Иона, 1–3).

Вначале Бог дает Ионе задание: «Встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня» (Иона 1:2). То есть не просто «проповедуй», а пригрози жителям города судом и карами! Таким образом, по сути данное Ионе задание соответствует карте Колеса Фортуны. Как же поступил Иона? Да так же, как больше всего склонны поступать мы, впервые встречаясь с таким аспектом нашей жизненной задачи. Он бежал.

Ища свою жизненную задачу, мы обычно мечтаем о чем-то возвышенном, значительном и славном, и многие искренне сокрушаются: «Ах, если бы я знал, в чем мое истинное предназначение!», думая, что от них требуется только реализация талантов и других сильных сторон личности. На самом же деле такое задание всегда предполагает достижение целостности, то есть нам волей-неволей придется заниматься и своими низменными, примитивными, неприятными, трудными, до сих пор не принимавшимися в расчет и обычно нелюбимыми сторонами (см. с. 70 и далее). Столкнувшись с чем-то, выявляющим эти наши стороны, мы с гневом и возмущением восклицаем: «Нет! Только не это!» Можно почти утверждать, что, когда из самой глубины нашей души вдруг вырывается возглас: «Нет! Только не это!», значит, мы нашли еще один камешек мозаичного панно нашей жизненной задачи.

Вероятно, так же думал и Иона: «Мне? Ехать в Ниневию? Никогда! Я еще не спятил! Они же убьют меня на месте. Нет, все что угодно, только не это!» И вместо этого он поднимается на борт корабля, идущего в противоположном направлении, в Грецию. Подобный отказ выполнить божественную волю греки называли «гибридом»,

подразумевая под этим человеческие высокомерие и дерзость. Как мы видели в одиннадцатом Аркане, такое упрямство составляет один из аспектов карты Силы. Греки считали, что именно за этот грех боги карают незамедлительно, как это и случилось с Ионой, достигшим карты Повешенного. Есть ли ситуация более безвыходная, чем корабль, терпящий бедствие в бурном море? Это-то с ним и произошло. Беспомощные, испуганные корабельщики стали бросать жребий, чтобы узнать, из-за кого их постигла эта беда. Жребий пал на Иону, который во всем покаялся, признался в грехе и взял вину на себя. Он сказал, что готов умереть, чтобы искупить свою вину перед Богом, и корабельщики после некоторых колебаний бросили Иону в море. Однако он, вопреки своим ожиданиям, не погиб, а был проглочен китом, во чреве которого провел три дня и три ночи (обычный срок пребывания в нижнем мире), прежде чем | кит извергнул его на берег. Пройдя через это очищение, Иона был готов принять волю Бога и выполнить свою жизненную задачу.

Выложив в ряд соответствующие Арканы Таро, эту историю оказывается очень легко и рассказать, и понять. Поскольку в Библии приводится лишь молитва, которую произносит Иона во чреве китовом, но ничего не говорится об иных его переживаниях там, у нас не с чем связать карты с XIV по XVIII.

XIII карта означает конец второй трети пути, во время которой мы должны были стремиться к максимальному раскрытию, а потом и преодолению своего Эго, к подчинению его нашей высшей Самости. «Вступая в конфликт с процессом своего внутреннего роста, любая сознательная личность чувствует себя словно распятой, — говорит Мария-Луиза фон Кранц, как будто держа перед глазами карту Повешенного. — Собственная воля сознательной личности должна умереть, полностью предавшись этому процессу». Из этого, однако, не следует делать поспешный вывод, что на дальнейшем отрезке пути нашему «Я» уже не придется играть никакой роли. В позитивном варианте все его силы должны быть поставлены на службу Самости, этого символа великого целого. В негативном же варианте они могут остаться аморфными и, стремясь любой ценой добиться осуществления своих «хотений», могут в любой момент обречь процесс трансформации на провал.

В Таро карта Императора и карта Смерти связаны между собой нумерологической суммой (IV и XIII, 1+3), что говорит о сродстве этих двух начал. Если Император означает создание новых структур, то есть в конечном итоге отграничение нашего «Я» от внешнего мира,

то Смерть требует преодоления и слома всех созданных прежде барьеров.

«Я» не может жить без барьеров, без отграничения себя от всего, что не есть это «Я», без разграничения между родным и любимым «Я» и его тенью, между духом и телом, между божественным и человеческим, между добром и злом и так далее. Тут нам пора признать или скорее признаться, что все барьеры, на которые мы натыкаемся, искусственны. В свое время у них была своя задача и своя функция, они должны были послужить и послужили развитию нашего «Я», которое тоже должно было отграничить себя от всего иного, чтобы обрести себя. И тем не менее все эти барьеры искусственны и произвольны. Достигнув этого этапа, мы должны убрать все барьеры, преодолеть их, чтобы «расчистить место» для приобретения еще более глубокого и обширного опыта. Это — одна из жертв, принести которую Повешенный будет нас заставлять до тех пор, пока мы не будем к этому готовы.

Взаимосвязь, существующая между этими обеими картами, имеет еще один смысл. В этой точке пути мы достигли предела самоуправления (Император = самостоятельность + управление). Это значит, что больше мы себя ни к чему принудить не сможем. Это будет точно так же невозможно, как невозможно заставить кого-то спать или принудить спать самого себя, как невозможно спать и в то же время контролировать и наблюдать себя. Привычка нашего Эго управлять всем натыкается здесь на положенный ей предел. Единственное, что мы теперь можем, это открыться навстречу дальнейшим переменам, научиться давать всему идти своим чередом — и, как во сне, довериться естественному процессу перехода в иное состояние.

Человек с древнейших времен страшится всего безжизненного, еще сильнее прославляя из-за этого все животворное. В греческой мифологии олицетворением этих двух противоположностей были Танат, Смерть, и Эрос как жизненная сила. Уже в древности маги пытались остановить смерть и воззвать к жизни. Сегодня мы і занимаемся тем же самым, старательно замалчивая тему смерти и ограждая ее всяческими табу, и восхищаясь любым животворным элементом в кино и на телевидении, в рекламируемых и безудержно раскупаемых товарах, в культе красоты и в поклонении вечной юности. В Старших Арканах обе противоположности представлены картами Силы и Смерти, между которыми находится Повешенный — если карту Силы вернуть на ее исконное одиннадцатое место.

Человек распят (Повешенный) между полюсом смерти (Смерть) и

полюсом жизни (Сила). С возрастом Эго все сильнее ощущает свою бренность перед лицом неизбежной смерти. В отчаянии оно все чаще обращается к полюсу жизни, пытаясь отвлечься от мыслей о неумолимости судьбы. «Себя каждому из нас все-таки очень жалко, — пишет Элиас Канетти. — Каждый твердо убежден, что уж ему-то умирать незачем».

Вот почему мы хватаемся за разные дела, усиленно занимаемся спортом, любовью, ищем всяческих удовольствий, подогревая в себе радость жизни и доказывая себе вновь и вновь, что мы живы и живем по-прежнему, чтобы только не глядеть в противоположном направлении, туда, где нас ждет Ничто, та самая черная стена, которой так боится наше Эго. Находятся и психотерапевты, предлагающие пациентам легкие и быстродействующие способы отвлечься от этих мыслей, а потом гордящиеся своими успехами и якобы превосходством этих способов над трансперсональной терапией с ее более длительными, но зато и более глубокими методами. В качестве быстродействующего средства душевно угнетенному человеку предлагают, например, предпринять что-нибудь увлекательное, и если это поможет, то некоторое время он действительно снова будет чувствовать себя хорошо. Но, как показывают карты Таро, путь от Повешенного к Силе — это шаг назад. Поэтому с каждым следующим разом для подогрева радости жизни требуются все большие дозы Силы, ведь Смерть все неумолимее стучится в двери нашего сознания. Но рано или поздно жизнь все равно заставит нас двинуться в другом направлении и взглянуть неизбежности, смерти и бренности прямо в глаза.

При этом не имеет значения, сколь глубоки, научно обоснованны или продуманны наши представления о смерти. Значение имеет лишь то, как мы идем к ней, насколько близко подпускаем к себе это ощущение и в какой степени мы готовы проникнуться им.

Так же, как кафедральный собор останется для нас лишь мертвым музеем, пока мы осматриваем его снаружи, мы не ощутим подлинного смысла смерти, пока будем о ней только размышлять. Но стоит преклонить колена, и человек из туриста становится молящимся, из постороннего — благоговеющим посвященным. В этот миг музей становится храмом, а холодная, безжизненная смерть — священным переживанием.

Чем искреннее будет наше преклонение, тем богаче будут при этом наши ощущения; во-первых, потому что вблизи смерти полнее становится почтение перед жизнью, во-вторых — потому что смерть и

есть истинное посвящение, единственные врата, действительно ведущие к тайне. Все, что называлось «тайной» на уже пройденном нами пути, было в сравнении с этим примитивными детскими секретами.

И чем с большим упорством и страхом мы будем отводить от нее взгляд, тем чаще и сильнее будем метаться между наслаждением и отчаянием. В своей крайней форме этот отказ может вылиться в маниакально-депрессивный психоз. Чем маниакальнее мы будем подогревать в себе радость жизни (Сила), тем глубже будет неизбежно следующая за ней депрессия (Повешенный). Как разрешить это противоречие, показывает Смерть. Она указывает нам направление.

В своем замечательном труде, посвященном развитию человеческого духа, Кен Уилбер доказывает, что подлинная трансформация возможна только через Таната, через полюс смерти, тогда как Эрос, полюс жизни, дает лишь перемены. Уилбер сравнивает человеческое сознание с многоэтажным домом. Уютно устроившись на одном из этажей и привыкнув к открывающейся из окна перспективе, Эго, конечно, хочет остаться там — зачем ему другие этажи? Если же жизнь там ему наскучивает, становится пустой и унылой, или если от монотонности жизни на одном и том же этаже у него учащаются депрессивные фазы, Эго бросается подогревать радость жизни, устраивая себе перемены. Мы начинаем переставлять мебель, но остаемся-то все в тех же четырех стенах. Иными словами, мы ищем себе занятие, заводим новые знакомства, увлекаемся любовью или игрой, впадаем в покупательский раж или делаем еще что-то, обеспечивающее нам внешние перемены, безопасные для Эго. Глубинной же трансформации можно достичь лишь пройдя через полюс смерти, то есть покинув этот этаж нашего сознания. Лишь так мы получим шанс перейти в сферу надсознания. Однако такой переход всегда связан с риском не удержаться и упасть в пропасть. Это и есть та опасность, с которой связаны данная ситуация и данная карта. Ибо тем, кто отправляется в путешествие по морю ночи, в путь к истинной инициации обратных билетов не продают. Зато им дают проводника.

Ключевые слова к карте Смерти

Архетип — смерть

Задача — прощание, нисхождение в Подземное царство, отход, завершение развязка

Цель — освобождение, преодоление Эго, слом барьеров, глубинная трансформация

Риск — обмереть от страха, оступиться и упасть в пропасть

Жизнеощущение — пьеса окончена, сюжет исчерпан; стремление к покою, к восстановлению сил» прощание с чем-то

Проводник душ

Исходя из одного лишь названия, понять значение этой карты практически невозможно. Хотя умеренность и до сих пор считается одной из основных добродетелей, однако само это слово в современном языке почти утратило свой положительный смысл. Истинное значение этой карты скорее раскрывается понятием «верная мера».

О том, чем занимается изображенный на карте ангел, смешивает что-то или просто переливает, существует много гипотез. Если переливает, значит, речь идет об энергиях, которые прежде служили для внешнего роста, а теперь должны перейти в другой сосуд, чтобы начался рост внутренний: в принципе это тоже одно из значений карты. Но более важным представляется все-таки нахождение верной меры при смешивании противоположных начал, успешное их соединение, потому что это —, одна из важнейших задач на данном отрезке пути. После того, как Смерть сломала барьеры, построенные нашим Эго, нам далее предстоит соединить прежде разделенное. И, конечно, карта означает верную меру как чутье, необходимое, чтобы избегать опасностей, подстерегающих нас на дальнейшем пути. Таким безошибочным знанием правильного пути как раз и обладает проводник душ, изображенный здесь в виде ангела. В христианской традиции эту задачу выполняет архангел Михаил. На древних рисунках он нередко участвует в сценах, похожих на испытание в Зале Маат. Черт пытается нарушить равновесие весов, а Михаил препятствует ему в этом, и весы (а тем самым и человек) возвращаются в исходное положение.

Несмотря на светлые краски, эта карта относится к Подземному миру. Ключом к такой трактовке служат лилии. Древние греки считали, что лилии растут в Подземном царстве, а потому называли его также «Землей асфо делей» (асфодели = вид лилий). А лилия-ирис не только носит имя посланницы богов Ириды, но служит еще ее символом и знаком присутствия этой богини в Подземном царстве, куда ей приходилось спускаться довольно часто. В христианской символике пасхальная лилия олицетворяла страсти Господни, и если мы вспомним, что находимся на этапе пути, полном страданий, то

параллель со Страстной неделей станет очевидной: карты с Повешенного до Диавола показывают страдания Иисуса и Его нисхождение во ад, созвучно словам христианской молитвы: «…и распята же за ны, и страдавша, и погребенна, и во ад сошедша…», и даже в Евангелии упоминается ангел у Его гроба.

Тропинка, изображенная на карте, символизирует узкий путь индивидуации, становления самости. Он ведет нас (обратно) к свету, к солнцу, в лучах которого скрыта корона. Ее можно увидеть в пунктирной линии, особенно если слегка подвигать карту. После смерти старого короля (Эго) здесь начинается путь к солнцу и к коронации нового короля (Самость) — этот сценарий обнаруживается во всех сказках, где герой в конце концов сам становится королем. Так предыдущие этапы развития, а потом преодоления нашего «Я» сменяются здесь, в последней, трансперсональной трети пути этапом подлинного развития и раскрытия нашей Самости.

Самость как сила, упорядочивающая движение молекул души, ведет человека к целостности. Стремление к этой цели проявляется не только во многих мечтах и сновидениях. Даже такие вещи, как, например, игра в «домики», складывание головоломоках-пазлов, разгадывание кроссвордов, желание довести до конца очередной пасьянс или пополнить свою коллекцию суть внешние признаки действия этой внутренней, почти не осознаваемой силы, влекущей нас к целостности. Если в период раскрытия нашего «Я» нам нужно было прежде всего отмежеваться от общего целого, то сейчас пробуждающаяся Самость пытается вести нас дальше, к новому единству, к новому соединению с целым. Главная же проблема при этом состоит в том, что теперь нам нужно целиком довериться этому прежде не осознававшемуся высшему водительству, чего наше могучее и оттого чересчур гордое «Я», — как, впрочем, и «Я» слабое и робкое, — ну никак не хочет. В первом случае ему нехватает понимания ситуации, во втором — доверия к высшему началу. Вот почему Самости часто приходится загонять нас в ситуации настолько безвыходные, в такие тяжелые кризисы, с которыми одно наше «Я» само по себе заведомо не способно справиться, несмотря на весь свой опыт, на все быстродействующие средства и хитроумные уловки, которые успело освоить наше сознание: вдруг оказывается, что ничто больше не помогает. В результате наступает ощущение полной беспомощности, безнадежности и отчаяния, пока наконец нашему «Я» на исходе всех его сил не останется ничего иного, как сложить оружие и объявить о своей капитуляции, ожидая скорой казни. Однако вместо

ожидаемой казни или падения в пропасть человек вдруг ощущает, что его подхватывает и несет какая-то новая сила, гораздо более мощная, чем все те, которые были ему известны и на которые он привык полагаться. Это и есть решающая встреча человека со своей Самостью, с тем самым китом, который проглотил Иону. К.-Г. Юнг в одном из своих писем описывает, как он сам пережил нечто подобное, когда перенес инфаркт: «Я был свободен, полностью свободен и целостен, как никогда раньше… Это было нечто невидимое и неощутимое, но очень плотное, пронизанное при этом ни с чем не сравнимым и неописуемым чувством вечного блаженства; прежде я бы никогда не поверил, что такое чувство может быть доступно в пределах человеческого опыта. На чужой взгляд, и тем более, пока человек не переступил порог смерти, это может выглядеть как величайшая жестокость. Но стоит лишь попасть туда, внутрь, как тебя наполняет такое чувство целостности, покоя и полноты бытия, что назад уже не хочется возвращаться».

Эту удивительную способность человеческой психики трансформировать своего попавшего в безвыходную ситуацию владельца, перевода его в новую ситуацию, К.-Г. Юнг называл «функцией трансцендентности». Карты Повешенного, Смерти и Умеренности наглядно показывают нам эту трансформацию как переход от середины пути к его последней трети.

На этой последней, трети пути оказывается, что многое стало иным, а многое из того, что было прежде таким нужным, привычным и объективно верным, теперь годится только на помойку. Это и наше ощущение времени, и отношение к смерти, да и вся система ценностей. Для ребенка время циклично. Год всегда один и тот же, он начинается и заканчивается новогодней ёлкой. Ёлка бывает то далеко, то опять близко. Но она всегда одна и та же. Когда мы немного подрастем, время для нас становится линейным, в нем появляется хронология. Теперь один год сменяется другим, совершенно иным. Цикл разорван, время стало линией, у которой есть начало и есть конец. Теперь время становится для нас величиной количественной, то есть конечной. Вначале это нас мало волнует, потому что мы еще живем в убеждении, что уж чего-чего, а времени у нас впереди немеряно. Однако потом, подойдя к середине жизни, мы замечаем, что время почему-то и идет все быстрее, и остается его все меньше. И мы начинаем высчитывать, сколько нам еще осталось, пытаемся остановить мгновение, стараясь успеть сделать много дел одновременно, чтобы «не терять времени», живя все быстрее и

быстрее, все торопливее, тем не менее каждый раз со все большим ужасом убеждаясь, что время, как вода, подло утекает у нас между пальцами. «Но когда человек остается один, — пишет К.-Г. Юнг об этих страхах, — когда наступает ночь, и кругом темно и тихо, ничего не слышно и не видно, и ничего нет, кроме мыслей, занятых лишь сложением и вычитанием прошедших лет жизни, да еще кроме той самой стрелки часов, которая безжалостно отмечает все новые и все более печальные вехи приближения к стене мрака, всегда и бесповоротно готовой поглотить все то, что я любил и желал, чем владел, на что надеялся и к чему стремился, — вот тут-то вся наша благоприобретенная мудрость и уползает в какой-то свой, никому не известный уголок, и животный страх душит бессонную душу, как сказочное одеяло-капкан».

Если нам удается выйти на последнюю треть пути, то мы начинаем со все большей ясностью понимать, что время — это не то, что отмеряется стрелками часов, и что нет смысла измерять его количественно, потому что главное во времени — его наполненность То есть не количество, а качество. Поэтому важно не то, как долго мы живем, а то, как мы живем, и не то, сколько всего мы переживаем, а то, насколько глубоко мы это переживаем. На этом фот складывается и новое отношение к смерти. Теперь она не кажется нам больше ужасным концом, за которым ничего нет. Но мы уже и не ищем нашему «Я» утешения в мыслях о возрождении, будь то после Страшного суда или в новом воплощении. Вместо этого мы начинаем все больше ощущать себя частицей некоего единого целого, от которого мы по сути никогда не отделялись и с которым вскоре вновь сольемся. Так же, как волна не может существовать отдельно от моря, наше «Я» никогда не существовало отдельно от великого целого. И точно так же, как волна должна влиться обратно в море, наше «Я» должно раствориться в первоначале всего бытия и слиться с ним. Каждая частица любой волны, конечно, была когда-то частицей множества других волн. Однако не абсурдно ли было бы волне поэтому утверждать, что она существует не в первый раз? Точно так же абсурдно и самонадеянно звучит утверждение человеческого «Я», что оно уже жило на этой земле (причем, естественно, в облике знаменитой личности). Это не значит, что идея реинкарнации ложна сама по себе. Однако делать из нее лекарство от страха смерти — не только ошибка, это ложный путь, уводящий в сторону от понимания ис тинного значения смерти. Вместо этого Кен Уилбер советует: «Забудь о смертности своего «Я» и вспомни о бессмертии бытия в

целом».

И в другом месте: «Переход от бессознательного к сознанию своего «Я» означал осознание смерти; переход от сознания своего «Я» к надсознанию означает отмену смерти». В этом больше истины, чем во всех «научных» попытках подготовить, человека к смерти.

Эта часть Старших Арканов хорошо раскрывает также смысл творчества. Если в первой трети жизни человек живет главным образом бессознательно, то к середине пути у него развивается сознание собственного «Я». И, хотя это сознание является необходимой предпосылкой любого творческого акта, в какой-то момент оно начинает мешать подлинному творчеству, потому что паше «Я» видит свою важнейшую цель только в том, чтобы доказывать, «вот какой я молодец». Примером этого служат люди, однажды выдвинувшие блестящую идею, пережившие или создавшие нечто выдающееся, а потом, всю оставшуюся жизнь, лишь эксплуатирующие свои юношеские достижения. Такой тупик, в котором не создается ничего нового и лишь воспроизводится старое, причем во все менее удачных упаковках, соответствует Повешенному. Эго продолжает воспроизводить свой когдатошний подвиг, интерес к которому у других с каждым разом приближается к уровню интереса в сотый раз наблюдать, как белка переступает лапками в своем колесе. Подлинное творчество раскрывается лишь на последней трети пути, следующей за Повешенным. Для этого необходим уход Эго. Лишь тогда высшая сила сможет наполнить нас целиком, чтобы мы могли благодаря ей материализовать новые образы, слова и дела.

Карта Смерти символизирует порог, ведущий в эту область. Она означает глубокую трансформацию, благодаря которой сознание освобождается от диктата властолюбивого Эго. Теперь сильно поскромневшее «Я» вверяет себя водительству верховной инстанции. Самый главный творческий потенциал, конечно, находится в глубине. Да и где же ему быть, как не в уголках, куда мы до сих пор не заглядывали. Все, что лежит на поверхности, на свету, давно уже освоено и использовано нашим Эго. Лишь проникновение в темные, неведомые, прежде запертые, запретные или заповедные области позволяет нам, преодолев барьеры, обрести новые перспективы, новые надежды и горизонты. В Таро об этом говорят Старшие Арканы, начиная с Повешенного (XII) и заканчивая Звездой (XVII).

О том, что преодоление собственного «Я» должно быть решающим шагом на пути к достижению Самости, к раскрытию тайны, к обретению чуда, рассказывается в древнекитайской притче о

волшебной жемчужине. Однажды государь Желтой земли отправился на край света. Добравшись туда, он поднялся на высокую гору и долго наблюдал за круговоротом вечного возвращения. А потом обнаружил, что потерял свою волшебную жемчужину. Он послал Познание искать ее, но то вернулось ни с чем. Послал Зоркость — и тоже безрезультатно. Затем он послал Мысль, однако и Мысль не нашла ее. Тогда он послал на ее поиски Забвение самого себя, и оно принесло ему жемчужину. «Поистине удивительно, — воскликнул тогда государь Желтой земли, — что именно Забвение самого себя помогло мне обрести жемчужину!» Теперь мы в нашем путешествии приближаемся к аду, к самой нижней и самой мрачной точке. Путь все круче, пропасть все глубже, неведомые опасности и неожиданные повороты подстерегают на каждом шагу — нет, без проводника наш герой тут точно пропал бы.

В юнгианской терминологии, различающей Эго и Самость, речь здесь, конечно, должна идти о забвении собственно го Эго — как явлении, составляющем полную противоположность эгоистическому самозабвению.

Но где и как человек может найти своего проводника? Искать его не имеет смысла, потому что на данном этапе, на последней трети пути, делать что-то уже нельзя: надо лишь открыться тому, что само делается. Надо быть готовым принять его, и он даст о себе знать. Точнее, он всегда был с нами, просто раньше мы не видели и не слышали его. Разумеется, этот проводник — часть нашей собственной внутренней сущности, хотя мы обычно проецируем его архетипический образ на другого человека — на врача, священника, друга, на добрую музу или великого гуру. Как показывают мифы, таким человеком почти всегда оказывается представитель противоположного пола. Так, Персея в мифе ведет Афина, а Тесея — Ариадна. Достославный Одиссей обязан Цирцее своим спасением от коварных сирен, а потом и от Сциллы с Харибдой. Энея в Подземном царстве сопровождает Кумекая сивилла, а Гераклу помогает опять-таки Афина. Психея, не будь у нее Амура, так и осталась бы навеки в Подземном царстве. Данте, правда, сначала вел по глубинам ада Вергилий, однако к Горе очищения он привел его только по просьбе Беатриче, подлинной проводницы Данте, и потом уже она вела его дальше — в рай, к созерцанию высшего.

С психологической точки зрения проводник — это наше собственное сексуально противоположное начало, анима или анимус. Тот, кто доверяется этой вначале неосознаваемой силе, одолевает путь

легче, чем тот, кто следует самым мудрым чужим советам. При этом желательно научиться общаться со своей анимой или анимусом. Конечно, вести диалоги с «самим собой» может показаться странным, однако юнгианская психология блестяще доказала пользу подобных диалогов. Сам К.-Г. Юнг, подчеркивая методическое значение такого «самообщения», писал: «Главное при этом — научиться слушать своего невидимого собеседника, дать ему, так сказать, возможность выразить себя, преодолев природную неприязнь играть во что бы то ни было с самим собой и сомнение в «подлинности» голоса вызванного таким образом, двойника». Далее он поясняет, что все, по крайней мере, вначале, считают, что ответы двойника они придумывают сами — именно потому, что привыкли сами выбирать, о чем «думать», в отличие от снов, где выбирать не приходится, однако потом оказывается, что двойник не подчиняется их выбору, особенно если вопрос задан в состоянии аффекта. Самообман тут, конечно, тоже возможен (как и всегда), и именно поэтому Юнг предупреждает: «Непременным условием успеха такой техники воспитания анимы является полная откровенность по отношению к самому себе и полное отсутствие предубеждения к тому, что может сказать тебе двойник». Эти диалоги учат сознание воспринимать образы и сигналы бессознательного, чтобы использовать и претворять их в практической жизни.

Если взглянуть, с какими картами соседствует Аркан Умеренности, то будет ясно, что он не обещает ни покоя, ни набожной благостности. Недаром в Таро этот Аркан находится между Смертью и Диаволом. При чем тут Диавол, понять нетрудно. Одно из значений Диавола — неумеренность, то есть прямая противоположность Умеренности, означающей знание меры. Так эта пара карт описывает процессы, задуманные с верной мерой («семь раз отмерь»), а потом так или иначе выливающиеся в «недо» или «чересчур». Но I тут стоит взять обе карты, окружающие Умеренность, чтобы увидеть неожиданное решение этой проблемы. Смерть означает конец, прощание, отказ от чего-то навсегда, то есть, в сущности, пребывание в рамках меры, воздержание. Диавол же означает полный отказ от меры и желание получить еще. Умеренность, попав между двумя этими Арканами, показывает, что верная мера находится между воздержанием и неумеренностью. Именно поэтому придерживаться верной меры всегда так трудно. Вот почему большинству из нас легче либо просто отказаться от шоколада (воздержание = Смерть), либо уж сожрать за раз целую упаковку (алчность = Диавол), но отломить и съесть один

кусочек — о нет, это слишком трудно (а это и есть Аркан Умеренности). В том-то и заключается смысл Аркана Умеренности: не отказывайся ни от чего, не избегай искушений, но не жадничай и не впадай в зависимость. Выработать и сохранять такое отношение к жизни, конечно, труднее, чем лицемерно «возвышаться» над искушениями, изображая отсутствие интереса, отказывая себе во всем и сохраняя позицию примерного ученика и круглого отличника. Нет, довериться проводнику означает целиком и полностью отдаться жизни, лишь не зацикливаясь на отдельных ее эпизодах.

Нумерологическая сумма связывает Умеренность (XIV) со Жрецом (V). Если Жрец — это наставник, подготавливающий героя к путешествию во внешний мир, то Умеренность — его проводник в путешествии через ночь. Жрец — это путь к осознанию своей отдельности, обособленности от общего целого, символически обозначаемого как первородный грех (см. с. 51), а Умеренность — проводник, ведущий нас обратно к целому или, как говорят идущие духовным путем, от гибели к спасению. Наше понятие «греха», восходящее к еврейскому хет и греческому амартия, первоначально означало «отступление от истинной цели». Именно в этом смысле проводник ведет нас от «греха» к «истинной цели», которой является Самость. Если Жрец дал герою кодекс морали и общественного поведения, благо даря которым тот и достиг настоящего этапа пути, то теперь герою придется руководствоваться лишь этой высшей целью, воплощаемой его собственной, уже достаточно зрелой совестью, как единственной силой, способной вести его дальше.

В отличие от всех прежних, когда-то столь надежных критериев, проводник выбирает не между верным и неверным, высоким и низким, полезным и бесполезным, дорогим и дешевым или, допустим, приятным и не приятным. Здесь, на этом этапе, теряет смысл даже различие между добром и злом, которому когда-то учил героя Жрец, ибо зрелое сознание уже понимает, что ничто в этом мире не бывает только злым или только добрым: все решает мера. В умеренной дозировке и смертельный яд становится лекарством, а излишек добра скоро превращается в свою противоположность.

Единственным критерием служит теперь совпадение или несовпадение любого внешнего раздражителя с тем, что говорит внутренний голос, чей выбор безошибочен. Этот Vox Dei (Глас Божий), как его часто называют, описывается у К.-Г. Юнга как негромкий внутренний голос, подсказывающий «этически верную реакцию», способ действия, который может и не совпадать с законами

или моральными требованиями общества. Это, конечно, может быть чревато последствиями, поэтому для принятия таких решений необходимо действительно развитое сознание, не увлекающееся пустыми мечтаниями и умеющее отличать позывы самолюбия, самомнения и самовнушения или банальную жажду власти от подлинных велений свыше. Именно поэтому принимать такие решения нам предлагается лишь теперь, когда Эго уже преодолено. Когда ясно, что герою тем самым предлагается не карт-бланш на псе, что ему в голову взбредет, что, кстати, тоже является экзаменом для личности, достигшей этой стадии развития: что тобой движет, высший ли голос или позывы все того же неуемного Эго, возможно, сумевшего переодеться в «белые одежды» высших сил. Недаром рядом с этой картой стоит Диавол, предупреждающий пас не путать желаемое с действительным, как о том сказано в Новом Завете, и не только в нем: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин. 4:1). Без истинной высшей цели такая свобода духа порождает лишь теракты и прочие человеконенавистнические деяния, предпринимаемые «во славу имени Божиего». Боже мой, какого? Зрелое сознание сразу высвечивает готовность или неготовность человека служить Богу (= высшей силе), а не людям, не требуя при этом ни награды, ни славы.

Именно проводник, этот Vox Dei, указывает тот единственный, представлявшийся «невозможным» путь к выходу из кризиса или к освобождению от овладевшего человеком чувства трагической вины. Таков центральный сюжет греческой трагедии, где главный герой неизбежно испытывает чувство вины, будучи вынужден выбирать между двумя исключающими друг друга необходимостями. Так, Антигоне приходится выбирать между долгом сестры, обязанной похоронить тело убитого брата, Полиника, и необходимостью повиноваться отцу, запретившего еіі хоронить его: как бы она ни поступила, чувство вины будет пре следовать ее. Моральный кодекс, вложенный в нас когда-то Жрецом в качестве основы совести, в таких случаях оказывается беспомощен или вызывает конфликт именно в силу своей противоречивости. Решение приходит лишь после тяжелых переживаний, после страданий, когда душа разрывается между двумя противоположностями. И тогда возникает та самая безошибочная уверенность, которая превосходит все прежние варианты выбора по ясности и силе. Она не только придает человеку силы, необходимые для принятия прежде невозможного решения, но и помогает ему переносить часто трудные последствия этого стойко и без колебаний.

Ибо рассчитывать на то, что «все кончится хорошо», если мы последуем внутреннему голосу, не приходится. Во всяком случае, в плане возможных потерь. За свой выбор Антигона конце концов расплатилась жизнью.

«Хорошего» же здесь лишь то, что мы теперь абсолютно уверены в своем выборе и готовы к любым трудностям на дальнейшем пути. Однако Vox Dei звучит не только в случае подобного конфликта. Он может прозвучать и вдруг, что называется, на ровном месте, подсказав неожиданный шаг, который, кстати, как раз и может привести к конфликту. Если вспомнить, как в Библии глас Божий повелел пророку Осии взять в жены блудницу (Ос. 1:2) — представляете, как смотрели в те времена на такие браки? — то можно понять, сколь непривычным и общественно неприемлемым может оказаться подобное решение. Отсюда ясно также, что Умеренность — это отнюдь не беззаботность. Эта карта не означает умеренного темпа или посредственности, и уж во всяком случае не предполагает и не допускает нерешительности, а предлагает каждому найти свою верную меру, идти своим и только своим путем, хотя и не избавляет от критических столкновений.

Ключевые слова к карте Умеренность:

архетип — проводник душ

задача — довериться верховному водительству, найти свою верную меру

цель — безошибочная внутренняя уверенность, достижение середины и целостности

риск — последовать ложному внушению, посредственность

жизнеощущение — помощь со стороны некоей мощной силы, гармония, свобода, здоровье

В царстве теней

Солнце достигло надира, своей полуночной точки, и должно встретиться теперь с силами тьмы. Да и сам герой тоже вошел в самую темную область своего путешествия. Здесь, в лабиринте Подземного царства, скрыто сокровище, томится прекрасная пленница, растет волшебный цветок или что там еще герой должен найти и отбить у злого чудовища, страшного дракона или коварного врага.

В этих образах мифы и сказки описывают ту угрозу, которая таится в бессознательном, и мы ощущаем эту угрозу всякий раз, когда соприкасаемся с ним по-настоящему, а не просто размышляем на эту тему в тишине и покое. Настоящая встреча с бессознательным часто вызывает страх и даже панику, недаром К.-Г. Юнг сравнивает такую встречу с временным умопомешательством. «Анализировать бессознательное как пассивный объект, — пишет он далее, — интеллекту не составляет труда, ибо это соответствует его рационалистическим ожиданиям. Выпустить же бессознательное на волю, воспринять его как реальность превосходит отвагу и способности среднего европейца. Он предпочитает не понимать таких вещей. Для слабых духом это и вправду лучше, потому что вещи эти небезопасны». Однако в этой точке пути мы именно и должны встретиться с темной стороной своей сущности лицом к лицу.

Поскольку дьявол на христианском Западе был объявлен summum malum, то есть суммой или средоточием всякого зла, он объединил в себе все теневые аспекты. Вот почему и эта карта столь многозначна, и архетип Диавола нельзя свести к какому-то одному знаменателю.

В любом случае Диавол символизирует нечто «неслыханное», причем в обоих смыслах слова. Это и вещи, о которых мы никогда в жизни не слыхали, и в то же время все то, что мы считали неслыханным, то есть для себя совершенно невозможным — то поступки, мотивации, желания, намерения, мысли, качества, которые вызывали у нас возмущение или отвращение, которых мы стыдились и обнаруживали до сих пор только у других, зато на удивление часто, и всегда строго осуждали. Те привычки, черты и взгляды, так раздражавшие нас в других, которые вдруг оказались не просто присущими нам самим, но нашей неотъемлемой частью — а мы-то

радовались, что у нас их нет и быть не может. Здесь, в сумрачном Царстве Теней, живет все то, что нам удалось вытеснить из сознания до такой степени, что его как бы и не стало совсем. Это то, что всякий раз вызывает у нас страх, когда напоминает о себе. То, чего мы стыдились бы до мозга костей, если бы нас на этом «поймали» — да даже если бы мы сами «поймали» себя на этом. И вот теперь мы должны все это не только признать за собой, но и принять как должное. Ничего удивительного, что решаемся мы на это лишь с величайшим нежеланием, страхом и отвращением.

Замечательное по силе и выразительности описание такого беспощадного само-осознания, в буквальном смысле слова саморазоблачения, которое любому могло бы послужить образцом, принадлежит Альберу Камю. В повести «Падение» он рассказывает об элегантном, преуспевающем и уважаемом адвокате, принадлежащем к самым что ни на есть высшим кругам общества и считающим себя безупречным во всех смыслах. Однако однажды вечером, идя по совершенно безлюдному мосту, он вдруг услышал позади себя смех. Потом смех повторился еще и еще, и больше уже не покидал его, пока не заставил осознать горькую правду, увидеть свое истинное лицо под привычной тщеславной маской, свою огромную темную тень, и понять истинные мотивы своих на первый взгляд столь порядочных и благородных поступков.

В этой сумеречной зоне обитает все наше то, что хотело бы жить полноценной жизнью, но лишено права на это и вынуждено влачить теневое существование. Это — наши нелюбимые «внутренние демоны», которых Эго считает недостойными появляться в свете, а потому запирает на замок. И они сидят в темнице, в таком же жутком подземном карцере, слишком низком, чтобы встать во весь рост, и слишком узком, чтобы лечь, вытянув ноги, куда в Средние века бросали бунтовщиков, чтобы забыть о них навсегда. Наше Эго с той же жестокостью относится к своим нелюбимым сторонам, стремясь всячески подавить их и предать забвению. Не удивительно, что со временем они превращаются в демонов, терзающих наше сознание не только в кошмарных снах.

На языке сказок это — край проданных душ. Здесь, в Подземном царстве, Люцифер распоряжается частицами наших душ, всем тем, что мы, люди, решили не считать в себе «своим». Вот почему именно здесь находится то, чего нам недостает для достижения целостности, что питает и усиливает наши недостатки.

С психологической точки зрения «скрытое сокровище» есть не что

иное, как та самая нераскрытая функция нашего сознания, одна из четырех, о которых шла речь на с. 100 и далее, неосознаваемая и потому нереализованная. Здесь, на этом участке пути, ее нераскрытость не просто обнаруживается, но требует немедленной компенсации. Либо потому, что мы наконец-то заметили, что жизнь в который раз требует от нас реализовать именно ее, либо же потому, что поняли, что ее-то нам как раз и нехватает для достижения целостности.

Самое неприятное, однако, заключается в том, что именно эта сторона личности у нас неразвита, незрела и примитивна. Успешно раскрывая все остальные стороны и с блеском пользуясь ими, об этой частице своей души мы забыли, и она с годами все больше хирела, дичала, грубела и покрывалась плесенью. Ясно, что мы се не любим, что она кажется нам лишней, и что мы презираем ее, по меньшей мере, втайне, когда замечаем в других людях. Осознав же необходимость развить эту частицу в себе самом, мы воспринимаем эту задачу даже не столько как непривычную или слишком сложную, сколько как опять-таки лишнюю, на которую просто жаль сил и времени. Так и кажется, что нам надели новые грязные очки и еще велят что-то разглядеть через них, когда рядом, только руку протянуть, лежат наши старые, верные и совершенно чистые очки. Или что нам велят появиться на людях под руку с известным стукачом или вонючей бомжихой. Вот почему мы так упорно, до последнего отказываемся даже приступать к этой работе.

Наше сознание обычно ведет себя довольно высокомерно, искренно полагая, что ничего из того, что когда-то было вытеснено или забыто, больше не существует. Однако и «вытесненное», и «забытое» не исчезли, а лишь переместились в сферу бессознательного и продолжают действовать. Просто мы этого уже не осознаем.

В этом-то и заключается главная опасность, ибо контролировать, а также разумно использовать мы можем лишь то, с чем хорошо знакомы. Мореход, знакомый с ветрами, может вести свой парус ник и против ветра. Не зная ветров, он сразу окажется их игрушкой. То же можно сказать и о наших нелюбимых теневых качествах. Если человек их не знает, это, увы, не означает, что их нет, или что они не действуют.

У каждого в жизни бывали моменты, когда, что называется, «бес обуял», и человек вдруг оказался увлечен неведомой силой. Силу эту приписывают «бесу», то есть Диаволу, именно потому, что за собой мы ее не раньше не знали — или считали бесповоротно и

окончательно вытесненной. И вот эта бесовская сила, эта до сих пор успешно подавлявшаяся частица нашей целостной личности внезапно заполняет, захватывает, «оккупирует» нас, заставляя творить вещи, решительно ничем не объяснимые ни сей час, ни потом, когда мы пытаемся понять, как же такое могло случиться. В психологии эти неинтегрированные частицы личности называют «автономными комплексами»: они живут в нашей душе наподобие бродяг, прячущихся от дневного света и от контроля «властей», то есть сознания, дожидаясь подходящего момента, когда мы окажемся, например, в состоянии волнения или подпития, чтобы захватить контроль над сознанием и «погулять вволю». Тогда они и заставляют нас творить вещи, которые мы потом оцениваем как нам совершенно не свойственные — именно потому, что наше «Я» этих своих сторон не знает и знать не хочет. Однако и в случаях, когда дело не заходит так далеко и нам кажется, что все находится под контролем и никакие «бесы» нас обуять не способны, эти теневые стороны все-таки действуют на нас и определяют наши поступки. Кто из нас тверд на столько, чтобы не поддаваться никаким искушениям, и кто не наступает в очередной раз все на те же грабли, о которых, казалось бы, уже все знает? Вести бесконечную борьбу с собой, со своими слабостями и искушениями приходится, наверное, каждому человеку. Если же кто-то считает, что сумел преодолеть в себе все это, то он либо мудрец, либо, скоро всего, человек просто наивный. Раз эти, столь яростно отвергаемы! нами теневые качества и есть то, чего нам недостает для целостности, значит, именно они становятся нашими недостатками, слабостями, источниками нашей внутренней несвободы. Именно оно, то, чего нам недостает, так «бесит» нас всякий раз, когда ему удаётся вернуть нас с привычных небес на грешную землю, пусть даже только для того, чтобы напомнить о себе лишний раз. Так они, эти нелюбимые и ущербные частицы нашей души, просятся вон из то карцера, в который мы их заперли, чтобы вернуть себе природным облик и зажить наконец полной жизнью. Вот почему они, несмотря на все наши «добрые намерения», напоминают о себе каждый раз, когда мы думаем, что наконец-то сумели от них освободиться. Но так или иначе, что бы мы ни переживали, дойдя до этого этапа пути, здесь нас ждет исцеление. Именно здесь нам открывается наконец подлинный путь к целостности, к Спасению, или назовите как хотите. Здесь нам позволено восполнить недостающее. Однако до тех пор, пока мы не признаем это царство собственных страшных теней неотъемлемой частью своей личности, мы никогда не достигнем ни целостности, ни

спасения. Хотя эти слова, конечно, не следует понимать в том смысле, что теперь можно дать волю своим так долго копившимся обидам на соседку, начальника, жену-мужа, детей, бабушку и т. п., или, наоборот, напрочь забыть обо всех и начать жить, «как левая нога по желает». Можно и нужно теперь прежде всего осознать свои вытесненные влечения и желания, а затем найти возможность интегрировать их в сферу сознания, чтобы оно могло со всей ответственностью пользоваться ими. Тогда все то, что до сих пор было лишь деструктивным, можно будет сделать конструктивным, вернув ему наконец его истинные роль и место в структуре человеческой личности. Это не означает, что человек после этого станет «добрым»: наоборот, он, скорее всего, станет очень даже «недобрым», поскольку эти осознанные и столь упорно вытесняемые ранее частицы его тени заживут, как и все остальные, полной жизнью. Он может начать намеренно злить других, потешаться над ними или совершать шокирующие по ступки. Вот только делать это он будет совершенно сознательно и с полной ответственностью.

Это невозможное или недопустимое быть не отпустит нас до тех пор, пока мы не дозволим ему быть, как есть, в обоих пони маниях последнего слова. Чем больше мы боремся с ним или подавляем его, тем сильнее оно увлекает и завлекает нас. И до то пор, пока мы не захотим или не научимся узнавать эти темные силы в самих себе, нам то и дело будут напоминать о них другие! люди, именно потому, что в других наше Эго распознает эти силы гораздо легче и охотнее. Однако если мы будем прятаться от них так все время, то тень наша с каждым разом будет захватывать все новые сферы нашей души, пока однажды не завладеет ею полностью. На этой-то почве и разрастаются буйным цветом не толь ко наши личные тайные склонности, безумные подозрения и неодолимая потребность судить всех и каждого, но и укореняющиеся в умах как отдельных людей, так и целых коллективов нелепые представления о существовании всемирного заговора, сети которого плетет очередная группа негодяев, чтобы захватить власть над человечеством. В зависимости от географического положения и политической моды такими негодяями считаются коммунисты, масоны, сионисты, торговцы наркотиками, фундаменталисты, экстрасенсы, евреи, «зеленые», неонацисты, иноверцы, сайентологи, большевики, мафиози, иезуиты, олигархи, ЦРУ. Самое неприятное то, что эти «негодяи» не могут избавиться от таких проективных представлений о себе никакими способами. Такие проекции очень живучи, потому что люди, однажды создав их себе, становятся глухи к

доводам разума и, даже оставаясь в здравом уме и твердой памяти, не воспринимают никаких, даже самых очевидных аргументов «против». Тут их жертвы бессильны: их раз и навсегда объявляют козлами отпущения, и любые их слова в свое оправдание воспринимаются лишь как очередное подтверждение укоренившихся подозрений.

Такая борьба с тенями внешнего мира всегда свидетельствует о еще более жестокой борьбе в мире внутреннем. Чем сильнее мы подавляем что-то в себе, тем оно становится для нас привлекательнее и заманчивее, так что нам все чаще приходится сталкиваться с теми самыми людьми или явлениями, с которыми мы боремся так искренно и непримиримо, мы начинаем все чаще думать и даже мечтать о них. Но еще хуже то, что эта вытесненная проблематика регулярно заставляет нас либо делать именно то, чего мы не выносим в других (что, впрочем, не удивительно, потому что наше самодовольное Эго всегда найдет повод сделать для себя исключение из любых правил), либо подвигает на «высоконравственные» заявления и демонстрации, благородные по замыслу, на поверку же оказывающиеся еще хуже, чем прегрешения наших противников. Так священник, которому в припадке благочестия придет в голову извести всех чертей в округе, устроит такой экзорцистский шабаш, которому позавидуют любые черные маги. Обыватель, ощутивший себя призванным ко вселенской борьбе с порнографией, первым делом примется изучать всю порнографическую продукцию, находящуюся в пределах его досягаемости, то есть станет потреблять ее в гораздо больших количествах, чем любой из тех, кого он вознамерился спасать. При этом никакая совесть его глодать не будет, потому что ему-то как раз можно делать хоть самые жуткие вещи: его уверенное в своей исключительности Эго легко позволит ему это. Это — верный признак: когда члены общества защиты животных готовы в прямом смысле слова убивать людей, раз в году выезжающих на охоту, когда борьба за мир ведется с оружием в руках, когда первые, то есть образцовые лица страны вдруг оказываются героями грязных историй, транслируемых по всем телевизионным, каналам, когда верующие фанатики пытают и убивают людей во имя своей веры, когда величайший революционер и освободитель нации становится ее деспотом и тираном, когда святой гуру выжимает из своих приверженцев последние соки в духовном и. финансовом смысле, это значит, что все они в своем скорее поспешном, чем успешном стремлении к добру пали жертвой собственной тени и даже не заметили этого Но это еще не все. Здесь, во тьме нашей собственной

ночи, обитает еще одна тень, постоянно напоминающая о себе в течение всей нашей жизни. Это — наше противоположное сексуальное начало, именуемое у Юнга соответственно «анима» и «анимус». У этого начала, как и у всех внутренних образов, есть два полюса, светлый и темный. С их светлой стороной каждый из нас давно и хорошо знаком. Это знакомство произошло в тот самый миг, ког да мы впервые «влюбились по уши». В этот миг женщина познает своего анимуса, а мужчина с восхищением открывает в себе аниму, ибо истоки восхищения находятся только в бессознательном, и больше нашему сознанию взять его просто неоткуда.

Влюбленность — это на самом деле не что иное, как пробуждение любви к нашему собственному внутреннему «Я». Тот, другом человек, благодаря которому (и к которому) мы испытали это чувство, конечно, имеет какой-то такой нос или рот, который резонирует с образом нашей анимы. В нем действительно нашлось не что, сделавшее возможной проекцию этого нашего внутреннего образа на него. Однако это «нечто» настолько же исчезающе мало, практически невесомо в сравнении с нашими собственными переживаниями, как если сравнить картину и крючок, на котором она висит. Опыт показывает, что такая влюбленность редко длится дольше шести месяцев. Потом чудный образ тускнеет, покрывается трещинами, сквозь которые начинают проступать черты все менее приятные и далеко не такие прекрасные, как прежде. Вначале мы готовы пойти на любые уступки, чтобы только восстановить и сохранить прежний образ, однако рано или поздно наступает момент, когда мы в сердцах бросаем своему сказочному принцу (или принцессе): «Ты очень изменился!», само собой подразумевая при этом перемену к худшему. Мы браним его за «притворство», чувствуя себя обманутыми и разочарованными, и думаем, что наконец-то познали его подлинную натуру. На самом деле наш партнер не изменился за это время ни на йоту, просто наша способность проецировать на него свои внутренние образы, уменьшаясь день ото дня, окончательно сошла на нет. Для очень многих это становится поводом бросить нее и найти себе новый объект для переноса на него своих проекций, чтобы прожить еще шесть месяцев в состоянии любовной эйфории. Но есть и люди, со временем научающиеся вникать в суть происходящего и отличать образ от действительности. Для таких людей настоящая любовь начинается как раз тогда, когда влюбленность проходит.

Карта Диавола подводит нас к темному полюсу того образа противоположного пола, который живет в душе каждого из нас.

Побывав на светлом полюсе и испытав восхищение его (а точнее, своими собственными) положительными качествами, мы однажды все-таки распознаем в нем свои проекции — и начинаем бояться темного полюса, отрицательные качества которого должны же когда-нибудь проявиться. При этом самая большая ошибка в том, что мы опасаемся пострадать от проявления этих качеств другими людьми. На самом деле это все те же наши собственные теневые качества, внутренние образы, ищущие выхода, а вовсе не другие люди, на которых мы эти свои качества проецируем по привычке. Вот почему мы не жалеем сил и нервов, чтобы указать и доказать этим другим, в чем они неправы. Ведь мы на сто процентов уверены, что дело тут не в наших собственных качествах, которые мы проецируем на других, а в самих этих людях, которые хотят причинить нам зло и заслуживают за то самой жестокой кары. Но чем больше мы таким образом боремся с собственной тенью, чем больше мы ее вытесняем или подавляем, тем сильнее она становится, как это ни странно. Потому что она — часть нашей собственной личности, так что избавиться от нее нам не удастся, как невозможно избавиться от своей обычной тени в солнечный день.

Античная культура, вообще более лояльная по отношению к мужчинам, нежели к женщинам, оставила нам практически одни женские теневые образы, наиболее известным из которых по сей день остается Медуза, европейский аналог теневой стороны индийской богини Кали и источник нашего теперешнего страха перед колдуньями, ведьмами и осужденными грешницами.

Если мужчина, спроецировав на женщину эту теневую сторону своей анимы, узнает в ней такой унаследованный от предков образ, он будет убежден, что это и есть «истинная сущность» его партнерши, и разубедить его в этом ей будет очень трудно. То же самое можно сказать о женщине, переносящей образ своего собственного внутреннего мучителя, насильника или мелкого пакостника на живого и ни в чем не повинного партнера. Если нам в свое время с таким трудом удалось распознать призрак светлой стороны и пробиться сквозь него к реальной действительности, то насколько же труднее пробиваться сквозь темные призраки, к понимании того, что угрожают нам всего лишь наши собственные тени, а не — казалось бы, столь очевидные! — отрицательные качества и врожденная злобность близкого человека.

И чем упорнее мы будем закрывать глаза на это, тем чаще и сильнее эти тени будут вмешиваться в нашу жизнь. Недаром нас так

разочаровывают люди, в которых и друг открылись эти столь родные нам отрицательные черты. Недаром мы потом самозабвенно клеймим их или гордо уходим прочь со священным гневом в душе, забыв что когда-то были влюблены в этого человека, и даем себе клятву никогда больше не попадаться ни на какие приманки. Но юн осторожны мы ни были, как бы ни проверяли «на вшивость» его будущего партнера, все равно: стоит новой влюбленности выветриться, как мы с возмущением обнаруживаем, что си дали обмануть себя очередной ведьме — или ведьмаку, если угодно. Потом однажды наступает момент, когда нам кажется, что мы накопили достаточный негативный опыт, чтобы свободно рассуждать о сущности женщины или мужчины вообще. И, конечно, эта сущность получает у нас самую что ни на есть уничтожают оценку! Гордо отвергая все дальнейшие попытки противоположного пола поработить нас, мы решаем, что лучше прожить оставшуюся жизнь в полной свободе и одиночестве. Но пасаран!

Возможно, однако, что нам придет в голову, что все эти неприятные ощущения и злые поступки других, от которых мы так страдаем, имеют причину в нашей собственной душе, что это и есть наша тень, при каждом контакте вызывающая к жизни лини своих собственных близнецов, а вовсе не что-то эдакое в душе других, так что нам стоит постараться понять и признать эту свои тень, вместо того чтобы огнем и мечом искоренять ее в других людях. И тут не грех вспомнить мировую мифологию, в которой до цели доходит опять-таки не гордый рыцарь-одиночка, а рядовой воин, соглашающийся принять совет наставника противоположного пола. Целостности можно достичь, только наладив кол такт с противоположным полом. Ни паническое бегство, ни глухая оборона, ни провозглашение собствен ной независимости (иллюзорной, естественно) не помогут нам в этом. Тот, кто не сумел наладить контакт с противоположным полом, предпочитая избегать любого общения с ним, не сумеет и выполнить одну из важнейших частей своей жизненной задачи Одиночка никогда не достиг нет целостности.

На этой карте перед нами предстают Адам и Ева, закованные в цепи и находящиеся, казалось бы, в полной власти Диавола. Она олицетворяет подчиненность, зависимость и несвободу, то есть то, что нам приходится делать вопреки своим убеждениям, против воли. Образ понятен: мы лишены свободы, связаны, а потому уязвимы. Но, если вглядеться в рисунок, можно увидеть, что цепи наложены с большим зазором, так что люди в любой момент могут сами снять их.

Однако для этого им нужно сначала осознать свою несвободу. В этом-то и заключается проблема. Осознать свою зависимость от чего-то, понять ее причины бывает всегда очень трудно.

За каждой зависимостью на самом деле кроется неудовлетворенная зависть. Однако слишком часто, к сожалению, бывает так, что мы уже не помним, кому и в чем позавидовали когда-то, или вообще не догадываемся, что позавидовали. Зато мы очень хорошо ощущаем последствия этого, продолжая, например, курить после того, как уже несколько раз серьезно завязывали с курением. Дело в том, что такие проблемы, особенно в первой половине жизни, мы склонны решать «по-мужски», то есть пытаемся разрубить их одним махом, следуя девизу: «Раз я хочу, значит, я могу!» или: «Если у других получается, то у меня — тем более!». И некоторые таким путем действительно добиваются успеха — на первый взгляд. Безжалостно подавив симптомы, они думают, что ликвидировали причину болезни. Однако болезнь-то осталась. Таким путем курильщик не бросит курить: в лучшем случае он станет на время некурящим курильщиком. Рано или поздно болезнь проявится снова, только в иных симптомах, просто чтобы напомнить о себе, но наше сознание редко успевает сопоставить прошлое с настоящим и сделать выводы. Чаще всего человек еще до того опять принимается за старое, с тоской вспоминая о прежних благих намерениях, которыми, как известно, вымощена дорога в ад. Вот в этом-то аду мы с вами сейчас и находимся.

Здесь, в Царстве Теней, как раз и кроется причина болезни. Удалив ее, мы освободимся и от симптомов. Но ее еще надо найти, надо еще понять, которой из теневых сторон своей сущности мы однажды так сильно позавидовали, какой из них не терпится теперь проявит, себя в действительности. Огорчаться или напряженно размышлять по этому поводу не имеет смысла. Наше сознание тут же предложит нам на выбор целый ряд способов борьбы с тенью, абсолютно бесполезных. Ибо тень на то и тень, чтобы прятаться. А наше Эго слишком боится всего, с чем не знакомо, поэтому оно в свое время и сослало эту слишком опасную для него сущность в мир теней. Гораздо легче объявить нечто неприятное «бесовским наваждением», чем признать его действительно существующим и осознать как часть самого себя. Однако наша Самость, никогда не расстающаяся с надеждой привести нас к истинной цели, будет регулярно сталкивать нас с предметом нашей застарелой зависти, даже если сознание будет противиться этому всеми фибрами, утверждая, что все наши беды — результат ошибок других и вообще происки врагов. Тому, кто действительно

хочет понять, что с ним происходит, нужно просто быть внимательным, то есть научиться замечать и отмечать для себя подобные знаки, навязчивые мысли и повторяющиеся сны. И, если наш разум не отвергает заранее все новое, а готов задуматься над ним и признать, что паническое бегство от проблемы не помогает ее решить, и что именно в той сфере, которую мы считаем для себя неприемлемой, низменной или порочной, может скрываться волшебное сокровище, значит, мы уже кое-чего достигли. Как ни странно, для того, чтобы найти решение проблемы, часто не обязательно понимать ее суть. Достаточно сделать верный шаг. Сделав его, мы в тот же миг безошибочно ощутим, что зависть наша наконец утолена, даже если мы так и не узнали или не поняли, чем она была вызвана и какова ее связь с нашими теперешними действиями.

Удивительно, но в так называемых эзотерических кругах принято чуть не за версту обходить все, что хоть чуточку напоминает о дьяволе, тени, тьме или страхах. Люди могут вдохновенно рассуждать о целостности и исцелении и в то же самое время утверждать, что не имеют никакого дела с этой «чернухой», а если где и встретятся случайно, то обязательно очищают до полной «белизны», хотя противоречие здесь очевидно. Отсюда ясно, что любовь к белым одеждам и беспрестанные медитации на «свет» суть не что иное, как отчаянные попытки не подпускать к себе ничего темного и страшного. Вполне закономерным психологическим следствием этого нередко становится мания преследования. А поскольку бессознательное, как известно, выполняет компенсаторную функцию по отношению к сознанию, то и болезненно культивируемая белизна последнего может свидетельствовать лишь о беспросветной черноте бессознательного. Наше Эго туда и калачом не заманишь, поэтому вся эта чернота выплескивается во внешний мир, обретая формы страшных врагов, которых человек боится чем дальше, тем больше. К.-Г. Юнг заметил по этому поводу: «Светлым не станешь, думая о светлом все время. Им можно стать, лишь осознав темное. А это неприятно и потому непопулярно».

Тут стоит вспомнить, что дьявола на самом деле зовут Люцифер, то есть Светоносный. Как же может эта жуткая сила, которую мы привыкли считать источником тьмы и зла, приносить свет? Наше Эго наловчилось находить оправдание чему угодно, так что в конечном итоге мы в сравнении с другими всегда оказываемся «беленькими и пушистыми». При этом даже нельзя сказать, что такая наша самооценка ошибочна — она просто одностороння, то есть изначально

не принимает к рассмотрению некоторые вещи. Поэтому мы так часто не знаем о себе чего-то важного, предпочитая слушать льстивые рулады нашего Эго. Но когда мы встречаемся со своей тенью и осознаем, что она, эта самая тень, есть неотъемлемая и живая часть нашей личности, в нашем мозгу как бы вспыхивает свет, и мы понимаем, что вот это — тоже наше. Недаром гностики сравнивали зло с разбитым зеркалом, упавшим к нашим ногам с неба. У зеркала нет собственного образа. Оно показывает каждому лишь его самого, то есть тот образ, которого он без зеркала увидеть не может. В этом-то и заключается светоносный аспект Диавола.

До тех пор, пока, человек не подозревает о наличии у него тени, он ни о чем не беспокоится. «Однако тот, кто познакомился со своей тенью, — пишет К.-Г. Юнг, — понимает, что беспокоиться ему есть о чем». Чем меньше мы знаем о темных сторонах своей личности, тем больше находим их в других людях. Тот, кто считает, что ему не о чем беспокоиться, относится без беспокойства и к людям, его окружающим. Он избегает конфликтов, потому что убежден, что окружающие все сплошь хорошие люди. Вполне возможно, правда, что его Эго просто льстит ему, говоря, что такая любовь к ближним есть неоспоримое свидетельство его превосходства над ними, равно как и над теми, кто в необразованности и темноте своей не умеют избегать конфликтов с окружающей средой и лицами, ее населяющими. Но на поверку такая безоговорочная любовь к людям оборачивается трусостью и неумением доводить начатое дело до конца или по-настоящему вступиться за свои права. Поэтому такой человек лучше предпочтет всенародно объявить себя жертвой, чем признать, что окружающие просто пользуются его беспомощностью, обманывают его или просто насмехаются над ним. Так же, как он избегает встречаться со своей тенью, он боится прямо выступать против теневых аспектов, действительно встречающихся у других. Вместо этого он пытается объяснить и как-то оправдать эти аспекты, которых вообще предпочел бы не замечать, если бы они не затрагивали его самого. Преимущество такой позиции очевидно: и мир остается светлым и гармоничным, и конфликтов никаких. Но у нее есть и не менее очевидный недостаток: человек не только регулярно оказывается в роли жертвы, но и застревает на уровне развития малого дитяти, не знающего и предпочитающего не знать, что в мире существует зло. Быть ребенком приятно; для этого достаточно лишь быть послушным. Однако взрослый человек, продолжающий вести себя по-детски, очень скоро делается смешным, и со временем у него

возникает все больше проблем. Вот что пишет об этом Мария-Луиза фон Франц: «Единственная возможность пройти по жизни не дураком, пусть даже абсолютно безгрешным и хорошо воспитанным, которого папа с мамой оберегали от всех неприятностей окружающего мира, то есть бессовестно обманывали, обворовывали и карали ни за что, состоит в том, чтобы самому спуститься в темноту своего глубинного зла, для того чтобы наконец научиться инстинктивно распознавать его в других людях».

Нумерологическое сложение выявляет взаимосвязь между картами Влюбленных (VI) и Диавола (XV). В Таро Райдера-Уэйта эта взаимосвязь подчеркивается сходной композицией обоих рисунков. Мы видим на них Адама и Еву до грехопадения и после. На карте Влюбленных они находятся под эгидой архангела Рафаила, хранителя Древа Жизни, целителя мира и обитающих в нем людей. Этого архангела тоже считают проводником душ в Царстве мертвых, а также победителем темного ангела Азаила, в плену у которого как раз и находятся люди, изображенные на XV Аркане. Взаимосвязь этих двух карт напоминает нам о необходимости освобождения от всякой подчиненности и зависимости (Диавол), чтобы обрести возможность выбирать по свободному велению сердца (Влюбленные).

Обе карты оказываются, таким образом, не чем иным, как двумя противоположными полюсами одного и того же переживания; от одной этой мысли голова с непривычки может пойти кругом. Самые возвышенные, чистые и благородные чувства, свободные от каких бы то ни было темных пятен, человек испытывает, когда по-настоящему любит. Однако сопоставление этих двух карт показывает, что даже когда мы убеждены в полноте своей любви и в чистоте своих намерений, где-то в тайниках нашей души все равно существует противоположный полюс, темная область жажды эгоистической власти над другим человеком или доступа к его деньгам, банальной похоти или возможности устроить свой быт, или чего там еще. Но при этом верно и обратное: даже тогда, когда мы видим в другом человеке одно только зло, когда кровью клянемся отомстить и вообще мечтаем стереть его с лица земли, все равно существует некий светлый полюс, пусть и невидимый в данный момент, ибо под всем нашим гневом, ненавистью и презрением к нему таится все та же любовь, просто она немного «перестоялась» и подернулась пленкой ненависти.

Потому-то и бывает так тяжело осознавать, что одного полюса без другого не бывает, что они, как день и ночь, образуют единое целое, — именно этого наше разумное «Я», расслабившееся среди возвышенных

и благородных чувств, принять никак не хочет. Мы заботимся лишь о том, чтобы сохранить эти светлые чувства как можно дольше — и как можно быстрее спровадить темные в Подземное царство. Вот тут-то мы и попадаем в незавидное положение доктора Фауста, о котором он рассказывает своему ученику Вагнеру, в данном случае олицетворяющему его, Фауста, У собственную прежнюю беззаботность: «Тебе знакомо лишь одно стремленье. Другое знать — несчастье для людей. Ах, две души живут в груди моей, друг другу чуждые, и жаждут разделенья!»

Ключевые слова к карте Диавола:

архетип — противник

задача — преодоление внутренней противоречивости, знакомство со своими теневыми, прежде неизвестными сторонами, осознание их, снятие проекций

цель — понимание собственных ошибок, открытие в себе неведомых ранее сторон, освобождение от зависти

риск — пасть жертвой собственной тени, приняться за старое, впасть в неумеренность, похоть, увлечение борьбой за власть

Драматическое освобождение

Проникнув в Подземное царство, герой должен выполнить еще одну, не менее важную задачу — найти и отнять у вредителя-похитителя утраченное сокровище, проданную душу или что там еще, чтобы доставить на поверхность. Этой задаче соответствует карта Башни. Она олицетворяет победу над стражем входа, уничтожение главного чудовища, ловкое раскрытие темницы или тайника, освобождение пропащей души и проход обратно наружу сквозь врата Темного мира в мир Светлый.

На карте изображена молния, ударяющая в башню и свергающая ее корону. По древней традиции такая корона, какая нарисована здесь, то есть «закрытая сверху» дополнительными дугами, считается королевской или императорской, то есть служит символом непризнания над собой никакой высшей власти. Таким образом Аркан Башни становится олицетворением высокомерия, гордыни и мании величия, каким в свое время была Вавилонская башня.

Молния, этот перст Божий, символизирует некое внешнее событие, вызывающее слом или крушение прежнего порядка. Точно так же это может быть озарение, внезапно открывающее нам глаза на ошибочность наших прежних представлений и на неосуществимость планов. Однако нагляднее всего значение карты выявляется при сравнении ее с Четверкой Жезлов, представляющей собой как бы антипод Башни среди Младших Арканов.

Обе карты изображают большое сооружение — замок, башню. И здесь, и там мы видим людей в одних и тех же одеждах. Но если на Четверке Жезлов они, радуясь, сами выходят из замка, то из башни их выбрасывают. Чтобы лучше понять взаимосвязь между этими двумя картами, давайте представим себе, что Четверка Жезлов изображает идеальные дом и семью, какие у нас были в детстве. Замок на заднем плане, как и родительский дом, олицетворяет надежный и безопасный тыл, который был у нас, когда мы с радостным любопытством отправились «на разведку» во внешний мир, уверенные, что всегда сможем вернуться. Таким образом, Четверка Жезлов означает покой, открытость и безопасность, то есть именно то, что и требуется нам на данном этапе. Однако если мы в сорок лет все еще живем в той же

детской, и мама по-прежнему по утрам заправляет нам постель и готовит завтрак, то это уже далеко не то, что нам требуется, потому что мы выросли. Эти рамки стали слишком тесны, поэтому их нужно сломать. Поэтому башня означает слом того, за что мы держались слишком долго: пусть когда-то оно было необходимо и вполне подходило нам, однако теперь «село», устарело, загнило или отстало от моды, то есть в большой мере превратилось в темницу.

Отсюда карта Башни может означать слом прежних устоев, разрушение отжившей или чересчур наивной системы ценностей, а также крах ошибочной самооценки. Но в то же время Башня — это и выход из темницы, освобождение. Проблема лишь в том, что мы на самом деле привыкаем к своей темнице. Пусть в ней тесно, зато она такая родная. Мы вообще предпочитаем иметь дело с чем-то родным, будь это даже родная разруха. Вот почему крушение старого, символизируемое Башней, воспринимается вначале как нечто ужасное, если не вообще как катастрофа. Лишь позже мы начинаем понимать, что это было освобождение.

В своем стремлении избежать всего неустойчивого, объяснить все неясное и «взять под контроль» даже случай, наше Эго создает определенное представление о действительности, то есть кладет себе некоторые границы, внутри которых оно чувствует себя уверенно. Отсюда ясно, почему «Эги» с одинаковыми представлениями сплачиваются в группы по интересам: в такой группе они поддерживают и признают правоту друг друга, что опять же укрепляет мнение каждого Эго о самом себе и его веру в правильность представлений группы как единственной «в самом деле реальной» действительности. Тех, у кого представления иные, они не считают «своими» и в лучшем случае насмехаются над их странностью, непросвещенностью, непонятливостью или глупостью. Если же в представлениях других Эго ощущает для себя, угрозу, оно объявляет им войну, причем часто не на жизнь, а на смерть. И гордо шагает по жизни в твердом убеждении, что лучше него действительность никто не знает, ища и находя повсюду одни подтверждения своим прочно укоренившимся представлениям.

Картинки, которые мы сами себе рисуем в отношении окружающей нас действительности, нравятся нам гораздо больше, чем сама эта действительность. Мы даже не замечаем, как разрыв между ними действительностью становится все больше и больше, постепенно лишая нас контакта с нею. И мы полностью уверены, что эти картинки, отражающие лишь наши собственные мысли, воспоминания, желания,

комплексы или страхи, и есть действительность. Познавать объективную реальность наш разум склонен гораздо менее, чем держаться за свои представления, такие привычные и удобные, такие родные. Возьмите, например, человека, уже давно подозревающего, что в браке у него не все в порядке. Однако он всякий раз отбрасывает эту мысль, убеждая себя, что на самом деле все прекрасно, потому что иначе ему пришлось бы сначала признать существование проблемы, потом задуматься о своих ошибках, а потом даже что-то менять. Конечно, ему гораздо удобнее закрывать глаза на все симптомы и убеждать себя, что все в порядке или, по крайней мере, в пределах нормы, потому что у друзей и соседей тоже все складывается не лучше. Но однажды наступает момент, когда действительность прорывается наружу из-под привычных картинок, и красивые дворцы, где так уютно устроилось его Эго, рушатся у него на глазах. Тогда-то он с ужасом и осознает, что действительность оказалась совершенно не такой, какой он ее себе рисовал. Это и есть Башня. При этом картинки, за которые мы так держимся, не обязательно должны быть красивыми. С таким же успехом они могут изображать действительность мрачной и пугающей. Философ Эпиктет еще 2000 лет назад заметил, что страдать нас заставляют не сами вещи, а наши мнения о них. Эти мнения могут превратиться в навязчивые идеи, с помощью которых мы будем отравлять себе жизнь. Если Эго зациклится, например, на идее, что ездить в лифтах опасно, то человек будет бояться лифтов, считая, что они могут как минимум застрять, а то и оборваться. Рано или поздно он вообще перестанет пользоваться лифтами, доверяя своим опасениям больше, чем любым самым разумным аргументам и опыту других. Цена таких идей-фикс — не только все большее ограничение свободы передвижения, но и усиление страданий от жизни. В таких случаях Башня может означать какое-то событие или озарение, ведущее к освобождению от зацикленности.

Если стены Башни мешают нам видеть великое Целое, если они, как и любые иные границы, отделяют нас от Все-единства, они должны рухнуть. Это и будет, по словам Кришнамурти, «опустошение» сознания, освобождение от подчинения кому-то или чему-то и очищение от прошлого. Однако наше Эго обычно держится за свои никчемные представления такой мертвой хваткой, что для освобождения требуется сильное потрясение. Вот почему в сказках борьба со злом требует максимального напряжения сил: злом считается в них все то, что мешает обретению истинного

самосознания. Потому его и уничтожают с такой беспощадностью.

В более глубоком смысле Башня открывает дверь к осознанию Истины, разрушая прежнюю, навязанную нам систему ценностей и сотрясая самые основы столь любимого Западом «божественного порядка» с его однозначностью, ясностью и логикой. Именно в этом и состоит основная предпосылка осознания высшей действительности, того самого Все-единства, которое по самой своей сути может быть только парадоксальным. Поэтому целью великих мудрецов испокон веков был взлом узких рамок, ограничивающих наше сознание, с помощью неожиданных утверждений, заставляющих человеческую мысль свернуть с проторенного пути, или парадоксальных вопросов, поиск ответа на которые раскрывал изумленному обывателю всю нелепость его привычных представлений. Так, по легенде, поступал знаменитый Ходжа Насреддин. Аналогичным образом в дзен-буддизме ученикам предлагаются для медитации парадоксальные притчи-загадки (коаны), неразрешимые для привыкшего к однозначности мышления.

При всем при этом не следует недооценивать факт разрушения Башни ограниченного или ложного сознания и его результаты. Крах прежних представлений — не мелочь, а, как подчеркивает К.-Г. Юнг, «самый настоящий конец света, возвращающий все к первоначальному хаосу. Человек чувствует себя загнанным, потерявшим направление, как неуправляемое судно, отданное на волю стихий. По крайней мере, так ему кажется. В действительности же он всего лишь вернулся к коллективному бессознательному, которое и берет управление на себя». Далее он предупреждает, что результаты этого могут быть разные: для кого-то такой крах действительно становится концом всего, а кому-то внутренний голос помогает найти новое направление. Зависит же результат от того, насколько нам удалось приблизиться к Башне, насколько мы успели достичь зрелости на предыдущем этапе пути. Чем мы аморфнее, самоувереннее или высокомернее, тем драматичнее могут разворачиваться события. К.-Г. Юнг пишет даже, что «самоуверенное сознание гипнотизирует самого себя, так что обращаться к нему бессмысленно. Поэтому катастроф ему не избежать, и они могут даже прикончить его».

В человеческой жизни «разрушение Башни» тоже происходит по-разному. Во-первых, оно может стать «освобождением проданной души», открытием далеко запрятанного сокровища, то есть четвертой, до сих пор непроработанной и нереализованной функции сознания, со всеми вытекающими последствиями, переменами и переоценками

ценностей. Во-вторых, мы можем сделать что-то, на что до сих пор не отваживались, потому что не верили свои силы, «продав свою душу» в обмен на безопасность, благополучие или иную столь же фальшивую монету. Таким образом, оно может принять форму «взрыва бомбы», когда мы вырываемся из плена, подаем заявление об уходе, просто бросаем поддакивать кому-то или вдруг проявляем себя с такой стороны, о которой до сих пор никто (включая нас самих) даже не догадывался.

Еще Башня может означать преодоление внутренней закрепощенности, разрыв цепей, до сих пор сковывавших и ограничивавших нас. В сказке о короле-лягушонке колдовские цепи, сковывавшие сердце Верного Гейнриха, лопаются трижды со страшным треском, и герои всякий раз ведут такой диалог:

— Гейнрих, треснула карета!
— Дело, сударь, тут не в этом.
Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал…

И, конечно, Башня означает также освобождение от всего, что до сих пор застилало нам глаза, бессознательно подчиняло нас своей власти, заставляя делать вещи, которых мы не могли себе объяснить, и во многих отношениях не давало жить полной жизнью. В этом смысле Башня соответствует сказкам и мифам, центральной темой которых является борьба с опасным противником, драконом, постоянно повергающим всех в страх, и освобождение того, кого или что он держит у себя в плену. Это чудище может служить образом того внутреннего сопротивления, которое мы испытываем, когда реагируем на поставленную перед нами жизненную задачу словами: «Нет! Только не это!» или: «Лучше умереть!» Преодоление такого сопротивления, решение наконец сделать то, что мы прежде считали для себя неприемлемым, — прекрасный пример кардинального «разрушения Башни».

С другой стороны, в этом драконе можно узнать и нашего внутреннего контролера, тот самый авторитарный образ отца или матери, от которого мы так и не смогли избавиться, и который поэтому так мешает нам идти по жизни своим собственным путем. Эта тема тоже встречается во многих сказках и мифах. Вспомните хоть Гензеля, нашедшего в дремучем лесу пряничную избушку — райское наслаждение! — и угодившего в плен к злой ведьме, задумавшей его проглотить. Что это, как не бессознательный (= дремучий лес), темный

образ матери, перед которым человек беззащитен, пока сестрица Гретель (= его анима) не освобождает его. Обратная ситуация произошла со Спящей красавицей, к которой пришел ее анимус, чтобы освободить от чар темной феи — правда, ей пришлось дожидаться этого целых сто лет. О преодолении образа отца и связанных с ним экспектаций рассказывается, например, в сказке «Румпелыптильцхен», где мельник заявляет, будто его дочь умеет прясть золотую пряжу, заставляя короля предъявить к ней непомерные требования.

Смысл каждой из этих сказок, конечно, не сводится к одной сентенции, но все они показывают, как важно освободиться от тени слишком авторитарного отца или матери, чтобы обрести свободу — и способность жить с партнером. И тут не имеет значения, имеет ли родительский образ положительный или отрицательный характер: до тех пор, пока он обладает властью над нами, мы не свободны и не готовы встретиться с представителем противоположного пола лицом к лицу. Такая любовь-ненависть к образу одного из родителей может быть настолько сильной, что мы либо всякий раз отказываемся воспользоваться шансом сблизиться с другим человеком, либо, особенно если негатив в этом образе преобладает, в страхе обходим противоположный пол стороной. Но даже если образ позитивен, нам все равно необходимо освободиться от него, потому что иначе мы все время будем сравнивать с ним другого человека. Эти внутренние образы всегда совершенны, чего, к сожалению, нельзя сказать о людях «внешних». Потому-то они, и мужчины, и женщины, нас регулярно разочаровывают, отчего браки и просто связи распадаются одна за другой. Лишь верность внутреннему образу остается неколебимой.

В этом смысле момент, когда Персей отрубает голову Медузе, можно считать преодолением необычайно мощного образа матери. Совершить этот подвиг ему удается лишь с помощью своей анимы, выступающей в образе покровительствующей ему богини Афины, связь с которой он поддерживал постоянно. Это она дала ему сандалии, серп, мешок и щит. Она же провела его в обитель горгон и объяснила, что и как нужно сделать. Без ее поддержки у него ничего бы не получилось. Так с помощью женского начала ему удалось победить негативный женский образ.

Эдип же, напротив, пытался разрешить свою проблему лишь с помощью разума, не прибегая к аниме, отчего добился лишь мнимой победы. Правда, он решил загаданную ему сфинксом загадку, освободив тем самым город Фивы от его пугающего присутствия. Но была и другая загадка, которой он не только не решил, но даже не

обратил на нее внимания, потому что она его не интересовала — это сам сфинкс, точнее, «она сама» как символ вечной женственности. Так, ошибочно приняв часть за целое, он счел себя победителем и гордо позволил провозгласить себя царем Фив. Его внутреннее женское начало, анима, конечно, могло бы уберечь его от ошибки. А так он, сам того не ведая, женился на собственной матери, то есть, по сути, добровольно сдался в плен ее образу, тому самому женскому началу, которое считал побежденным. Когда же его ложная картина мира, его Башня, рухнула, и вместо привычных иллюзий ему открылась жестокая действительность, он не выдержал этого и сошел с ума.

Миф о путешествии египетского солнечного бога Ра по Морю Ночи тоже повествует о полном перевороте прежних представлений в точке полуночи. В этой, самой нижней точке своего пути Ра встречается с главной и самой страшной опасностью. Гигантская змея Царства ночи, Апопис, одним глотком выпивает подземную реку Нил, и ладья Ра оказывается на мели. Бог| солнца не мог бы двинуться дальше и новый (рассвет никогда не наступил бы, если бы на помощь не пришел Сет, заставивший змею выпустить реку обратно. То, что нам сегодня представляется просто забавной сказкой, звучало для древних египтян как нечто невероятное. Ведь Сет считался самым злым из всех божеств и при свете дня был заклятым врагом Ра. Но здесь, в глубинах ночи, он — единственный, кто может дать ладье продолжить путь. Сета так боялись, что нельзя было произносить вслух даже его имя, поэтому рассказчик ограничивался лишь намеком: «Великому Ра помог величайший из волшебников». Однако все слушатели знали, кто такой этот волшебник. Для нас смысл этой древней увлекательной повести заключается в том, что в этот самый темный час ночи наши привычные «дневные», черно-белые представления рушатся. Здесь они просто не срабатывают. Здесь даже тот, кого мы всегда считали своим заклятым врагом, может оказаться единственным, кто

В старинных колодах Таро корону с Башни сбрасывает перо. Как символ богини Маат оно означает божественную справедливость, разрушающую все ложное и неустойчивое.

Сумма цифр номера связывает карту Башни (XVI) с картой Колесницы (VII). Если Колесница означала выход героя во внешний мир, то Башня символизирует его решающий прорыв на свободу из Царства ночи.

Ключевые слова к карте Башни:

архетип — освобождение

задача — слом ставших тесными рамок, преодоление всего застарелого, отжившего, преодоление «черно-белого» мышления, «взрыв бомбы»

цель — освобождение от авторитарных внутренних образов и навязанных нам представлений, прорыв к свободе

риск — потерпеть фиаско, стать сломленным

жизнеощущение — фаза резких перемен, неуверенность и неожиданное освобождение поможет нам вырваться из плена.

С этой точки зрения и библейская заповедь «любите врагов ваших» предстает перед нами в новом свете.

Источник живой воды

Наконец-то герой достиг источника живой воды. Секрет этого источника заключается не в качестве воды, а в том, что его трудно найти. Как и в Фантасии, подземном царстве из повести «Бесконечная история», он всегда находится «на самом краю земли». А поскольку земля Фантасия, так же, как и бессознательное, бескрайня, значит, под этим следует понимать тот «край», до которого нам необходимо было дойти, те внутренние рамки, за которые нам предстояло выйти. И вот теперь, когда эти рамки наконец взорваны и пыль улеглась, вырвавшаяся на свободу душа может полной грудью вдыхать чистый воздух новых надежд. Покинув Башню ложного сознания, ограничивавшего ее так долго, душа наслаждается незнакомой ей прежде свободой и перспективами еще неведомого, но наверняка прекрасного будущего. Такое же ощущение безграничной свободы и счастья звучит в словах Данте, покидающего ад: «И здесь мы вышли вновь узреть светила». В сказке об Амуре и Психее тоже идет речь об этой таинственной воде. Это — третье задание, которое разгневанная Афродита дает Психее, разыскивающей своего возлюбленного. Взяв хрустальный сосуд, она должна отправиться к охраняемому змеями колодцу и набрать из него воды, а водой этот колодец питают Стикс и Коцит, реки Подземного царства. Выполнить это практически безнадежное поручение Психее помогает орел, посланец царя богов Зевса, задолжавшего Амуру одну услугу. Таким образом, и в этой истории выявляется значение анимуса как важнейшего ключа к решению задачи. Особенность же действий Психеи состоит, по Эриху Нойману, в том, что «она решает заданную ей задачу не прямо, а косвенно, выполняя задание с помощью мужского начала, но не беря на себя его функций. Ибо даже оказавшись вынуждена столкнуться с мужской стороной своей натуры, она остается верна своей женственности».

На этой карте Таро изображен целый ряд символов, связанных с открывающимся перед нами будущим и безграничной мудростью Космоса. Звезды, конечно, указывают на астрологию, а число их, так же как и число лучей у каждой, — на Восьмерку, символ середины пути между небом и землей, между тем, что, наверху, и тем, что внизу.

Птица на дереве напоминает о древнем способе гадания по полету птиц. Птицы, особенно перелетные, в древности считались посланницами небес, проводящими зиму в обители богов. Когда весной птицы возвращались на родину, жрецы-авгуры по форме и поведению стай узнавали волю богов на этот год. Но птицы — еще и символ провидческих способностей тех божеств, которым они были посвящены. Например, ибис, птица египетского бога мудрости Тота, или Хугин и Мунин, два ворона, сопровождавшие германо-скандинавского Одина, и, конечно, журавли, птицы Аполлона, покровителя знаменитого оракула в Дельфах. Дерево означало мудрость и служило основой календаря и астрологии друидов. Все эти символы олицетворяют космический Закон и возможность заглянуть в будущее. В этом и состоит основное значение карты. Можно сказать, что здесь человек действительно обретает зрение, как внешнее, так и внутреннее! И перед ним раскрывается новое будущее. Он осознает свои новые возможности, полученные благодаря совершению подвига, и видит теперь, как будто с высоты птичьего полета, открывающийся перед ним путь, ведущий к недостижимому прежде краю земли.

Обнаженная фигура на карте символизирует сфиру Бина, каббалистический Высший Разум. Она поливает живой водой и обычную воду, и землю. Вода, пролитая на землю, есть необходимая для плодородия влага, тогда как вода, вылившаяся в воду, означает избыток, излишество. Так карта иллюстрирует космический закон необходимости и достаточности: это — будущее, предлагающее нам живительную звездную влагу в количествах, не ограниченных нашей прямой потребностью.

Эта предоставленная нам возможность познать космический порядок, приобщиться к вечности означает в том числе шанс достичь уровня сознания новой эпохи, к чему нас исподволь начал готовить уже XIV Аркан. Ибо когда Башня ложного сознания рухнула, вместе с ней погибло и ошибочное представление о линейном и чисто количественном времени, состоящем лишь из прошлого, настоящего и будущего.

Освободившись от узости нашего прежнего мышления, мы понимаем теперь, насколько примитивным и неверным было наше представление о времени, и насколько безнадежной была наша погоня за нарисованными нами же картинками. Вот как описывает эти бесплодные попытки Кен Уилбер: «Не умея жить в безвременьи и купаться в наслаждениях вечности, мы ищем утешения в эрзацах, предоставляемых нам теми местом и временем, в которых живем,

надеясь, что хотя бы будущее даст нам то, чего нам так не хватает в этом жалком настоящем». Чтобы освободиться из этого тупикового состояния сознания, как раз и нужно искупаться в источнике живой воды, освобождающей человека от привязки к линейному времени и дарящей ему ощущение безграничной временнОй свободы. Это и есть то самое глубинное понимание, которого достиг Сиддхартха в конце своего путешествия, когда река научила его, что времени не существует, ибо река всегда одна и та же, как в истоке, так и в устье, в водопадах, на порогах, на перевозах, в быстринах, в море, в горах, — везде. Для нее существует лишь настоящее, будущее же — всего лишь тень.

Нумерологическое сложение раскрывает связь между картами Звезды (XVII, 1+7) и Справедливости (VIII=8), если сохранить за последней ее традиционный номер. Если на восьмом этапе своего пути герой познавал законы окружающего мира, то сейчас он познает законы Космоса, открывая для себя все более широкие и глубокие взаимосвязи. В греческом пантеоне эти взаимосвязи между различными началами олицетворялись богиней Фемидой и ее дочерью Дике. Фемида, дочь Урана-Неба и Геи-Земли, олицетворяла извечный порядок и справедливость. Она тоже входит в комплекс Аркана Звезды, потому что храм оракула в Дельфах был сначала посвящен ей, а уж потом Аполлону. Дике же, как раз и изображенная на карте Справедливости, считалась богиней, с мечом судьбы в руках и с открытыми глазами (!) следившая за порядком в мире.

Ключевые слова к карте Звезды:

архетип — мудрость

задача — надежда, видение будущего

цель — понимание высших взаимосвязей, приобщение к мудрости Космоса

риск — упущенный в поисках будущего контроль за настоящим, погоня за светлячками

жизнеощущение — вера в будущее, ощущение обновления, прилив сил

Коварные ловушки

Путь, пройденный героем прежде, состоял из десяти этапов, в астрологическом смысле соответствовавших пяти планетам: Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну, каждая в двух ипостасях, светлой и темной. Это карты по порядку от Умеренности (XIV) до Луны (XVIII), а также нумерологически связанные с ними карты от Жреца (V) до Отшельника (IX), олицетворяющие в паре два противоположных полюса каждой из связанных с ними планет.

Меркурий (5), бог путей и дорог, в греческой мифологии Гермес Психопомп, то есть Проводник душ, проявляется в Аркане Жреца (V) как воспитатель и проводник на пути во внешний мир, а в Аркане Умеренности (XIV) — как проводник души по Царству ночи.

Венера, богиня любви, проявляет в карте Влюбленных свою светлую сторону, а в Диаволе — темную, означающую гибельный путь страстей. Марс проявляет себя как весенний бог плодородия в карте Колесницы (VII), означающей выход героя во внешний мир, становясь в карте Башни (XVI) богом войны, способным как разрушать, так и обновлять. Юпитер в античную эпоху считался высшим судьей над богами и людьми, Карты от Умеренности до Луны и связанные с ними нумерологически карты от Жреца до Отшельника составляют полярные пары для планет от Меркурия до Сатурна на небе и на земле, что и показывают нам карты Справедливости (VIII), отвечающей за земные законы, и Звезды (XVII), олицетворяющей законы Космоса. Юпитер был супругом Фемиды, богини божественной справедливости, которой как раз и соответствует Аркан Звезды. Недаром Юпитера, как и ее, тоже часто изображали с весами в руках.

Светлый аспект Сатурна как мудрого старца проявляется в карте Отшельника (IX), а темный его аспект, порождающий страхи, отражен в карте Луны (XVIII).

Дело в том, что путь героя еще не окончен. Чудовище побеждено, пленная душа спасена, однако герою предстоит еще трудный путь домой. Он должен найти этот выход, не заблудившись в лабиринте Подземного царства. Тут-то его и поджидают коварные ловушки, погубившие немало богатырей. Вспомните Орфея, который обернулся — и потерял свою Эвридику навсегда.

Именно здесь, на этом этапе, оглянулась жена Лота и превратилась в соляной столп. Психея, добыв у Персефоны волшебную мазь красоты, не удержалась от искушения заглянуть в шкатулку — и впала в летаргический сон. Гильгамеш, спустившийся в Подземное царство и добывший там траву бессмертия, то есть приобретший новое сознание и понимание вечности, на обратном пути остановился на минутку, чтобы напиться из ручья, выпустил траву из рук — и ее тут же съела оказавшаяся рядом змея.

Законы Подземного царства строги: стоит пришельцу вкусить там чего-либо, будь то хоть зерна граната, и он уже никогда не вернется на землю. Так произошло с похищенной Персефоной. Кто хоть на миг присядет в аду, как это сделали решившие передохнуть Тесей с Пирифоем, тот навеки останется сидеть на его скалах забвения. Все это доказывает, что нисхождение в Подземное царство — это задача, которую необходимо решить, чтобы дойти до цели путешествия, а не сама его цель. То же означает и сказочный дремучий лес, в котором блуждает герой Гильгамеш с травой бессмертия в руках, которую ему предстоит потерять из-за змеи на обратном пути

Хитрые и злобные существа, окружающие его там, пытаются заставить героя отказаться от цели своего путешествия, выдать им заветное волшебное слово или забыть свое имя, то есть лишить его всех тех ценностей, которые он приобрел у Отшельника — недаром Аркан Луны связан с ним нумерологической суммой. Здесь, на этом этапе пути, опасность велика, как никогда: герой может в один миг потерять все, что добыл с таким трудом. Пример этого приводит персидский поэт Низами, с необычайной красотой, трагизмом и выразительностью передающий рассказ индийской красавицы (в субботу, в черном шатре Сатурна) о ее так и не состоявшейся любви. Но эта история слишком хороша, чтобы пересказывать ее в прозе, и слишком длинна, чтобы можно было уместить ее в этой книге.

В этом заключается и трагедия Нибелунгов, прекрасной иллюстрацией к которой могут служить последние карты Старших Арканов. Все положенные этапы Зигфрид прошел просто с блеском. Он мужественно спустился в ад, где дракон Фафнир (Диавол) стерег золото Рейна, сразился с ним и победил (Башня). Купание в драконьей крови сделало Зигфрида неуязвимым, а когда он съел кусочек сердца дракона, у него открылись глаза и уши. Он стал понимать язык птиц и увидел Брунгильду, свою аниму, поклявшись освободить ее из огненйого замка и взять в жены (Звезда). Однако потом Зигфрида угораздило выпить напиток забвения, который ему подали во дворце

короля Гунтера (Луна), и он забыл о своей прекрасной валькирии и женился на Кримгильде. Это предательство по отношению к своей аниме сделало его гибель неизбежной.

Если перенести эти образы на нашу повседневную жизнь, станет ясно, что встреча с бессознательным не безопасна и требует сильного, высокоразвитого сознания, которое не позволит бессознательному поглотить себя. Опасность того, что нисхождение в Подземное царство обернется бегством от мира, достаточно велика, потому что поток бессознательных образов, гораздо более ярких, чем реальность, и часто действительно прекрасных, может очень быстро заставить человека предпочесть ее реальности. Об опасности быть увлеченным и унесенным силами бессознательного предупреждал еще Гомер, говоря о двух вратах страны сновидений. Одни врата сделаны из рогов животных, другие из слоновой кости; из первых выходят вещие, из вторых — зловещие сны.

Эта двоякость возможного выбора была одной из причин, почему древние тайные школы принимали к себе не всех, предъявляя к соискателям очень высокие требования в плане зрелости их сознания. В отличие от них современные эзотерические школы принимают практически всех без разбора, отчего многие вещи так и остаются для слушателей размытыми и непонятными, а подлинное эзотерическое знание уступает место ярким, но бессодержательным фокусам. Оно, это знание, живет во тьме бессознательного, и только там оно может развиваться по-настоящему. Тот, кто делает выбор в пользу приемов как можно менее сложных и хлопотных, предпочитая считать тайным знанием именно их, особенно когда в его жизни снова все наладилось и беспокоиться, казалось бы, не о чем, пусть задаст себе вопрос: не есть ли это то самое бегство от мира, которое рано или поздно заведет его в дремучий лес, найти обратный путь из которого очень трудно.

Нечто подобное происходит, в частности, в современных группах духовного обновления, очищения, самопознания или как там еще. Участие в них, конечно, помогает некоторым людям решить свои проблемы, однако со временем в них образуется некий «нерастворимый осадок» из лиц, кочующих из группы в группу. Это люди, которым очень не хочется возвращаться в свою прежнюю реальность, такую враждебную к ним когда-то. И они, в счастливом неведении или сознательно подменяя один мир другим, делают все, чтобы задержаться в очередном уютном гнезде единомышленников как можно дольше. Эту-то возможность и предоставляет им группа. И они усаживаются на скалы забвения, блуждают в лабиринте

Подземного царства и забывают свое имя. Они забыли, чего хотели когда-то, зачем вообще вступили в группу, хотя вступали они в нее именно затем, чтобы с ее помощью научиться лучше уживаться с окружающей действительностью. Вот почему К.-Г. Юнг предупреждает: «Если психология у нас сегодня вынуждена подчеркивать значение бессознательного, это не значит, что сознательное объявляется маловажным. Цель только в том, чтобы уравновесить одностороннее и преувеличенно-почтительное отношение к последнему за счет хотя бы некоторой релятивизации. Однако эта релятивизация, в свою очередь, не должна заходить настолько далеко, чтобы поклонение архетипическим истинам погребло под собой обычное человеческое «Я». Наше «Я», если мы все-таки считаем, что оно существует, живет в определенном времени и пространстве, и в любом случае должно подчиняться их законам».

На карте Луны в Таро изображен рак, выползающий из воды. Его можно истолковать как намек на то, что здесь мы достигли тропика Рака, если считать карту Отшельника, связанную с образом Сатурна, тропиком Козерога. В обоих этих пунктах Солнце, этот небесный прообраз всех героев, ежегодно меняет направление своего движения на противоположное. То же можно отнести и к нашему герою, последовательно проходящему через оба поворотных пункта. Пройдя в свое время Аркан Отшельника (девятый), герой начал свое путешествие по царству Ночи, по двузначным картам, теперь же он, пройдя Аркан Луны (восемнадцатый), поднимается из глубин и возвращается к свету. И тут, и там он, проходит через врата, стражем же врат со времен глубокой древности считается Сатурн, астрологически соответствующий обеим этим картам.

Карту Луны часто интерпретируют неправильно, потому что в наши дни с Луной обычно связывают какие-нибудь романтические образы. На самом деле она олицетворяет тьму, ночь и проникновение в тайные глубины души. Луна заслоняет Солнце, и свет его меркнет (= солнечное затмение): это природное явление считалось в старину недобрым предзнаменованием и вызывало у людей ощущение страха и беспомощности. Такая интерпретация может показаться необычной, однако она подтверждается не только символикой карты, но и ее номером. Число 18 символизирует затмения, поскольку последовательность солнечных и лунных затмений, так называемый цикл сароса, повторяется каждые восемнадцать лет.

На рисунке изображен брод, место всегда опасное, хотя и дающее шанс перейти через реку, и узкая тропа, ведущая к двум серым

башням, которые мы уже видели на карте Смерти. Это — предвестники Небесного Иерусалима, символ наивысшего блага, которого мы можем достичь.

Однако путь к нему труден и опасен. Его охраняют собака и волк. Если пес, как то было и на карте Шута, символизирует безопасные, помогающие нам инстинкты, то волк означает инстинкты опасные и угрожающие. Он соответствует Церберу, стражу ада в греческой мифологии, задача которого не выпускать никого из подземного царства. И, хотя наша цель, Небесный Иерусалим, обитель спасения, уже близка, чтобы достичь ее, необходимо пройти еще одну трансформацию: «…потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:14). В средневековой мистике образом этого этапа пути часто служил узкий мост, через который должна была пройти душа, чтобы достичь жизни вечной. В сказках это, обычно бывает лезвие меча, на котором дол-., жен удержаться герой, чтобы перейти через пропасть, или какой-то иной последний и самый опасный этап пути.

В Путешествии героя это — опасность поддаться темному аспекту анимы, давая возможность своему внутреннему проводнику завести себя в безвыходный лабиринт. Именно потому, что природа бессознательного изначально биполярна и амбивалентна, проводник душ тоже часто ведет себя парадоксально. В легенде о Парсифале анима проявляет себя то со светлой, то с темной стороны, являясь ему, например, в образе доброй Звездной феи или ее темной антагонистки, Предвестницы беды («1a pucelle de malaire»). Они соответствуют картам Звезды и Луны. Главное здесь, на данном этапе становления личности, это понять, что проводник душ для нас — не цель, которой нужно достичь, а всего лишь средство, чтобы достичь цели, как Беатриче для Данте, приведшая поэта на вершину горы Очищения, чтобы он мог наконец узреть Высшее.

Следуя светлой стороне своей анимы, Звездной фее, герой все равно будет регулярно сталкиваться с ее темной стороной, которую здесь олицетворяет Луна, заслоняющая солнце. Лишь поняв, что Солнце, этот символ самости и конечная цель путешествия, скрывается именно там, за этой тьмой, герой сумеет найти выход из лабиринта или колдовского дремучего леса. В своем комментарии к легенде о Парсифале Эмма Юнг пишет: «Анима и в самом деле ведет себя самым парадоксальным образом или делится на две противоположные фигуры, между которыми сознание и будет метаться до тех пор, пока человеческое «Я» не осознает стоящую

перед ним задачу индивидуации. Лишь когда человек догадается, что за анимой-то и прячется его самость [т. е. Солнце, как символ самости, прячется за Луной, этой темной стороной анимы — прим. авт.], он обретет под ногами ту самую почву, которая и поможет ему избавиться от этих метаний; пока же анима для него остается неотличимой от самости, ему не избежать этой двойной игры, ибо самость будет то ввергать его в сложные ситуации, то выручать из них, то просвещать, то запутывать окончательно, и будет поступать так до тех пор, пока он не найдет самого себя и свое место по ту сторону этой игры в парадоксы».

Страх и страж — слова если не однокоренные, то во всяком случае созвучные. В астрологии оба эти понятия связывают с планетой Сатурн, стражем врат или порога. Но Сатурн — это еще и мудрый старец, знакомый helm по карте Отшельника (IX). Карта же Луны (XVIII), нумерологически связанная с Отшельником, и есть врата, охраняемые Сатурном. Она же — порог страха, к которому мы приближаемся всякий раз, когда нам предстоит взяться за новое дело или вступить на неведомую почву. Вступая в мир Отшельника, мы тоже испытывали подобный страх. Многим делается страшно, когда они вдруг оказываются совершенно одни, в полной тишине, в незнакомом месте. Ночью этот страх даже без всяких видимых причин может превратиться в панику. Если взглянуть на него с точки зрения психологии, то это — страх перед бессознательным, пытающимся прорваться через порог сознания, и уж тогда-то нам с ним точно не совладать, как нам кажется. Это страх перед глубинами нашей собственной личности, которых мы избегаем ровно в той же мере, в какой избегаем тишины и одиночества.

К.-Г. Юнг однажды сравнил современного человека с домовладельцем, слышащим ночью непонятный шум в своем подвале — и поднимающимся на чердак, чтобы зажечь там свет и убедиться, что в доме все в порядке. «Подняться на чердак», то есть обратиться к сознанию, чтобы быстренько затушевать все проблемы, очень легко. Спуститься же в подвал, в это темное помещение, пахнущее сыростью и гнилью, гораздо труднее, потому что там мы столкнемся с нашими темными сторонами. Поэтому в повседневной жизни мы обычно избегаем делать это, предпочитая направлять свою жизненную энергию на внешние объекты. Однако когда мы остаемся одни, да еще в тишине, этой энергии ничего не остается, как течь в бессознательное, вновь и вновь оживляя те самые проблемы, с которыми мы, казалось бы, так ловко расправились.

В мифах многих народов, а также в индийских Упанишадах Луна считается вратами небес. Значит, и наша цель лежит за вратами Сатурна, и самые высшие наши благо и счастье находятся за порогом страха. Поэтому во всех религиях имеются сатурнические ритуалы — пост, молчание, затворничество, — призванные помочь человеку преодолеть этот порог. Отсюда карту Луны, хоть она и олицетворяет тьму и страхи, не следует рассматривать как «плохую» или как совет всего лишь не делать чего-то. Об опасности метаний и блужданий, вызываемых Черной луной, то есть страхами, предупреждал еще царь Давид: «Нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем» (Пс. 10:2). И все же нам нужно понять суть своих страхов и тот совет, который они нам дают. Считается, правда, что страх — плохой советчик, однако он часто оказывается прекрасным указчиком пути к новому росту. И наша задача здесь — не отчаиваться, не позволять тьме запутать нас в ее лабиринтах, а повиноваться внутреннему зову и довериться с благодарностью своему страху, чтобы он перевел нас через порог. В «страхообразующих» ситуациях психологи советуют человеку дать выход своему бессознательному, например, проговорив его. Это, кстати, может быть одной из причин, почему люди одинокие часто беседуют сами с собой.

Вспомните историю Одиссея, у которого тоже были проблемы с возвращением домой. Дважды он даже почти достиг родного острова Итаки, однако оба раза кто-нибудь из его спутников (непроработанные части его собственной личности?) допускал роковую ошибку, и их корабль относило ветром или течением далеко в море. Все начальные этапы своего путешествия Одиссей прошел с блеском, лишь, Повешенный несколько раз возвращал его к_ себе, заставляя вновь и вновь отправляться в путешествие по Морю Ночи. И, если бы не Афина, его анима, представавшая перед ним также в облике Цирцеи, Калипсо, Лев-кофеи или Навзикаи, чья помощь и советы были действительно неоценимы, он бы никогда не добрался до дома. Без Цирцеи он не сумел бы ни противостоять манящему пению сирен, ни пройти роковой пролив между Сциллой и Харибдой. И, конечно, если бы его покровительница Афина вовремя не замалвливала о нем словечко перед другими богинями и богами, он бы просто погиб.

Постоянную связь со своим проводником Ариадной поддерживал и Тесей, когда отправился в Лабиринт сражаться с Минотавром. Это она дала ему знаменитую нить, другой конец которой держала в своих руках. Без этой связующей нити герой заблудился бы в Лабиринте,

этом олицетворении Подземного царства. Если бы он не сумел найти обратный путь, то, разумеется, погиб бы. Впрочем, этот миф можно интерпретировать как с мужской, так и с женской точки зрения. Тесей не погиб, потому что все время был связан с Ариадной, своей анимой. Ариадну тоже ничто не спасло бы, если бы у нее не было этой нити, связывающей ее с Тесеем.

Как много значит возможность довериться кому-то, особенно когда речь идет о Подземном царстве, в которое легко войти, но трудно выйти! В этом убедился и Данте, встреченный уже у входа в ад словами Миноса, подземного судьи: «Зачем ты здесь, и кто с тобою рядом? Не обольщайся, что легко войти!»

Тот же сюжет встречается уже в самом древнейшем из сохранившихся преданий о воскресении. Это величественный эпос древних шумеров о нисхождении царицы Неба Инанны в Подземное царство. В нем рассказывается, как Инанна, богиня Великого Верха, покидает свой небесный трон, чтобы навестить свою темную сестру Эрешкигаль, богиню Великого Низа. Однако прежде, чем постучаться во врата Подземного царства, она принимает меры предосторожности. Она договаривается со своим мудрым везирем Ниншубуром, что тому надо будет сделать, если она не вернется через три дня, как намеревалась. Так оно все и случилось, и она действительно навеки пропала бы в «Стране, откуда нет возврата», если бы верный Ниншубур не выполнил свое обещание. Таким образом, и в этом древнейшем мифе о воскресении «возвращение» удается героине только потому, что она сумела договориться со своим анимусом, в данном случае везирем.

Под проводником душ следует понимать и ту силу, которая поддерживает необходимое и достаточное равновесие между противоположными полюсами — мужским и женским началом, активностью и пассивностью, смелостью и терпением, эйфорией и депрессией, но прежде всего — мерой верной и мерой неверной. Путешествие по Морю Ночи, погружение в глубины бессознательного приводит героя к необыкновенному расширению сознания. Опасность потерять все из-за неверного хода алчного Эго, измены или мании величия, конечно, велика. Пример тому дает «Сказка о рыбаке и рыбке». Рыбак выпускает пойманную золотую рыбку обратно в море, и та в благодарность за это выполняет его желание, доставив старику новое корыто взамен разбитого. Но у старика есть еще старуха, и вот ее-то алчность и возрастает от раза к разу, пока не переходит в манию величия: она пожелала стать «владычицей морскою». На этом

терпение рыбки иссякает, и она исчезает вместе со всеми своими прежними дарами, оставив старуху опять с разбитым корытом. Рыбка в этой истории символизирует самость. Старик — это Эго, слишком слабое, чтобы противостоять негативному аспекту своей анимы, то есть бессознательной алчности, требующей удовлетворения все новых безудержных желаний. А поскольку стать владыкой чего-нибудь, а еще лучше бессмертным владыкой, втайне мечтает каждое Эго, то слабое Эго может не устоять перед искушением утратить верную меру, и тогда его ждет крах.

Встреча с глубинными образами опасна еще и тем, что Эго может принять трансперсональные наработки за свои личные достижения или отождествить себя с архетипом. Для нашего «Я» встреча с самостью — всегда настоящее потрясение или, выражаясь иначе, всякий раз, когда «Я» испытывает такое потрясение, значит, оно встретилось с одним из аспектов самости.

Главный вопрос при этом — как же поступит это «Я»? Примет со смирением и начнет служить великому Целому — или, раздувшись от нарциссической гордости, сочтет эту встречу своей заслугой, а себя — избранным и просветленным владыкой надо всем и всеми, окончательно пав жертвой комплекса «великого гуру»? К.-Г. Юнг говорил в этой связи о «манической» личности. (от слова «манна» полинезийское обозначение мгической энергии) Человеческое «Я», писал он, настолько неспособно устоять перед подобными искушениями, что подобную фазу самолюбования проходит в своем развитии почти каждый. Правда, пройдя ее, человеку бывает стыдно о ней вспоминать. Вот почему так важно знать о ее существовании заранее, чтобы не слишком на ней задерживаться. Здесь, в конце путешествия по Подземному царству, как раз и выясняется, сумело ли Эго после встречи с силами самости сохранить правильное направление. В сказке госпожа Метелица, отпуская героиню из своего «подземного царства», решает, вернется ли та домой с мешком золота или с мешком золы. Если первая попавшая туда сестрица просто служила силам самости, добросовестно выполняя все поручаемые ей сатурнические задания, то вторую волшебная сила самости интересовала лишь как средство легко и быстро удовлетворить эгоистические желания своего «Я». Этому последнему варианту соответствует столь широко пропагандируемое ныне «позитивное мышление», поощряющее наше «Я» к самой разбойничьей эксплуатации бессознательного. Расплачиваться за такую алчность приходится дорого. В конце мы остаемся с мешком золы.

Для нас, людей Запада, опасность разрушить себя в этой погоне за властью или деньгами особенно велика, потому что наша культура уделяла и уделяет слишком мало внимания внутренним мирам человека. Не зная, что в них таится, мы тем более подвергаемся опасности, потому что можем невзначай утонуть в любом из этих миров, зачарованные их искушениями и приманками. Мы склонны рассматривать бессознательное лишь с точки зрения целесообразности, то есть возможности использования его в практических целях. Об этой опасности предупреждает и Мария фон Франц, когда говорит: «Любая попытка извлечь из бессознательного выгоду всегда влечет за собой разрушительные последствия, как это происходит и в природе. Занимаясь одним только использованием лесов, животных или полезных ископаемых, мы нарушаем биологическое равновесие, за что неизбежно придется расплачиваться либо уже нам самим, либо следующим поколениям».

Так и Бастиан Бальтазар Букс, герой «Бесконечной истории», под конец настолько увлекся чудесами страны Фантасии, что чуть было не остался в ней навсегда. Потрясенное возможностью устроить и исправить все в этом мире так, как ему захочется, его Эго и думать забыло о возвращении. Лишь в самый последний момент, да и то благодаря активному вмешательству своего друга и союзника Атреху, герой поворачивает обратно. Вернувшись в наш мир, он встречает книгопродавца Кориандра, у которого в самом начале повести купил ту самую книгу под названием «Бесконечная история», и тот признается, что и сам побывал в стране Фантасии, а потом говорит Бастиану следующие знаменательные слова: «Есть люди, которые не могут попасть в страну Фантасию, (те кто застряли на этапе «повешенного») и_ есть люди, которые могут туда попасть, но не могут вернуться обратно (то есть «утонули» в мире луны»). Но есть и такие, кто попал туда и вернулся. Так, как ты. На них-то оба эти мира и держатся»

Вот об этом-то и идет речь. Цель путешествия не в том, чтобы сменить один мир на другой. Если мы, скажем, в первой половине жизни смотрели на все правым глазом, а потом вдруг убедились, что можем смотреть левым, то было бы глупо теперь навсегда закрывать правый, чтобы смотреть только левым. Точно так же, как мы смотрим обоими глазами, чтобы зрение было объемным, и слушаем обоими ушами, чтобы слух был стереофоническим, мы живем и сознательной, и бессознательной жизнью, состоим из мужского и женского начала, из внутреннего и внешнего человека, объединяя в себе свет и тень.

Поэтому и цель путешествия — достичь целостности, жить полной жизнью. Это объединение обеих сторон нашей натуры и есть тема следующей карты. Нумерологически карта Луны (XVIII), как мы помним, связана с Отшельником (IX). Если Отшельник означал достижение наивысшей точки в процессе роста сознания, то Луна символизирует самую глубокую точку нашей внутренней сущности, нашего бессознательного. Во всем Путешествии героя нет другой такой точки, где риск потерять дары Отшельника — знание, свое истинное имя и волшебное слово, — был бы сильнее, чем здесь, в этих лунных глубинах. Но и нигде более, кроме как здесь, человеку открывается шанс переступить порог своего страха (Луна) и найти наконец путь к себе (Отшельник).

Ключевые слова к карте Луны:

архетип — ночь, начало рассвета

задача — смена направления, осторожное преодоление порога страха, главное — не заблудиться и не потеряться

цель — возвращение к свету

риск — заблудиться в лабиринте, потерять цель, поддаться страху

жизнеощущение — блуждание, неуверенность, кошмары, страхи, тоска

Возвращение к свету или примирение

Свершилось! Герой одержал победу. Следуя пути Солнца, он прошел и Небеса, и Подземное царство, выдержал все испытания и в самом деле вернулся домой. Этот миг можно сравнить с утренней зарей. Тьма отступает, и душа поднимается из мрачных глубин Ночи, чтобы войти в светлую обитель бесстрашия.

Это тот самый момент, когда чудовище отпускает проглоченного героя на волю. Кит изрыгает Иону на сушу, гигантская змея выплевывает аргонавта Ясона, повинуясь Афине, его аниме.

На этой карте герой выглядит изрядно помолодевшим. Его фигура, фигура ребенка, дышит свежестью, вызывая ощущение нового, ясного утра, наступившего после долгой, темной и полной опасностей ночи.

Буквально по словам Библии: «И был вечер, и было утро: день первый» (Быт. 1:5), инициация, то есть подлинная трансформация героя началась вечером и завершилась с наступлением утра.

То, что герой предстает здесь в облике ребенка, показывает также, что результатом путешествия стала вновь обретенная простота. Человек, познавший действительность во всей ее сложности, в конце пути приходит к неизбежному выводу, что все великие истины просты. Однако принимать за мудрость плоские прописные истины не менее глупо, чем считать каждого шута мудрецом. «Инстинкт человека знает, что любая великая истина проста, — замечает К.Г. Юнг по этому поводу, добавляя: — вот почему человек (с неразвитым инстинктом готов принимать за нее всякие дешевые упрощения и банальности или же, после нескольких разочарований, впадает в другую крайность, считая, что великая истина обязана быть чрезвычайно сложной и непостижимой».

В ребенке на карте Солнца перед нами предстает Шут, каким он был в начале всей этой истории. Отправившись в свое путешествие наивным дурачком, он быстро повзрослел, поумнел и многому научился. Теперь, в конце пути, он вновь стал смиренным, скромным и действительно зрелым. Теперь это мудрый шут или простодушный чудак из легенды о Парсифале, вернувшийся к своей изначальной

простоте. Недаром именно он находит дорогу к замку Грааля, доступ к которому открыт лишь тем, кто чист сердцем. Вначале, еще глупым подростком, он случайно натыкается на этот замок, но ведет себя там совсем уж по-дурацки, и его выставляют вон. Потом, в конце своего пути, он возвращается туда простодушным чудаком — и совершает подвиг Спасения.

Возвращением к изначальной простоте завершается и прекрасная повесть Германа Гессе о путешествии его героя, Сиддхартхи. Тот вначале тоже надеялся, что ему удастся «воспарить» и благополучно миновать пропасти, поджидающие каждого человека на жизненном пути, чтобы без хлопот достичь просветления. Однако и он был вынужден убедиться, что в житейской науке «нет царского пути», и что человеку нужно сначала глубоко погрузиться в это житейское море, прежде чем он поймет, что такое свобода и как ее достичь. В конце своего пути Сиддхартха мысленно произносит слова, которые вполне могли бы послужить описанием карты Солнца: «Теперь, думал он, когда все эти эфемернейшие вещи вновь ускользнули от меня, теперь я вновь стою под солнцем, как некогда стоял маленьким ребенком, ничто не принадлежит мне, я бессилен и неучен». И немного дальше: «Он скатился вниз и теперь вновь стоял в миру нагой, и невежественный, и с пустотою внутри. Но это его нимало не огорчало, нет, напротив, он едва сдерживал смех — смех над собой, над этим странным безрассудным миром».

Чудесное омоложение героя — это и обретение нового временного сознания благодаря омовению в источнике живой воды (карта Звезды). Осознание космических законов позволило ему подняться над чисто хронологическим восприятием времени, он стал независим от времени в лучшем смысле слова. Но ему, в отличие от Гильгамеша, удалось сохранить это ощущение вечности и за порогом Луны. Теперь он располагает безграничным временем, как то было в детстве. Если прежде он воспринимал время количественно, и его ему всегда нехватало, то теперь время для него обрело качество. Теперь он не гонится за ним, надеясь успеть как можно больше, а знает, что один по-настоящему глубоко прочувствованный миг вневременного счастья дороже тысячи «ухваченных за хвост» удовольствий, и что именно моменты такого расширенного сознания и становятся потом самыми яркими воспоминаниями.

Начало и конец пути подобны, но не тождественны друг другу. О том же свидетельствует и мандала, внутренний и внешний круги которой соотносятся друг с другом как потерянный и вновь

обретенный рай. Они похожи, но не одинаковы. Между ними лежит путь, долгий и трудный, полный изгибов и поворотов, которых никому еще не удалось миновать. Известный немецкий астролог Оскар Адлер нашел этому прекрасную аллегорию, сравнив жизненный путь человека с африканской рекой Нигер, одной из самых длинных рек на свете, хотя расстояние от ее истока до моря не так уж велико. Но течь напрямик она не может, потому что путь ей преграждают горы. Поэтому ей приходится делать тысячекилометровый крюк, чтобы достичь своей, казалось бы, такой близкой цели.

Нашему разуму, привыкшему всегда и все выпрямлять, эти повороты представляются бессмысленными. Уж он-то, конечно, предпочел бы прямой путь. Вот почему так много людей приходят на консультацию в надежде, что карты Таро, книга Ицзин, гороскоп или хрустальный шар помогут им, к примеру, быстро и безошибочно выбрать профессию. Они: даже не думают о том, что оракул может раскрыть перед ними весь богатейший спектр их собственных возможностей, а хотят всего лишь получить возможно более краткий и точный ответ, что-то вроде: «Через два года вы будете работать вязальщицей».

Зачем думать, зачем рассылать ненужные резюме, когда можно потратить это время, допустим, на кругосветное путешествие или на изучение разного рода узлов и узоров, чтобы, так сказать, подготовиться к будущей профессии. Как было бы хорошо, да только есть тут одна неувязочка! Такой профессии, к которой нужно лишь взять да и приступить в такой-то день, нет и быть не может, как не может быть стопроцентно счастливого замужества, ожидающего тебя в готовом виде к определенному сроку. Чтобы достичь этих и любых других целей, нам нужно до них дорасти, а для этого придется пройти через множество ошибок, сомнений и заблуждений, то есть через те самые повороты, которые кажутся такими утомительными и ненужными. «Подлинный путь к целостности, — пишет К.-Г. Юнг, — состоит, к сожалению, из неизбежных блужданий и поворотов. Это — longissima via, (дорога, самая длинная из возможных) не прямая, а извилистая линия, соединяющая две противоположности наподобие путеводного кадуцея, тропинка, лабиринтообразные изгибы которой нередко бывают пугающими

То же самое говорит и Айюла, одна из героинь «Бесконечной истории» Михаэля Энде, мальчику Бастиану: «Ты шел путем желаний, а он никогда не бывает прямым. Ты сделал большой крюк, но это был твой путь. А знаешь, почему? Ты из тех, кто поворачивает обратно

только тогда, когда найдет источник живой воды. А его местонахождение — самая большая тайна Фантасии. Добраться до него не просто. — И, помолчав немного, она добавила: — Любой путь, который приведет тебя туда, окажется в конечном итоге правильным». В старинном Таро на карте Солнца часто изображали близнецов. Они символизируют примирение поссорившихся братьев, мир, заключенный между светом и тенью. Теперь, когда герой прошел через тот и другую, дав раскрыться своей светлой стороне и освободив из плена темную, они могут помириться друг с другом.

Важнейшая задача, стоявшая перед нами на «женском» пути по двузначным Арканам, выполнена: цивилизованный человек примирился со своей животной натурой, сознание заключило мир со своими теневыми аспектами. Эта тематика проявилась уже в карте Силы (XI), с которой начинается ряд двузначных Арканов. Однако воссоединение со своими отвергнутыми и вытесненными частями стало возможным лишь после того, как наше «Я» преодолело (XIII Смерть) и разрушило (XVI Башня) те стены и барьеры, которые само должно было возвести когда-то, чтобы обеспечить свое развитие и раскрытие. Первым шагом к этому воссоединению была карта: Умеренности, обозначившая начало путешествия по Морю ночи смешением двух прежде разъединенных жидкостей. Теперь, когда Ночь позади, в свете нового дня мы видим, что обе наши противоположные стороны успешно соединились. Человек стал целостным, его путь завершился — он узрел Солнце.

Примирение — важнейшее условие «хорошего» конца любой истории. Недаром во многих легендах и мифах так или иначе присутствует сцена примирения. Так, в вавилонском эпосе, созданном четыре тысячи лет тому назад, рассказывается о Гильгамеше, могущественном царе города-государства Урука, воевавшем со злобным Энкиду. Великана Энкиду боги создали специально, чтобы «окоротить» самолюбивого и, на их взгляд, слишком удачливого Гильгамеша. При первой же встрече тот и другой бросаются друг на друга с оружием в руках — царь, как символ цивилизованной силы, против звериной силы дикаря (образы, воплощенные в обеих фигурах на карте Силы). Под конец Гильгамеш и Энкиду убеждаются, что их силы равны, заключают мир и становятся друзьями и побратимами. Объединившись, они становятся непобедимой силой и побеждают страшное чудовище Хумбабу, угрожавшее их городу-государству.

Аналогичная ситуация описывается и в легенде о Парсифале, которому в конце пути довелось встретиться со своим сводным братом

Фейрефисом. Их общий отец, Гамурет, прижил второго сына на Востоке от чернокожей Белаканы, отчего Фейрефис был местами черен, а местами бел. Парсифаль сразился с ним так же, как и мы обычно сражаемся с другими людьми, обнаружив в них признаки своей собственной черной тени. Однако и в этом случае братья помирились, когда выяснили, что сила у них равная. Прекратив сражаться с собственной тенью, признав в ней своего брата и заключив с ним мир, Парсифаль открыл себе путь к Граалю.

В переводе на язык сознания это примирение означает в том числе и преодоление той извечной дихотомии (черное-белое), с которой наш разум так привык подходить ко всему, что есть в реальной действительности. Здесь, на этом этапе, мы наконец можем понять слова Жана Гебсера: «То, что разуму кажется противоположностью, есть с точки зрения психики всего лишь полярность, то есть не зло, а нечто, чего ни в коем случае нельзя разрушать при посредстве чисто рационального анализа».

Нумерологический подсчет выявляет связь между тремя картами: Солнце (XIX), Колесо Фортуны (X) и Маг (I). Это означает, что истинная жизненная задача (Колесо Фортуны), которую предназначено выполнить человеку (Маг), заключается в примирении (Солнце) противоречий, в примирении света и тьмы, заката и рассвета, добра и зла, цивилизованности и дикости, мужского и женского начала, жизни и смерти. «Тот, кто умеет видеть и свою тень, и свой свет, видит себя с обеих сторон, то есть находит золотую середину»

Ключевые слова к карте Солнца:

архетип — рассвет, утренняя заря

задача — подлинное примирение

цель — возрождение, понимание и осознание необходимости быть скромным

риск — стать банальным резонером

жизнеощущение — спокойствие, радость жизни, умение не создавать себе проблем, легкость и незацикленность

Исцеление

Теперь, когда все условия наконец выполнены, чудо преображения может свершиться. Как говорится в легенде о Парсифале, место, где должен совершиться подвиг Спасения, откроется лишь тому, кто чист сердцем. Это — замок Грааля, Небесный Иерусалим, Шамбала, «Город твоей мечты», буддийская Страна Амитабы или любая из многочисленных иных метафор, обозначающих наивысшую благую цель в различных книгах и культурах. Теперь сокровище, добытое героем в Царстве теней, эликсир жизни, живая вода, аленький цветочек или какое-то иное средство может принести исцеление. Действие, которое необходимо для этого совершить, описывается во всех книгах как чрезвычайно простое: поцеловать девушку, подать знак, да даже просто произнести нужные слова, и чудо преображения происходит. Заколдованный уродец становится прекрасным принцем или принцессой. В легенде о Парсифале это больной неизлечимой болезнью король Амфортас, выздоравливающий в тот же миг, когда Парсифаль обращается к нему с единственно нужным вопросом: «Дядюшка, тебе плохо?» Дело, как видим, оказывается совсем не трудным, вот только возможность сделать его появляется, лишь когда выполнены все необходимые предварительные условия. Смысл же чуда всегда один: исцеление и восстановление целостности.

На карте Суда этот миг сотворения чуда изображен в виде сцены воскресения мертвых. Смысл карты именно в этом, а не в названии. С «судом» как земным институтом правосудия она ничего общего не имеет. Но и библейский «Страшный суд», послуживший сюжетом для этой карты, тоже не является главной ее темой. Это всего лишь аллегория, за которой, однако, кроется вполне реальный факт «вынесения приговора»: кто достоин жизни вечной, а кому достанутся вечные муки. Потому что именно здесь, на этом этапе путешествия, наконец выясняется, кто истинный герой, а кто лишь прикидывался им и даже, если вспомнить сказки, похитил добытое им сокровище. Ибо, как говорит древняя китайская мудрость, «когда верным средством воспользуется неверный человек, то и верное средство подействует неверно». Вот тут-то и приходит конец любому шарлатану, потому что совершить подвиг Спасения может лишь истинный герой, о чем и

свидетельствует рисунок этой карты в старинном Таро. Труба архангела Гавриила на нем украшена знаменем (знамением) воскресения, означающим окончание периода страданий, победу над муками, а три человека, восстающие из четырехугольного гроба, олицетворяют освобождение тернера от кватернера, троицы из четверицы. Число Три (троица, тернер, треугольник) символизирует силы небесные, а число Четыре (четверица, кватернер, квадрат) — силы земные. Теперь, говорит эта карта, твое главное, единственное, божественное начало, твоя истинная сущность освобождается от земных оков, из физического и материального плена.

В сказках этому соответствует эпизод обретения заколдованным принцем или принцессой своего истинного облика, освобождения от ложной, уродливой личины, от своих повседневных масок, проявление изначальной, светлой и сияющей небесной натуры. Доктор Уэйт в своей колоде, известной как Таро Райдера-Уэйта, увеличил на этой карте число персонажей, как всегда, не дав этому никакого хоть сколько-нибудь подробного объяснения, кроме слов: «Но в этой карте заключено нечто большее, нежели эти трое восставших из мертвых, и этот вариант может послужить достойной иллюстрацией неполноты существующих толкований». То ли это плохой перевод, то ли автор сам нарочно запутал дело, — неизвестно. В любом случае нам остается лишь сожалеть, что эта прежде столь ясная и понятная символика карты стала теперь слишком зыбкой и расплывчатой.

Нумерологическая сумма выявляет связь между картой Суда (XX) и картой Жрицы (II), с которой таким же образом связана карта Силы (XI). Эта взаимосвязь показывает, что для освобожде¬ния или исцеления (Суд) необходимо целеустремленное желание и активное действие (Сила), однако и их недостаточно, если нет небесного приговора, то есть решения в нашу пользу, когда мы выполнили все положенные задания и интуитивно определили нужный для осуществления чуда момент времени (Жрица).

Ключевые слова к карте Суда:

архетип — чудо преображения
задача — исцеление, освобождение
цель — Спасение
риск — оказаться шарлатаном
жизнеощущение — свобода, душенное и физическое здоровье, мир в душе

Вновь обретенный рай

Совершивший путешествие совершенен. Но совершенства, как писал Герберт Фриче, «никогда не достигнет тот, кто подавлял и ущемлял свою натуру, а достигнет лишь тот, кто дал ей раскрыться». Наш герой достиг цели, нашел свой потерянный рай. Эта последняя карта Старших Арканов, изображающая танцующую фигуру «перевернутого Повешенного», показывает, что застой сменился настоящей жизнью, и человек теперь прочно стоит на ногах. Четверка, символ всего земного (скрещенные ноги), оказалась внизу, где ей и положено быть, а Тройка, символ божественного начала (раскрытые руки) — вверху. В четырех углах карты мы снова видим четырех херувимов, знакомых нам по карте Колесо Судьбы (X) и олицетворяющих четыре аспекта целостности. Однако здесь они изображены без книг, то есть им больше нечему учить нас. Мы уже научились всему, чему должны были научиться, экзамен сдан, герой стал целостным. Он нашел путь I из неправильного, перевернутого мира (Повешенный) в мир правильный (Мир).

Тот же смысл выражает и мандорла, (Мандорла — аура или нимб, обычно миндалевидной формы, окружающие фигуры святых) окружающая танцующую фигуру наподобие эллипса. Если окружность с одним-единственным центром означает индивидуальность, то эллипс — это единица уже более высокого порядка. По закону окружности любой импульс, исходящий из ее центра, отражается от края круга и возвращается обратно. Так окружность выражает сущность нашего Эго, воспринимающего себя как центр всего окружающего мира. Эллипс же — это «окружность», у которой Окружность, вращающаяся вокруг одного центра, как символ Эго. Эллипс, включающий два центра, как символ объединения противоположностей два центра. По закону эллипса каждый импульс, исходящий из одного его центра, отразившись, попадает в другой центр. Таким образом эллипс становится символом объединения изначально полярных противоположностей, таких, как мужское и женское начало, свет и тень, сознательное и бессознательное.

В Мифологическом Таро танцующая фигура изображена в виде гермафродита, чем образно подчеркивается целостность человека,

принявшего и примирившего в себе свою разнополую сущность.

В сказках это обретение героем целостности обычно выражается в том, что под конец он сам становится королем. Проводник привел его к той короне, которая скрыта в изображении солнца на XIV Аркане.

В «Божественной комедии» это Беатриче, приведшая Данте на вершину горы Очищения, чтобы он мог наконец узреть Высшее, увидеть вечное движение вокруг неподвижного центра.

Не следует думать, что эта точка лежит уже «за пределами мира сего». Недаром К.-Г. Юнг замечает: «Целостность — это не совершенство, а полнота». В другом месте он подчеркивает, что достижение целостности не освобождает нас от земных чувств: «Так, личность, достигшая единения, тоже вряд ли сумеет полностью избавиться от болезненного ощущения «двойственности» своей натуры. Полное освобождение от страдании мира дольнего, видимо, придется все-таки отнести к разряду иллюзий. В конце концов, даже символически-образцовая земная жизнь Христа окончилась не в блаженной сытости, а на кресте. Эта цель важна лишь как идея, главное же — то действие, которое ведет к ней: именно оно наполняет жизнь смыслом»

Нумерологически карта Мира (XXI) связана с Императрицей (III), к которой нас подводит и карта Повешенного (XII). Эта взаимосвязь еще раз показывает, что целостности (Мир) можно достичь лишь там, где внешний рост (Императрица) идет в ногу с внутренним (Повешенный).

Если взглянуть на жизненный путь как на спираль, ведущую все выше и выше, то окажется, что каждый виток спирали представляет собой новое Путешествие героя. Если так, то, пока мы в пути, нам предстоит вновь и вновь проходить по всем его двадцати с лишним этапам, только — я, по крайней мере, на это надеюсь, — каждый раз на новом, более высоком уровне. И лишь в самой высшей точке пути, и никак не раньше, эта последняя карта Старших Арканов будет действительно означать Все-единство. Но эту цель лучше воспринимать не как достойное окончание жизненного пути, к которому надо стремиться, а скорее как идеальный образ, побуждающий нас двигаться вперед и вперед. Ибо до тех пор, пока мы отрицаем что-либо в себе или в окружающем мире, будь то хоть черт с рогами, пока мы вытесняем или преследуем его, мы точно не достигли понимания Всего в Одном. Поэтому и наше Путешествие, не успев окончиться, опять начинается сначала.

Ключевые слова к карте Мир

архетип — вновь обретенный рай
задача — прийти к цели, найти свое предназначение
цель — занять свое место, делать свое дело, быть собой
жизнеощущение — мир, чувство глубокого удовлетворения, чувство

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Оставить отзыв о книге

Все книги автора